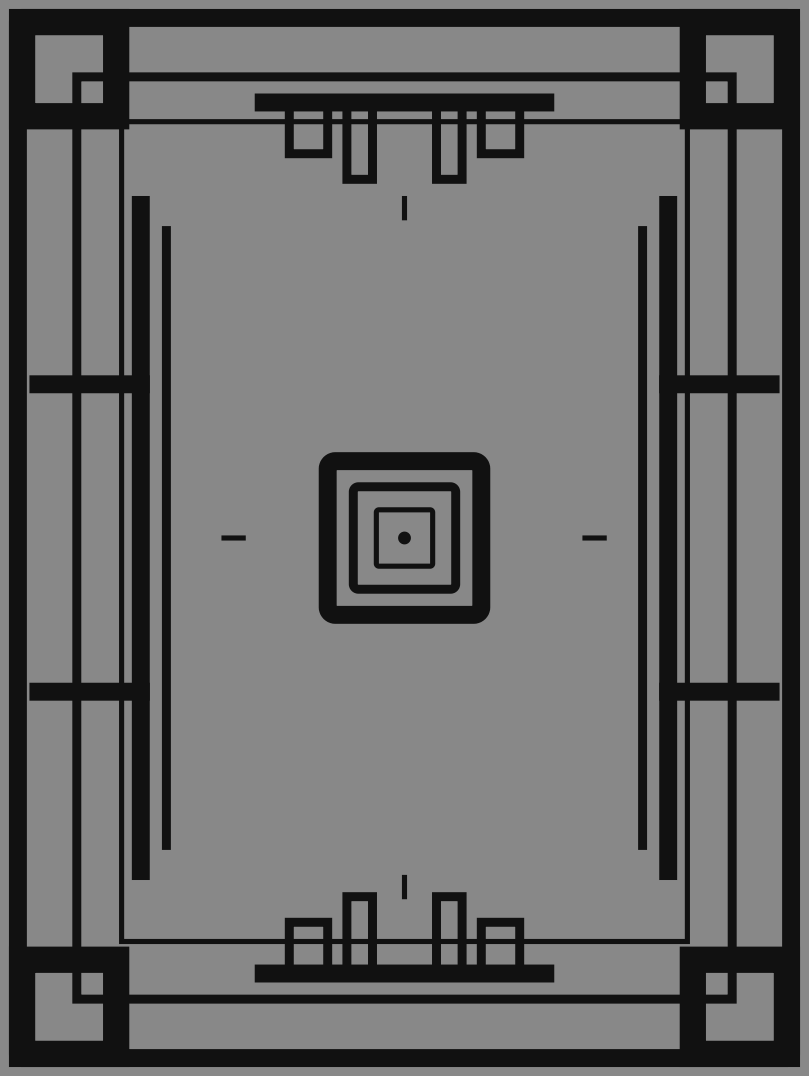

Борьба миров
Герберт Джордж Уэллс

Аннотация
Герберт Уэллс. Борьба миров
Часть I. ПОЯВЛЕНИЕ МАРСИАН
I. Канун войны
II. Падающая звезда
III. На Горселльском поле
IV. Цилиндр открывается
V. Тепловой луч
VI. Тепловой луч на Кобгэмской дороге
VII. Как я добрался домой
VIII. В ночь на субботу
IX. Война начинается
X. В грозу
XI. У окна
XII. Как были разрушены Уэйбридж и Шеппертон
XIII. Как я встретился с викарием
XIV. В Лондоне
XV. Что случилось в Суррее
XVI. Бегство из Лондона
XVII. «Дитя грома»
Часть II. ЗЕМЛЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МАРСИАН

I. В западне
II. Что мы видели из-под развалин дома
III. Дни плена
IV. Смерть викария
V. Тишина
VI. Результаты двухнедельного пребывания марсиан
VII. Человек с Путнэйского холма
VIII. Мертвый Лондон
IX. На обломках
Эпилог

Аннотация

На исходе девятнадцатого столетия никто не поверил бы, что за человеческой жизнью зорко, тщательно и завистливо наблюдали разумные существа, стоящие на более высокой ступени развития. Они обдуманно и расчетливо ковали планы против землян: чтобы выжить, расе марсиан требовалось завоевать территорию, населенную существами низшего порядка. И вот в начале двадцатого века на Землю посыпались цилиндрические снаряды, выпущенные с Марса…

Герберт Уэллс
Борьба миров

Часть I
ПОЯВЛЕНИЕ МАРСИАН

I
Канун войны

Никто не поверил бы, даже в последние годы девятнадцатого столетия, что за человеческой жизнью на земле зорко и тщательно наблюдали разумные существа, такие же смертные, как человек, но стоящие на более высокой ступени развития, и что в то время, когда люди занимались своими повседневными делами, за ними следили и изучали их так же подробно, как человек изучает в микроскопе кратковременную жизнь существ, живущих и размножающихся в капле воды. С безграничным самодовольством сновали люди взад и вперед по земному шару, занимаясь своими маленькими делами, в счастливой уверенности в своем господстве над материей. Возможно, что и инфузории, видимые в микроскоп, ведут такое же суетливое существование.

Никому не приходило в голову, что человечеству может грозить опасность со стороны старых миров, и даже самое предположение о возможности жизни на них отвергалось, как нечто

неправдоподобное. Любопытно припомнить теперь некоторое из ходячих мнений минувших уже дней.

Обитатели Земли допускали, что на Марсе могли жить живые существа, низшие по своему развитию, которые с радостью приветствовали бы нашу попытку исследовать их планету. А между тем по ту сторону зияющего мирового пространства за нами наблюдали умы, превосходящие нас так же, как ум человека превосходит ум животного, и завистливыми, враждебными глазами смотрели на нашу Землю. Они обдуманно и с верным расчетом ковали планы против нас, и вот в начале двадцатого века настал для людей момент великого разочарования.

Мне едва ли нужно напоминать читателю, что планета Марс вращается вокруг Солнца на расстоянии приблизительно 140 000 000 миль и получает от него лишь половину того количества тепла и света, какое получает Земля. Если гипотеза туманного образования имеет хоть какое-нибудь основание, то Марс должен быть старше нашей Земли, и задолго до того, как застыла земная кора, на поверхности Марса уже началась жизнь. Тот факт, что он едва достигает объема земли, должен был ускорить его охла-

ждение до той температуры, при которой могла возникнуть жизнь. Не нужно также забывать, что Марс обладает водой и воздухом и всем необходимым для поддержания животного организма.

Но так велико тщеславие человека и так он им ослеплен, что до конца девятнадцатого столетия ни один из писателей не подошел даже близко к мысли о возможности развития умственной жизни на Марсе, а тем более, что оно могло обогнать развитие ее на Земле. Однако из фактов, что Марс старше нашей Земли, что поверхность его равняется только четвертой части ее поверхности и он более удален от Солнца, не было все-таки сделано естественного заключения, что он не только больше отдален от начала жизни, но и ближе к ее концу.

Вековой процесс охлаждения, предстоящий когда-нибудь и нашей планете, зашел уже довольно далеко на Марсе. И хотя его физические свойства представляют в целом еще тайну, но нам известно теперь, что даже в его экваториальных областях средняя температура еле-еле достигает температуры нашей самой суровой зимы. Воздух на Марсе более разрежен, чем у нас, а уровень воды в его морях настолько понизился, что они покрывают теперь едва ли более

трети его поверхности, во время же длительной смены времени года на его полюсах образуются огромные залежи снега, которые, при таянии, периодически затопляют его умеренные пояса.

Эта последняя стадия умирания, еще невероятно отдаленная от нас, стала для обитателей Марса злободневным вопросом. Гнет близкой опасности изощрил их умы, увеличил их силы и ожесточил их сердца. И вот, обозревая мировое пространство, вооруженные умом и такими инструментами, о которых мы еще и не мечтали, они увидали в ближайшем от них расстоянии, всего в 35000000 миль по направлению к Солнцу, зарю надежды — нашу, более теплую, планету, покрытую растительностью, с синеющею массой воды, окруженную облачной атмосферой, что свидетельствовало о плодородии ее почвы. Сквозь просветы между бегущими облаками они увидели широкие пространства населенных стран и узкие полосы усеянных судами морей.

Мы же, люди, населяющие эту планету, не казались ли им такими же чуждыми и низшими существами, какими нам кажутся обезьяны и лемуры? Ум человеческий допускает, что жизнь есть беспрерывная борьба за существование. Повидимому, это мнение разделялось и

обитателями Марса. Охлаждение их планеты значительно подвинулось вперед. На Земле же еще кипела жизнь, но населена она была существами низшего порядка. И единственным способом для марсиан избавиться от гибели, — которая из поколения в поколение все ближе подвигалась к ним, — было переселиться ближе к Солнцу, то есть завоевать Землю.

Прежде, чем осудить их слишком строго за это, мы должны припомнить, как безжалостно и жестоко наша собственная раса уничтожала не только животных, как, например, исчезнувших бизонов и додо, но и низшие человеческие расы.

Тасманийцы, несмотря на свой человеческий облик, были стерты с лица земли европейскими переселенцами в течение лишь пятидесяти лет. Такие ли мы апостолы милосердия, чтобы иметь право роптать на то, что марсиане задумали вести такую же войну и против нас?

Свое нападение на нашу планету марсиане рассчитали с поразительной точностью — их математические познания, повидимому, далеко превосходят наши! — и с полным единодушием довели свои приготовления до конца. Обладай мы более совершенными инструментами, мы бы уже в начале девятнадцатого столетия заметили

надвигающуюся на нас опасность. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали красную планету, — кстати сказать, как это ни странно, Марс испокон веков считался звездою войны, — но они были не в состоянии объяснить происхождение дрожащих световых точек, которые они с такой точностью наносили на карты. В течение всего этого времени марсиане готовились к войне.

Во время противостояния в 1894 году был замечен яркий свет на освещенной стороне диска Марса, сначала Ликской обсерваторией, потом Перретином в Ницце, а позднее также и другими наблюдателями. Англичане прочли об этом впервые в одном из номеров «Nature» 2 августа. Я придерживаюсь того мнения, что появление этого яркого света объясняется взрывом пушки, помещенной в одной из глубоких скважин их планеты, откуда они потом и стреляли в нас. Странные, еще до сих пор не получившие объяснений, пятна были замечены вблизи этого взрыва во время двух следующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет тому назад. Когда Марс стал приближаться к противостоянию, Лавелль на Яве привел в движение все телеграфные проволоки астрономических соединительных станций, чтобы сообщить о

невероятном взрыве раскаленных газов на Марсе. Это произошло 12 августа, около полуночи. Спектроскоп, к которому он тотчас же обратился, показал массу горящего газа, преимущественно водорода, который с невероятной быстротой несся с Марса к Земле. Около четверти первого этот огненный поток стал невидим. Лавелль сравнил этот чудовищный огненный столб, внезапно вырвавшийся из недр планеты, с вырывающимся из пушки при выстреле горящим газом.

Это сравнение оказалось удивительно точным. На следующий день в газетах не было больше никаких сообщений об этом удивительном явлении, исключая маленькой заметки в «Daily Telegraph». Мир пребывал в неведении относительно величайших опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Может быть, я ничего не знал бы об извержении, если бы не встретился с известным астрономом Огильви в Оттершоу. Он был ужасно взволнован явлениями на Марсе и предложил мне заняться совместно с ним ночью наблюдениями над красной планетой.

Несмотря на все пережитое мною с тех пор, я ясно помню все мельчайшие подробности этого ночного бдения: темное, безмолвное здание обсерватории, затененный фонарь, отбрасыва-

ющий слабый свет на пол в углу, непрерывное тиканье часового механизма в телескопе и узкую щель в потолке в виде продолговатого углубления, через которое видно было небо с рассыпанными на нем звездами. Огильви ходил взад и вперед по комнате, невидимый мне, но слышный. Когда я посмотрел в телескоп, то увидел темно-синий кружок неба и маленькую, круглую планету на нем. Она казалась такой ничтожной и спокойной, и на ней слабо обозначались поперечные полосы. Чуть-чуть сплюснутая с двух сторон, она отступала от идеально круглой формы. Это была какая-то чуть заметная крапинка света! Она как будто дрожала слегка, но на самом деле это дрожал телескоп от часового механизма, удерживавшего планету в поле зрения.

Когда я смотрел на планету, мне казалось, что она то увеличивается, то уменьшается, то приближается, то удаляется, но это объяснялось просто усталостью моих глаз. Сорок миллионов миль отделяло нас от нее. Значит, более сорока миллионов миль пустоты. Мало кто может ясно представить себе безграничность пространства, в котором носятся пылинки материального мира.

Недалеко от Марса, в поле зрения, виднелись, я помню, три маленькие, светлые точки, — три

телескопических звезды, бесконечно далекие, а кругом них была непроницаемая тьма пустого мирового пространства. Всем известно, какою глубокою представляется эта темнота в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. Невидимое мною, такое далекое и малое, нечто неслось, посланное нам марсианами, неуклонно и быстро пролетая невероятно огромное расстояние, приближалось ко мне с каждой минутой на многие тысячи миль. Это было то, что должно было принести на Землю столько борьбы, бедствий и смертей. Когда я тогда смотрел, я не думал об этом; да и никто на Земле не думал об этом приближающемся к ней и безошибочно направленном метательном снаряде.

В эту ночь на Марсе произошел второй взрыв газа. Я наблюдал его. Красноватая вспышка на краю диска, очертания которого были чуть заметны. Это произошло как раз в тот момент, когда хронометр пробил полночь. Я сообщил об этом Огильви, и он занял мое место у телескопа. Ночь была очень жаркая, и мне захотелось пить. Неловко вытягивая ноги, я, ощупью, в темноте направился к маленькому столику, на котором стоял сифон. Огильви, между тем, пришел в страшное волнение, увидав волны горящего газа,

которые неслись к Земле.

В эту ночь второй невидимый снаряд полетел с Марса на Землю, ровно через двадцать четыре часа, без одной или двух секунд после первого. Помню, я сидел у стола, и красные и зеленые круги мелькали у меня перед глазами. У меня не было спичек, чтобы закурить папиросу, и это раздражало меня. Я совсем не думал о значении слабой вспышки, только что виденной мною, и не подозревал всего того, что она принесет мне с собой. Огильви продолжал свои наблюдения до часу, а потом мы зажгли фонарь, и направились к нему домой. Внизу, под нами, лежали Оттершоу и Чертси с их сотнями мирно спавших людей.

Всю ночь Огильви строил разные предположения о свойствах Марса и смеялся над идеей, что на нем есть живые существа, сигнализирующие нам. По его мнению на Марсе могло происходить сильное вулканическое извержение, или же это были метеориты, падающие на планету. Он обратил мое внимание на неправдоподобность предположения, что на двух соседних планетах органическая эволюция могла пойти одним и тем же путем.

— Миллион шансов против одного, что на Марсе нет человекоподобных существ, — говорил

он мне.

Сотни наблюдателей видели на Марсе огонь в эту ночь и в следующую ночь около полуночи и так десять ночей кряду. Почему после десятой ночи выстрелы прекратились, никто на Земле не пытался объяснить. Возможно, что газы, образовавшиеся при выстрелах, были причиной их прекращения. Густые облака дыма или тумана, казавшиеся даже в самый сильный телескоп маленькими серыми движущимися пятнышками, заволокли ясную атмосферу Марса и скрыли от нас его очертания.

Даже газеты обратили наконец внимание на эти явления. Повсюду появились популярные статьи о вулканах на Марсе. Я помню, что юмористический журнал «Punch» сделал удачное применение этой темы в политических карикатурах. А неведомые для всех снаряды, посланные марсианами, неслись тем временем к Земле через бездну пустого пространства, приближаясь с каждым днем и часом. Теперь мне кажется почти невероятным, как могли люди заниматься своими маленькими делами под занесенным над ними мечом. Помню еще, как ликовал Маркгэм оттого, что ему удалось достать новую фотографию Марса для иллюстрированной газеты,

которую он собирался издавать. Люди последнего поколения не могут даже представить себе того ажиотажа и духа предприимчивости, который царил в газетном мире в девятнадцатом столетии. О себе же скажу, что в то время я был занят упражнениями в езде на велосипеде и печатанием своих статей в различных журналах о вероятных формах развития моральных идей в период прогрессирующей цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд марсиан был в то время не более как в 10 000 000 миль расстояния от нас), я вышел с женой погулять. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки зодиака. Я показал ей также Марс, маленькую светящуюся точку, которая подвигалась к зениту и на которую теперь было направлено столько телескопов.

Была теплая ночь. Нас обгоняли группы гуляющих из Чертси и Излеворта, с музыкой и пением. В верхних этажах домов, в окнах, виднелся свет; их обитатели ложились спать. Издали, со станции железной дороги, доносился грохот маневрирующих поездов. Смягченный расстоянием, он казался почти мелодичным. Моя жена обратила мое внимание на блеск красных, зеленых и желтых сигнальных огней, выделявшихся на темном фоне неба. Все кругом дышало таким покоем,

такой безопасностью!..

II
Падающая звезда

Но вот наступила ночь первой падающей звезды. Ее видели рано утром, когда она, описав огненную линию, пронеслась высоко над Винчестером, по направлению к востоку. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду. Альбин, описывая ее, говорил, что она оставила после себя зеленоватый след, светившийся в течении нескольких секунд. Деннинг, один из величайших наших авторитетов по метеорологии, определил высоту ее полета в девяносто или сто миль. Он предполагал, что она упала на Землю приблизительно миль за сто от того места, где он находился в тот момент.

В это время я был как раз дома и писал у себя в кабинете, и, хотя окна мои выходили на Оттершоу и шторы были подняты (в эти дни я любил наблюдать ночное небо), я все же ничего не заметил. А между тем этот странный предмет, — самый странный из всего, что когда-либо попадало из воздушных сфер на Землю, — должен был упасть именно тогда, когда я сидел у себя, и

я бы его увидел, если бы поднял глаза, когда он пролетал. Те, кто его видел, утверждали, что его полет сопровождался свистящим звуком. Сам я этого не слышал. Многие в Беркшире, Суррее и Миддльсексе видели его падение, но подумали, наверно, что это опять упал метеорит. В эту ночь никто не потрудился пойти посмотреть на упавшую массу.

На следующий день Огильви, который видел эту падающую звезду, поднялся на заре. Он был уверен, что это был метеорит, и надеялся найти его лежащим где-нибудь на полях, между Горселлем, Оттершоу и Уокингом. И действительно, он вскоре нашел его невдалеке от песочных ям. Кругом со страшной силой был разбросан песок и мелкий гравий, которые образовали довольно большие кучи, видимые за полторы мили. К востоку от этого места горел вереск, и дым тоненькой голубой струйкой поднимался к утреннему небу.

Сам же таинственный предмет лежал глубоко в песке, среди разбросанных щепок сосны, которую он раздробил при своем падении. Та его часть, которая выступала наружу, имела вид гигантского цилиндра, сплошь покрытого толстой, чешуевидной, темно-коричневой корой, совершенно

скрывавшей его очертания. Величина его в диаметре была приблизительно ярдов в тридцать. Подойдя ближе к лежащей массе, Огильви был крайне поражен ее величиной и еще больше ее формой, так как метеориты имеют обыкновенно более или менее закругленную форму.

Но подойти к метеориту близко было невозможно, так как он еще не остыл после своего полета через атмосферу и был очень горяч. Жужжащий звук внутри цилиндра Огильви приписал неравномерному охлаждению его поверхности, — тогда еще ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым внутри.

Остановившись на краю ямы, вырытой упавшим телом, он в недоумении смотрел на этот странный предмет, не зная, чем объяснить его необыкновенную форму и цвет. Мысль о чем-то преднамеренном в его появлении на Земле уже тогда промелькнула в его сознании. Утро было удивительно тихое, и солнце, показавшееся над соснами Вейбриджа, уже достаточно грело. В это утро не было слышно пения птиц, даже ветерок не шелестел листьями, и единственным звуком, нарушавшим тишину, был слабый шорох внутри горячего цилиндра. На поле не было ни души.

Вдруг Огильви заметил с испугом, что кусок

серого шлака пескообразной коры, покрывавшей метеорит, отделился от его закругленной верхушки. Он отпадал хлопьями и валился на песок. Но вот отвалился внезапно огромный кусок и упал с таким резким стуком на землю, что у Огильви замерло сердце.

С минуту он стоял неподвижно, не понимая, что это значит. И, хотя жар, исходивший от метеорита, был еще очень силен, он все же спустился в яму, чтобы рассмотреть его поближе. Но даже и тогда он продолжал думать, что это явление объясняется неравномерным охлаждением цилиндра. Такому объяснению однако противоречил тот факт, что пепел отпадал только с верхушки цилиндра.

Потом он заметил, что крышка цилиндра начала тихонько поворачиваться. Движение это было настолько медленное, что он его заметил только потому, что черная черта, которая пять минут тому назад была перед ним, находилась теперь на другой стороне крышки. Но даже и тогда он не вполне понимал, что это означало, пока не услышал глухой, скребущий звук и не увидел, что черная черта передвинулась еще на один дюйм дальше. Тогда его словно осенило что-то. Цилиндр был искусственный, полый внутри, с

крышкой, которая отвинчивалась! Кто-то, сидящий в цилиндре, отвинчивал эту крышку!

— Там человек! — вскричал Огильви. — Их там много! Они наполовину испеклись и стараются вылезть оттуда!

И внезапно, быстрым скачком мысли, он связал появление метеорита с огненной вспышкой на Марсе.

Так ужасно было думать о заключенных там живых существах, что Огильви, забывая жар, который продолжал исходить от цилиндра, подскочил к нему, чтобы отвинтить крышку, но, к счастью, вовремя спохватился и потому не успел обжечь себе руки о раскаленный металл. Он остановился в нерешимости на одно мгновение, но затем повернулся, выкарабкался из ямы и со всех ног пустился бежать в Уокинг. Было около шести часов. Встретив на своем пути извозчика, он пытался объяснить ему то, что видел только что, но его рассказ, как и весь его вид — он потерял свою шляпу в яме, — показались вознице такими дикими, что он стегнул лошадь и поехал дальше. Такая же неудача посетила его с хозяином квартиры у Горселльского моста. Тот принял его за сбежавшего сумасшедшего и пытался даже запереть его в комнате. Это отрезвило Огильви

немного и, когда на дальнейшем своем пути он увидел журналиста Гендерсона, работавшего в своем саду, он окликнул его и постарался спокойно рассказать ему все виденное им.

— Гендерсон! — крикнул он. — Вы наверное видели вчера падающую звезду?

— Ну? — откликнулся Гендерсон.

— Она лежит теперь на Горселльском поле.

— Чорт возьми! — крикнул Гендерсон. — Упавший метеорит! Это недурно!

— Но он представляет из себя нечто почище простого метеорита. Это цилиндр — искусственный цилиндр, дружище! И в нем находятся живые существа.

Гендерсон, с лопатою в руке, немного нагнулся к нему.

— Что такое? — переспросил он: он был глух на одно ухо. Огильви рассказал ему все, что видел. Гендерсон на минуту задумался над его рассказом, а затем, бросив лопату, схватил свою куртку и вышел на дорогу. Оба вместе бросились бежать на поле и увидели цилиндр все в том же положении. Шум, слышавшийся внутри, однако прекратился, и между крышкой и телом цилиндра показалась узкая полоса блестящего металла. В этом месте входил или выходил воздух со сла-

бым тонким шипением.

Минуту они прислушивались, постучали палкой по цилиндру и, не получая ответа, пришли к заключению, что человек или люди, сидящие внутри, потеряли сознание или умерли.

Само собой разумеется, что оба они были не в состоянии что-либо предпринять. Они крикнули несколько слов ободрения и утешения сидящим в цилиндре и отправились в город за помощью.

Можно себе представить, как они выглядели, когда, покрытые пылью, взволнованные и растерзанные, бежали по маленькой улице городка, при ярком солнечном свете, как раз в такое время, когда открывались лавки и проснувшиеся жители смотрели из окон. Гендерсон тотчас же отправился на станцию железной дороги, чтобы сообщить в Лондон по телеграфу сенсационную новость. Газеты уже подготовляли умы к восприятию этого известия.

К восьми часам толпа мальчуганов и всякого праздного люда собралась на поле, чтобы посмотреть на «мертвых людей с Марса». В таком виде распространилось это известие. Я впервые услышал это от своего газетчика, когда вышел на улицу, чтобы купить «Daily Chronicle». Конечно, я был очень удивлен и, не теряя ни минуты, от-

правился через Оттершоуский мост к песочным ямам.

III
На Горселльском поле

Небольшая кучка в двадцать человек стояла вокруг ямы, в которой лежал цилиндр. Вид гигантского, зарывшегося в землю тела я уже описал раньше. Кучи земли и песку казались выброшенными взрывом. Без сомнения, тут произошел взрыв, вызванный падением тела. Гендерсона и Огильви не было там. Я подозреваю, что они оба не знали, что предпринять в данную минуту, и поэтому отправились завтракать к Гендерсону.

Четверо или пятеро мальчуганов уселись на краю ямы и, свесив ноги, забавлялись тем, что бросали камни в гигантскую массу, пока я не запретил им этого. Тогда они принялись играть в пятнашки, бегая вокруг группы собравшихся взрослых.

Тут были два велосипедиста, садовник, работавший иногда у меня, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг с маленьким сыном и двое или трое праздношатающихся бродяг. Разговоров почти не было слышно. Лишь у очень немногих из английского низшего класса были в то время

кое-какие понятия об астрономии. Большинство же из присутствующих молча созерцало большую плоскую крышку цилиндра, который оставался все в том же положении, как его оставили Гендерсон и Огильви. Я думаю, что многие, ожидавшие увидеть здесь груду обугленных тел, были разочарованы видом бездушного колосса. Некоторые ушли, пока я был там; их заменили другие. Я опустился в яму, и мне казалось, что я чувствую под ногами слабое движение.

Только подойдя вплотную к метеориту, я убедился в своеобразности его вида. На первый взгляд в нем не было ничего особенного, — не больше, чем в опрокинутом экипаже или свалившемся дереве, заградившем дорогу. Больше всего он был похож пожалуй на ржавую газовую трубу. Требовалась известная степень научной подготовки, чтобы заметить, что серая кора, покрывавшая его, не была обыкновенной окисью, а желтовато-белый металл, блестевший между крышкой и цилиндром, имел какой-то особенный оттенок. Определение «внеземной» было бы для большинства присутствующих пустым звуком.

Тогда я был уже твердо уверен, что этот предмет явился к нам с планеты Марс. Но мне казалось

невероятным, чтобы в нем находились живые существа. Движение крышки могло быть автоматическим. Вопреки мнению Огильви, я был уверен, что на Марсе есть живые существа. Полный фантастических предположений, я серьезно был озабочен мыслью, что в метеорите могли быть заключены рукописи, и представлял себе затруднения, которые должны были возникнуть при переводе их. В нем также могли находиться и образчики монет, медалей и т. д. Но для таких целей метеорит был все же немного велик. Меня разбирало нетерпение увидеть его открытым. В одиннадцать часов еще ничего не произошло нового, и я решил вернуться домой в Мейбюри. Но в этот день мне стоило больших усилий углубиться в свою работу, относящуюся к абстрактным исследованиям.

После полудня вид Горселльского поля сильно изменился. Вышедшие накануне вечерние газеты напечатали крупными буквами в заголовке:

ПОСЛАНИЕ С МАРСА.
Удивительные вести из Уокинга.

Конечно, это не должно было всполошить весь Лондон, и, кроме того, телеграфное сообщение Огильви на астрономическую станцию подняло

на ноги все обсерватории трех королевств.

На дороге, около песочных ям, стояло с полдюжины кабриолетов из Уокинга, легкий шарабан из Кобгэма, довольно шикарный собственный экипаж и целая армия велосипедов. Несмотря на жару, много народу пришло пешком из Уокинга в Чертси. В общем, собралась порядочная толпа и среди нее несколько нарядных дам.

Солнце нестерпимо жгло, на небе не было ни облачка, ни дуновения ветерка, и только под одиноко стоящими соснами можно было найти немного тени. Горящий вереск наконец потушили, и вся равнина, по направлению к Оттершоу, почернела, и от нее все еще тянулись вверх струйки дыма. Какой-то предприимчивый купец из Кобгэма прислал своего сына с тележкой, нагруженной кислыми яблоками и имбирным пивом.

Когда я подошел к краю ямы, я увидел там группу людей, человек шесть, в том числе Гендерсона, Огильви и какого-то высокого блондина. Как я потом узнал, это был астроном Стэнт, член Королевского астрономического общества. Он пришел с несколькими рабочими, вооруженными заступами и кирками. Стэнт отдавал приказания ясным, громким голосом. Он стоял на цилиндре, который теперь уже значительно остыл. Лицо его

раскраснелось, и пот катил с него. Повидимому, он был чем-то раздражен.

Большая часть цилиндра были теперь обнажена, но своим нижним концом она лежала еще глубоко в земле. Как только Огильви увидел меня в толпе зевак, стоявших на краю ямы, он крикнул мне, чтобы я сошел к нему, и попросил мена пойти к владельцу соседнего поместья, лорду Гильтону.

— Все увеличивающаяся толпа, — сказал он мне, — представляет серьезную помеху земляным работам, в особенности же мешают мальчуганы. Необходимо обнести яму решеткой, чтобы оттеснить толпу. — Он рассказал мне также, что внутри цилиндра по временам все еще раздается слабый шорох, но рабочим не удается отвинтить крышку, так как она гладкая и не за что ухватиться. Стенки цилиндра были, повидимому, очень толстые, и поэтому весьма возможно, что слабые звуки, доносившиеся до нас, были лишь отзвуком происходящей внутри кутерьмы.

Я с радостью взялся исполнить поручение, так как попадал, таким образом, в число привилегированных зрителей внутри предполагаемой ограды. К сожалению, я не застал лорда Гильтона дома, но мне сказали, что его ждут из Лондона

с шестичасовым поездом. Было уже четверть шестого, и поэтому я зашел домой напиться чаю, а затем отправился на станцию, чтобы перехватить лорда на пути.

IV
Цилиндр открывается

Когда я вернулся на поле, солнце уже садилось. Отдельные группы любопытных спешили из Уокинга, другие возвращались туда. Толпа вокруг ямы увеличилась и выделялась темным пятном на золотистом фоне вечернего неба. Всего тут было человек двести. Слышался гул спорящих голосов и у ямы происходило, повидимому, что-то вроде борьбы. Самые необыкновенные догадки мелькали у меня в голове. Когда я подошел ближе, я услыхал голос Стэнта:

— Назад! назад!

Навстречу мне бежал какой-то мальчик.

— Он двигается! — закричал он, пробегая мимо. — Он все отвинчивается и отвинчивается. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой.

Я подошел к толпе. Там было не менее двухсот-трехсот человек. Все они ужасно толкались, стараясь протискаться вперед, и особенно энергично действовали дамы.

— Он упал в яму! — закричал кто-то.

— Назад! — кричали другие.

Толпа раздалась немного, и я, воспользовавшись этим, протискался вперед с помощью локтей. Все были в страшном возбуждении. Из ямы доносились какие-то своеобразные, жужжащие звуки.

— Я прошу вас, — кричал Огильви: — помогите мне оттеснить этих идиотов! Мы еще не знаем, что находится в этой проклятой машине!

Я увидал, что какой-то молодой человек, приказчик из Уокинга, стоял на цилиндре и старался выкарабкаться из ямы, куда его, очевидно, столкнули во время давки.

Крышку цилиндра отвинчивали изнутри. Уже около двух футов блестящих нарезов винта стали видимы. Кто-то нечаянно толкнул меня сзади, и я чуть-чуть не полетел вниз, прямо на цилиндр. Я обернулся, и как раз в этот момент крышка цилиндра отвинтилась и со звоном упала на песок. Я оттолкнулся локтем от напиравших на меня сзади людей и обернулся лицом к лежащему колоссу. Блеск заходящего солнца ослепил мне глаза, и круглое отверстие цилиндра показалось мне на минуту совершенно черным.

Я думаю, что каждый из присутствующих ожидал появления человека, отличающегося от земных людей, но все же человека. Я, по крайней

мере, был в этом уверен. Но когда я вгляделся пристальнее, то заметил вдруг, что в темноте двигалось что-то серое, волнообразными движениями, одно над другим, а потом я увидел два блестящих круга, очевидно — глаза. От этой копошащейся кучи отделилось нечто вроде маленькой серой змеи, величиной с тросточку. Оно устремилось в мою сторону, а за ней такая же другая.

У меня мороз пробежал по коже. Сзади меня громко вскрикнула какая-то женщина. Полуобернувшись к толпе, но не отводя глаз от цилиндра, из которого высовывались все новые щупальцы, я стал протискиваться назад. Я видел, как на лицах людей удивление сменилось ужасом. Кругом раздавались дикие крики и испуганные возгласы. Началась всеобщая паника. Я видел, как приказчик из Уокинга еще старался вылезть из ямы. Люди, стоявшие на стороне ямы, бросились бежать, и между ними был мистер Стэнт. Я остался один.

Взглянув на цилиндр, я окаменел от ужаса. Мои ноги словно приросли к земле. Я не мог пошевелиться, но не мог не смотреть.

Огромное, серое, круглое тело, величиной с медведя, медленно и тяжело поднималось из

цилиндра. Когда оно вылезло настолько, что на него упал свет, то я заметил, что все его тело блестело, как мокрая кожа. Большие темные глаза пристально смотрели на меня. У него было что-то вроде лица. Под глазами был рот, без губ, края которого непрерывно дрожали, и из него текла слюна. Все тело поднималось и опускалось от усиленного вдыхания. Одно щупальце уцепилось за цилиндр, другое болталось в воздухе.

Тот, кто никогда не видал живого марсианина, не может себе представить ужасающего безобразия этих существ. Своеобразная форма рта в виде римской цифры V, с заостренным верхним концом, полное отсутствие надбровных дуг, отсутствие подбородка под клинообразным нижним краем рта, непрерывное дрожание рта, змеевидные щупальцы, громкое дыханье легких в чуждой атмосфере, а также бросающаяся в глаза тяжеловесность, затрудненность движений, — результат большей силы притяжения на Земле — и главное, — упорный взгляд их огромных глаз, — все это вызывало во мне чувство, близкое к обмороку. Было что-то грибообразное в этой маслянистой коричневой коже, а в неуклюжей обдуманности медленных движений марсиан лежало что-то невыразимо страшное. Уже с первой

встречи, с первого взгляда отвращение и ужас наполнили мою душу.

Чудовище вдруг скрылось. Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму с таким стуком, словно большой кожаный мешок ударился о землю. Я услышал странный, глухой крик, и в тот же момент в темном отверстии цилиндра показалось второе такое же существо.

Тут столбняк мой разом прошел. Я повернулся и бросился бежать, как сумасшедший, к ближайшей группе деревьев, бывших на расстоянии ста ярдов от меня. Но я бежал зигзагами и спотыкался на каждом шагу, так как все время оглядывался на чудовище.

Там, под молодыми соснами, за кустами дрока, я остановился, задыхаясь, и стал выжидать дальнейшего развития событий. Поле, вокруг песочных холмов, было усеяно людьми, которые, так же как и я, словно очарованные, в ужасе стояли и смотрели на невиданные существа или, вернее, на кучи камней у края ямы, в которой они копошились. Вдруг я увидел круглый черный предмет, который то поднимался над краем ямы, то снова исчезал. То была голова злополучного приказчика, который упал тогда в яму, голова, казавшаяся издали маленьким, черным пятном

на фоне заката. Но вот показались его плечи и колени, а затем он опять, должно быть, соскользнул, так как видна была только его голова. Вскоре и она исчезла, и я услышал как будто слабый крик. Одну минуту я чуть не поддался импульсу бежать ему на помощь, но страх одержал верх…

Теперь уже ничего не было видно, так как куча песку, набросанного при падении цилиндра, скрывала от глаз происходившее в яме. Всякий, кому пришлось бы проходить в это время по дороге из Кобгэма или Уокинга, был бы поражен необыкновенным зрелищем. Рассеянная толпа народа, человек в сто слишком, стояла неправильным кольцом, прячась в канавах, за кустами и изгородью. Никто не разговаривал друг с другом, и только иногда слышались короткие, возбужденные возгласы. Брошенная своим владельцем тележка с имбирным пивом вырисовывалась темным силуэтом на алеющем вечернем небе. У песочных ям стоял ряд опустевших экипажей, лошади которых ели овес из подвешенных торб и нетерпеливо взрывали землю копытом.

V
Тепловой луч

С той минуты, когда я увидел марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они прилетели со своей планеты к нам на Землю, какие-то чары сковали мою волю. Я продолжал стоять, как заколдованный, по колено в вереске и, не отрываясь, смотрел на песочные кучи, скрывавшие от меня этих чудовищ. Страх и любопытство боролись в моей душе.

Я не решался вернуться к яме, но у меня было страстное желание заглянуть в нее. Я начал поэтому искать какой-нибудь удобный пункт для наблюдений, не спуская однако глаз с песочных куч, за которыми прятались эти странные пришельцы. Вдруг я увидел, как взметнулся кверху, по направлению к заходящему солнцу, какой-то тонкий, черный пучок, словно лапа полипа, и снова скрылся. Затем вытянулся, точно сустав за суставом, тонкий столб, на конце которого находился круглый диск, который все время вращался. Что могло происходить там?

Большинство людей разделилось на две груп-

пы. Одна, поменьше, стояла в стороне Уокинга, другая кучка, побольше, — в стороне Кобгэма. Очевидно, все они переживали такую же душевную борьбу, как и я.

Несколько человек стояло около меня. В одном из них я узнал моего соседа, хотя имя его было мне неизвестно. Я подошел к нему и заговорил с ним. Но момент был совсем неподходящий для разумной беседы.

— Что за ужасные гады! — сказал он. И он повторил это несколько раз.

— Видели вы человека в яме? — спросил я его. Но он мне ничего не ответил на это. Мы долго молча стояли друг около друга и испытывали, казалось, некоторое облегчение оттого что были вместе. Затем я перешел на другое место, которое было выше на несколько футов и удобнее для наблюдений, а когда я оглянулся, то увидел, что мой сосед шел по направлению к Уокингу.

Закат сменился постепенными сумерками, не принеся с собой никаких изменений. Вдали, налево от Уокинга, толпа как будто прибывала, и оттуда доносился неясный гул голосов. Около Кобгэма бывшая тем кучка людей совсем рассеялась. Вблизи ямы, где лежал цилиндр, не было заметно никаких признаков жизни.

Это подействовало ободряюще на толпу, и возможно также, что новые зрители, подходившие из Уокинга, способствовали подъему настроения. Во всяком случае, с наступлением темноты возобновилось медленное, непрерывное движение по направлению к песочным ямам, которое все разрасталось, так как около ямы, где лежал цилиндр, продолжала царить тишина, и это придавало храбрости людям. Группы в два-три человека отваживались итти вперед, останавливались, пристально всматривались и снова продвигались дальше. Редким, неправильным полукругом растянулись люди около ямы. Я тоже начал медленно подходить к ней.

Несколько кучеров и других каких-то людей отважились даже спуститься в песочные ямы. Я услышал стук колес и конских копыт. Молодой парень тащил обратно свою тележку с яблоками. А ярдах в тридцати от ямы, со стороны Горселля, показалась темная кучка людей, несущих белый флаг.

Это была депутация. Как оказалось потом, в Горселле состоялось очень оживленное совещание. Так как марсиане, несмотря на свою отталкивающую наружность, были, повидимому, существа разумные, то решено было отправить к ним депу-

тацию и как-нибудь, при помощи сигналов, дать им понять, что мы такие же разумные существа, как и они.

Белый флаг развевался во все стороны. Я стоял слишком далеко, чтобы различить лица идущих, но потом я узнал, что в числе участников этой попытки завязать сношения с марсианами были также Огильви, Стэнт и Гендерсон. Эта маленькая группа людей вступила внутрь теперь уже почти сомкнувшегося круга. За нею, на почтительном расстоянии, следовало несколько темных фигур.

Вдруг вспыхнул яркий свет, и туча светящегося, зеленоватого дыма потянулась вверх из ямы тремя ясно видимыми клубами. Столбы дыма, один за другим, поднимались вверх в тихом, безветренном воздухе, прямые, как свечи.

Этот дым, — назвать его пламенем было бы, пожалуй вернее, — светился так ярко, что темно-синее небо и все пространство коричневого поля, по направлению к Чертси, с разбросанными на нем черными соснами, погрузилось во мрак, когда поднялись эти клубы, а когда дым рассеялся, то стало еще темнее. Одновременно слышен был слабый свистящий звук.

По другую сторону ямы остановилась депутация с белым флагом, пораженная этим явлением;

это была маленькая, ничтожная кучка черных фигур на черной земле! Их лица, освещаемые вспышками зеленого дыма, казались зеленовато-бледными, как у мертвецов.

Шипящий звук постепенно перешел в жужжание и, наконец, в громкое, протяжное гуденье. Из ямы медленно поднялась бесформенная фигура, и казалось, что из нее брызнул маленький световой луч.

Вдруг по разбросанной человеческой толпе пробежали искры настоящего пламени, перескакивая от одного к другому. Казалось, что в них ударили невидимой струей света, который сейчас же превратился в белое пламя. Будто каждый, в кого попадала такая струя, мгновенно загорался.

И при свете этого пламени, приносившего им гибель, я видел, как они метались и падали и как те, кто следовал за ними, обращались в бегство.

Я стоял ошеломленный всем виденным, не понимая еще, что в той далекой группе людей носится смерть, выхватывая одного за другим. Я чувствовал только, что там происходит что-то особенное. Одна, почти неслышная, ослепительная вспышка света, — и человек падал безжизненной грудой на землю, а над его головой невидимая огненная струя проносилась дальше, — зажигая

сосны, кусты дрока и превращая все на своем пути в огненный костер. Я видел, как вдали, под Нэпгиллем, загорелись вдруг ярким пламенем деревянные постройки, изгороди и деревья.

Быстро и неуклонно носилась кругом огненная смерть, все поражая своим невидимым, неумолимым мечом. По пылающим кустам я догадался, что она подходит ко мне; но я был так ошеломлен и удивлен, что не мог двинуться, Я слышал треск огня в песочных ямах и внезапное лошади, которое тотчас же затихло. Казалось, что между мной и марсианами чья-то невидимая, раскаленная рука провела по полю огненную линию; повсюду вокруг песочных ям темная земля задымилась и затрещала. Вдали под Уокингом, где дорога со станции выходит в поле, что-то рухнуло со страшным треском. Тотчас же прекратилось гудение, и черный, куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся из глаз.

Все это произошло так быстро, что я стоял оглушенный и ослепленный, не будучи в состоянии двинуться с места. Если бы огненная смерть описала полный круг, то я бы погиб безвозвратно. Но она прошла мимо и пощадила меня, оставив во власти темной, жуткой ночи.

Холмистое поле казалось теперь почти чер-

ным, и только местами, под темно-синим небом, чуть-чуть серели полосы дорог. Было темно и совершенно безлюдно. Вверху над моей головой постепенно загорались звезды, а на западной стороне неба все еще виднелась мерцающая, бледно-зеленая полоса, на которой резкими, темными контурами выделялись верхушки сосен и крыши домов Горселля. Марсиане и их приспособления оставались совершенно невидимыми, только высокий шест, на верхушке которого вертелся неутомимый диск, продолжал стоять. Отдельные кусты и одиноко стоящие деревья все еще горели и дымились, да в стороне Уокинга, у станции, от домов поднимались огненные столбы дыма, расплываясь в тихом ночном воздухе.

Ничто не изменилось. Если бы только не это чувство ужасного, подавляющего изумления! Маленькая горсточка черных фигурок с белым флагом была вычеркнута из жизни и мирная тишина вечера как будто не нарушалась.

Я вспомнил, что я остался один в этом мрачном поле, беззащитный, беспомощный. И внезапно, словно что-то пришедшее ко мне извне, на меня напал страх. С усилием я повернулся и, спотыкаясь о вереск, побежал прочь.

Страх, обуявший меня, был не сознательный

страх, а панический ужас не только перед марсианами, но и перед окружавшими меня мраком и тишиной. Подавленный этим ужасом, я бежал и тихо плакал, как дитя. Теперь, когда я отвернулся, я уже не решался оглянуться назад.

Помню, что я испытывал тогда странную уверенность, что со мной кто-то играет и что, как только я буду в пределах безопасности, эта таинственная смерть — быстрая, как свет — выскочит из ямы, где лежит цилиндр, настигнет меня и убьет…

VI
Тепловой луч на Кобгэмской дороге

Все еще остается загадкой, каким образом могли марсиане так быстро и бесшумно убивать людей. Многие придерживаются того мнения, что они доводят до очень высокого градуса температуру в запертой камере, абсолютно не проводящей тепла. Этот накопленный запас теплоты они направляют посредством параллельных лучей на любой намеченный ими предмет, с помощью отполированного параболического зеркала, подобно тому световому лучу, который распространяется параболическим зеркалом на маяках. Но никто еще не мог доказать верность всех этих предположений. Как бы то ни было, одно было несомненно — что суть дела была в тепловом луче. Тепловая энергия, и притом невидимая, вместо видимой световой. Все воспламеняющееся горит при одном прикосновении этого луча. Свинец превращается в жидкость, железо становится мягким, стекло лопается и плавится; а когда такой луч попадает в воду, он превращает ее в пар.

В ту ночь вокруг ямы лежало до сорока трупов, обугленных и обезображенных до неузнаваемости. Всю ночь на поле Горселле и Мейбургом бушевал огонь, и туда не показывалась ни одна живая душа. Только постепенно огонь затих.

Весть о разыгравшейся трагедии облетела почти одновременно Кобгэм, Уокинг и Оттершоу. В Уокинге магазины были уже закрыты, когда произошло несчастье, и толпы праздношатающихся, лавочников и других людей, взволнованные рассказами о событиях, шли через Горселльский мост, вдоль дороги, ведущей в поле. Можно себе представить, с каким удовольствием собиралась молодежь после работы, пользуясь новостью дня, как и всякой другой, для совместных прогулок.

Правда, очень немногие люди знали в Уокинге об открытии цилиндра, хотя бедняги Гендерсон послал на почту велосипедиста со срочной телеграммой для вечернего выпуска газеты. Когда вся эта масса гуляющих, отдельными группами в два-три человека, собралась в поле, они увидели там маленькие кучки людей, возбужденно разговаривающих и глазеющих на вертящееся зеркало над песочной ямой. Само собою разумеется, что это волнение вскоре передалось и новоприбывшим. В половине девятого, когда погибла депутация, на

улице собралось около трехсот человек, а может быть и больше, исключая тех, которые отделились, чтобы подойти ближе к марсианам. Между первыми было также три полисмэна, один из них был верхом. Следуя предписаниям Стэнта, они добросовестно старались оттеснить толпу и не допустить ее близко к цилиндру. По их адресу раздавались свистки и насмешки, исходившие от слишком впечатлительных и сумасбродных людей, всегда готовых поскандалить. Когда марсиане вылезли из цилиндра, Стэнт и Огильви, предвидя возможность столкновения, тотчас же отправили из Горселля телеграмму в казармы, с просьбой прислать отряди солдат в ограждение чужеземцев от насилий. После того они вернулись, чтобы участвовать в злополучной депутации. Описание их гибели, как передавали о ней очевидцы, вполне совпало с тем, чему я сам был свидетелем: три столба зеленоватого дыма, громкое гудение и вспыхивающие искры огня.

Но вся эта толпа избежала опасности гораздо более серьезной, чем я. Их спасло только то обстоятельство, что нижняя часть теплового луча наткнулась на преграду в виде песчаного бугра. Если бы шест с параболическим зеркалом был только на несколько ярдов выше, из толпы не

спаслось бы ни одного человека. Они видели вспышки огня, наблюдали, как падали люди, как невидимая рука зажигала кустарники и деревья. Потом, со свистящим звуком, заглушившим гуденье в яме, страшный луч скользнул над их головами, зажег вершины буковых деревьев, которые окаймляли улицу, раздробил кирпичи, разбил окна, зажег оконные рамы и разрушил часть крыши в угловом доме.

При этой неожиданной вспышке и ослепительном зареве горящих деревьев толпа заколыхалась в нерешимости.

Искры, горящие сучья и листья падали на улицу. На людях стали загораться платья и шляпы. С поля доносились испуганные крики. В воздухе стояли стон и вой. Вдруг в толпу врезался конный полисмен; он поднял руки над головой и громко закричал.

— Они идут! — завопила какая-то женщина, и мгновенно вся толпа повернула назад. Передние расталкивали задних, чтобы очистить дорогу к Уокингу. Толпа неслась по дороге, словно испуганное стадо овец. Там, где дорога суживается между высокими холмами, толпа остановилась, и началась давка. Не все могли спастись: две женщины и один маленький мальчик бы-

ли задавлены, и их бросили умирать во мраке страшной ночи.

VII
Как я добрался домой

Отдельные подробности моего бегства с поля стерлись в моей памяти. Помню только, как я натыкался на деревья и путался ногами в вереске. Все вокруг меня, казалось мне, было полно невидимой опасности, исходившей от марсиан. Мне чудилось, что над моей головой все еще носится тот безжалостный огненный меч и что вот-вот он опустится надо мной и убьет меня. Я достиг улицы, ведущей к Горселлю, и побежал по ней к перекрестку.

Вдруг я почувствовал, что дальше итти не могу; я был измучен пережитыми волнениями и бегством. Я зашатался и упал. Это случилось недалеко от моста, в том месте, где у газового завода он пересекает канал. Здесь я упал и остался лежать.

Должно быть, я пролежал тут некоторое время.

Наконец я очнулся и сел, недоумевая, как я попал сюда. Мой страх пропал. Я потерял шляпу, я мой воротничок соскочил с запонки. Всего несколько минут назад для меня существовали только три реальные вещи: беспредельность

ночи, пространства и природы, мое собственное ничтожество и страх и близость смерти. Теперь же как будто все изменилось во мне и кругом меня. Я бы не мог определить, произошел у меня переход от одного душевного состояния к другому. Я сразу стал самим собой, обыкновенным, скромным гражданином. Безмолвное поле, мое бегство, ужасные вспышки огня, все это казалось мне сном, и я спрашивал, действительно ли все это было? Я не мог поверить этому.

Я встал и неверными шагами стал подыматься по крутому мосту. В моей душе было недоумение. Мои мускулы и мог нервы, казалось, потеряли всю эластичность. Я шатался, как пьяный.

Над высокой дугой моста показалась сначала голова, а потом фигура рабочего, несшего корзину. Рядом с ним бежал маленький мальчик. Проходя мимо меня, он пожелал мне «доброй ночи». Я хотел заговорить с ним — и не мог. На его приветствие я ответил каким-то бессмысленным бормотанием и пошел дальше.

По Мейбургскому виадуку пронесся поезд, сверкнув на мгновение длинной вереницей освещенных окон и оставив за собой волнующиеся полосы белого, огненного дыма. Треск, грохот и звон — и поезд исчез в ночной мгле. Небольшая

кучка людей стояла болтая в воротах одного из хорошеньких домов, ряды которых образуют так называемую «Восточную терасу». Все это было знакомой, милой действительностью. А то другое, что лежало за мной, было безумным бредом и фантазией!

Таких вещей, говорил я себе, не может быть!

Возможно, что я человек исключительных настроений. Я не знаю, все ли испытывают то же, что я. Бывают дни, когда я чувствую странную оторванность от всего мира и от собственной личности. Мне кажется тогда, что я наблюдаю все окружающее откуда-то извне, из бесконечного далека, вне времени, вне пространства, по ту сторону горя и трагедии жизни. В ту ночь это чувство было особенно сильно во мне. То была другая часть моего сна.

Но в то же время меня смущало явное противоречие такой ясности духа с ужасными картинами, которые я видел там, где витала молниеносная смерть, — на расстоянии двух миль от меня. На газовом заводе кипела работа, и все электрические лампы были зажжены. Я остановился около болтающей группы людей.

— Что нового на поле? — спросил я.

Двое мужчин и одна женщина стояли у ворот.

— Что? — отозвался один из мужчин, обратясь ко мне.

— Я спрашиваю, что нового на поле? — повторил я.

— А разве вы не оттуда? — в один голос спросили мужчины.

— Люди, кажется, совсем помешались из-за этого поля, — заметила женщина. — Что там собственно произошло?

— Разве вы ничего не слыхали о марсианах? — спросил я. — Про людей со звезды Марс?

— Более, чем достаточно, — сказала женщина. — Спасибо!

И все трое засмеялись.

Я чувствовал себя сконфуженным. Я попытался рассказать им то, что видел, и не мог. Они все время смеялись над моей бессвязной речью.

— Вы еще услышите об этом, — сказал я и пошел домой. Дома жена моя испугалась, увидя мое осунувшееся лицо.

Я прошел в столовую, сел и выпил немного вина. Когда пришел в себя, я рассказал жене то, что видел. Обед, состоявший из холодных блюд, остался нетронутым на столе во время моего рассказа.

— В одном я могу тебя успокоить, — сказал я,

видя ее волнение, возбужденное моим рассказом: — это самые неповоротливые существа, которых я когда-либо видел. Они могут завладеть ямой и убивать всех людей, которые подойдут к ним близко; но вылезть из нее они не смогут… Но какие они ужасные!

— Не говори, милый! — сказала жена, сморщив брови; она положила свою руку на мою.

— Бедный Огильви, — проговорил я. — Подумать только, что, может быть, он лежит там мертвый…

Моя жена, по крайней мере, не нашла мой рассказ неправдоподобным. Но, заметив, как она побледнела, я круто оборвал свою речь.

— Они могут прийти и сюда, — повторила она несколько раз.

Я заставил ее выпить вина и старался успокоить.

— Они еле могут двигаться — сказал я.

Чтобы ободрить себя и ее, я начал повторять ей все, что говорил мне Огильви о невозможности для марсиан длительного пребывания не Земле. Особенное значение я придавал вопросу о силе притяжения. На поверхности Земли сила притяжения и три раза больше, чем на Марсе. Поэтому марсианин весит на Земле втрое больше, чем на

Марсе, тогда как его мускульная сила остается такой же, как была. Таким образом, ему будет не под силу носить свое собственное тело. На самом деле, это было общее мнение. И «Times» и «Daily Telegraph», вышедшие на другой день, утверждали то же самое; но обе газеты, как и я, совершенно упустили из виду два фактора, менявшие дело.

Как известно, атмосфера Земли содержит гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона, чем атмосфера Марса. Возбуждающее действие избытка кислорода на марсиан, бесспорно, является противовесом увеличению веса их тела. А во-вторых, все мы проглядели тот факт, что с такими механическими приспособлениями, какими обладали марсиане, они могли, в случае нужды, обойтись и без применения мышечной силы.

Тогда я не принял во внимание этих соображений, и поэтому моя аргументация немного хромала. Подкрепившись пищей и вином, окруженный привычной домашней обстановкой и поддерживаемый сознанием необходимости успокоить свою жену, я и сам мало-по-малу стал спокойнее.

— Они сделали большую глупость, — сказал я, отпивая вино из стакана. — Они опасны только

потому, что они сами обезумели от страха. Может быть, они не ожидали встретить здесь живых существ, и во всяком случае можно бросить бомбу в яму: она их всех убьет.

Странное возбуждение после пережитых волнений, без сомнения, сильно обострило силу восприимчивости во мне. Я до сих пор необыкновенно живо помню наш обед. Милое, встревоженное лицо моей жены, выглядывавшее на меня из-под шелкового розового абажура лампы, белая скатерть, уставленная серебряной и хрустальной посудой (в те дни даже писатели-философы позволяли себе такую маленькую роскошь), пурпурно-красное вино в моем стакане, — все это запечатлелось с фотографической точностью в моем мозгу. В конце стола сидел я сам, щелкал орехи, потягивал сигару, сожалел о неосторожности Огильви и осуждал близорукую трусость марсиан.

Так, вероятно, рассуждал, сидя в своем гнезде, какой-нибудь почтенный додо на острове Маврикия, когда туда высадилась горсточка безжалостных матросов в поисках за животной пищей:

— Завтра мы заклюем их до смерти моя милая! — говорил я.

Я не знал тогда, что то был мой последний обед в культурной обстановке, перед началом целого ряда необычайных, ужасных дней.

VIII
В ночь на субботу

Из всех странных и удивительных вещей, которые произошли в эту пятницу, самой странной была для меня несовместимость повседневного обихода жизни с первыми признаками начала целого ряда событий, которые должны были перевернуть вверх дном весь социальный строй этой жизни. Если бы кто-нибудь в пятницу ночью, вооружившись циркулем, провел мысленно круг с радиусом в пять миль вокруг песочных ям Уокинга, то я уверен, что вне этого круга не нашлось бы ни одного человека, за исключением лишь родственников Стэнта, двух или трех велосипедистов, да лондонцев, лежавших мертвыми на поле, чьи привычки и чье настроение были бы нарушены пришельцами с Марса. Многие, конечно, слышали о цилиндре и в свободные часы, может быть, даже беседовали об этом; но несомненно, что это событие не вызвало такой сенсации, какую вызвал бы, например, наш ультиматум Германии.

В Лондоне телеграмма бедняги Гендерсона с

описанием снаряда и его постепенного отвинчивания была принята за газетную утку, и редактор вечернего листка просил по телеграфу Гендерсона о подтверждении. Но, так как ответа не было получено, — Гендерсон уже погиб тогда, — то редакция решила не выпускать дополнительного номера с этим известием. Даже в пределах этого пятимильного круга большинство людей оставались равнодушными. Отношение женщин и мужчин к моему рассказу о событиях я уже описывал. Повсюду люди обедали и ужинали, как всегда; рабочие, по окончании работ на фабрике, копались у себя в саду, детей укладывали спать в обычный час, молодежь и нежные парочки гуляли по улицам, а ученые сидели за своими книгами.

Возможно, что на улицах было больше оживления, что в кабаках и трактирах явилась новая тема для разговоров, что там и сям появлялся очевидец последних событий и вызывал своим рассказом крики и испуганные возгласы. Но в общем жизнь продолжала итти своим обычным, повседневным темпом, люди продолжали работать, есть, пить и спать, как раньше, — как будто никакой планеты Марс и не существовало. То же самое было на станциях железных дорог в

Уокинге, Горселле и Кобгэме.

На узловом пункте в Уокинге поезда приходили, отходили и передвигались на запасный путь, пассажиры выходили и ждали на вокзале, — словом, все шло своим заведенным порядком. Мальчишка-газетчик из города продавал, невзирая на монополию мистера Смитса, листки с последними известиями, и его выкрики «люди с Марса» смешивались со звоном и грохотом багажных тележек и резкими свистками паровозов. В девять часов на станцию прибежали несколько человек с невероятными рассказами о событиях на поле, но их появление так же мало нарушило общий порядок, как появление пьяных. Пассажиры, которые ехали в Лондон и выглядывал в темноту из окон вагона, видели странные, вспыхивающие то появляющиеся, то снова исчезающие, искорки света по направлению к Горселлю, видели красное пламя, с тянувшейся от него к звездам тонкой завесой дыма, и думали, что это горит вереск. Только на повороте, огибающем поле, можно было заметить, что случилось что-то неладное. На границе Уокинга горело с полдюжины дач. Во всех трех деревнях, в домах, обращенных окнами в поле, горел свет; их обитатели не ложились спать до зари.

На Кобгэмском и Горселльским мостах всю ночь толпились любопытные. Люди приходили и уходили, но толпа не убывала. Некоторые смельчаки, как оказалось потом, решили прокрасться в темноте до самой ямы, где сидели марсиане. Эти смельчаки больше не возвращались никогда, так как световой луч, словно прожектор военного судна, от времени до времени пробегал по полю, а непосредственно за ним следовал и тепловой луч. За исключением этого, широкая площадь поля казалась пустой и безмолвной, и обуглившиеся трупы лежали на земле всю ночь и весь следующий день. Только из ямы доносился какой-то шум, словно стук молотков, который слышали многие.

Таково было положение вещей в пятницу ночью. В центре этих событий находился цилиндр, который торчал, как отравленная стрела в теле нашей старой планеты. Но действие яда еще только начиналось. Кругом тянулась полоса безмолвного поля, местами дымившегося, с разбросанными на нем темными, неясными фигурами в неестественных позах. Там и сям горело дерево или куст. Кое-где среди живых людей царило волнение, но за пределы этого круга оно еще не распространялось. Во всем же остальном

мире жизнь текла попрежнему. Лихорадка войны, которая должна была бы заморозить кровь в жилах, иссушить нервы и расстроить мозг, была еще впереди.

Всю ночь стучали марсиане, приготовляя свои машины, и то и дело взвивались к звездному небу столбы зеленовато-белого дыма.

Около одиннадцати часов через Горселль прошла рота солдат и выстроилась на краю поля, образуя кордон. Позднее через Кобгэм прошла вторая рота и оцепила поле с северной стороны. Несколько офицеров из Инкерманских казарм были на поле еще рано утром, и один из них, майор Иден, так и не вернулся. Командир около полуночи подъезжал к Кобгэмскому мосту подробно расспрашивал собравшуюся там толпу. Без сомнения, военные власти прекрасно понимали серьезность положения.

На следующее утро газеты сообщили, что из Ольдершота был отправлен на место происшествия эскадрон гусар, два пулемета и до четырехсот человек Кардиганского полка.

Через несколько секунд после полуночи толпа, стоявшая на дороге из Уокинга в Чертсей, видела звезду, которая упала в северо-западном направлении в сосновый лес. Полет ее сопровождался

зеленоватым светом, похожим на сверкание молнии.

То был второй цилиндр.

IX
Война начинается

Суббота живет в моей памяти как день томительного ожидания. Это был жаркий, душный день, отмеченный, как мне передавали, резкими колебаниями барометра. Я спал очень плохо и встал рано. Перед завтраком я вышел в сад и постоял там, прислушиваясь. Но со стороны поля не было заметно никакого движения, и только жаворонок кружился в воздухе.

Наш молочник явился в обыкновенное время.

Услышав стук его тележки, я подошел к калитке, чтобы расспросить его о новостях. Он рассказал мне, что ночью марсиан окружили войсками и что теперь ожидают прибытия пушек. Тут я услышал знакомые успокоительные звуки: к Уокингу подходил поезд.

— Их не хотят убивать, — сказал молочник, — если только удастся обойтись без этого.

Я увидел соседа, работавшего в своем саду. Мы поболтали немного, а потом я пошел завтракать. Утро начиналось как всегда. Мой сосед был того мнения, что войскам удастся в течение дня захва-

тить марсиан или их уничтожить.

— Это очень жалко, — сказал он, — что марсиане держат себя так недоступно. Было бы интересно услышать, как они живут на других планетах, и мы могли бы узнать это от них.

Он подошел к решетке и протянул мне горсть земляники, так как он был не только страстный садовод, но и щедрый хозяин. Одновременно он сообщил мне, что влево от Байфлита горит сосновый лес.

— Говорят, — продолжал он, — что упала вторая такая же штука. Но и одной было бы совершенно достаточно! Такое удовольствие будет стоить хорошенькой суммы денег нашим страховым обществам, пока все кончится. — И он засмеялся с видом невозмутимого добродушия. — Лес и теперь еще горит, — продолжал он, указывая рукой на видневшуюся вдали полосу дыма. — Почва долгое время будет горяча под ногами, так как ее покроет толстый слой тлеющих игл. — Затем он сделался серьезным и заговорил об Огильви.

После завтрака я отложил свою работу и решил итти на поле. Под железнодорожным мостом я встретил группу солдат — сапер, как я думаю, — в маленьких круглых кэпи и грязных расстегнутых красных куртках, оставлявших на виду их синие

рубахи, в черных брюках и сапогах, которые доходили только до икр. Они сказали мне, что через мост никого не пропускают, и, действительно, взглянув туда, я увидал, что там стоит часовой, солдат Кардиганского полка. Я поговорил с этим солдатом некоторое время и рассказал им о своей встрече с марсианами прошлым вечером. Никто из них не видел марсиан, и они имели о них весьма неясное представление, поэтому они засыпали меня вопросами. Оказывается, что они не знали, кто распорядился послать войска, но полагали, что дело тут не обошлось без пререканий. Рядовой сапер гораздо развитее простого солдата, и они не без знания дела обсуждали условия предстоящей борьбы. Я описал им действие теплового луча, после чего каждый из них стал высказывать свое мнение, как повести атаку на марсиан.

— Нужно подкрасться к ним под прикрытием и затем кинуться на них, говорю я, — сказал один.

— Брось! — вмешался другой: — прикрытие не защитит тебя при такой жаре. Разве только тебя легче будет зажарить! Нет, нам нужно подойти как можно ближе и затем вырыть траншею.

— К чорту твои траншеи! Ты только и знаешь твои траншеи. Тебе бы кроликом родиться, Сниппи.

— Неужели у них совсем нет шеи? — неожиданно обратился ко мне третий, маленький, черный человечек с глубокомысленным видом, с трубкой в зубах.

Я повторил мое описание.

— Осьминоги, стало-быть, — сказал он. — значит, теперь нам придется сражаться с рыбами.

— Нет никакого греха убивать таких гадов, — заметил первый из собеседников.

— Почему не расстрелять их и сразу же не покончить с ними? — предложил маленький, черный человек. — Ведь никто не знает, какие еще каверзы они готовят нам!

— А где же твои бомбы? — насмешливо заметил первый. Теперь — уже поздно. Нужно произвести атаку, — вот мой план, и сделать это не откладывая!

Они еще долго беседовали в том же духе. Через которое время я расстался с ними и отправился на вокзал, чтобы накупить как можно больше утренних газет.

Я не стану утомлять читателя описанием длинного утра и не менее длинного дня. Мне так и не удалось бросить хотя бы один взгляд на поле, так как даже церковные колокольни в Горселле и Кобгэме были заняты войсками. Солдаты, к

которым я обращался с расспросами, ничего не знали. Офицеры имели очень таинственный и озабоченный вид. Городские жители чувствовали себя, как я видел, в большей безопасности под охраною военной силы. Тогда я впервые услыхал от Маршаля, хозяина табачной лавки, что его сын был среди убитых на поле. Солдаты принудили обитателей предместий Горселля запереть свои дома и покинуть их.

Около двух часов дня я вернулся домой усталый, прямо к завтраку. Как я уже говорил, день был очень жаркий, и, чтобы освежиться, я принял холодную ванну. Приблизительно около половины пятого я снова отправился на вокзал чтобы купить себе вечерний выпуск газеты, так как утренние газеты содержали весьма неточное описание смерти Стэнта, Огильви, Гендерсона и других. Да, и кроме того, там не было ничего такого, чего бы я уже не знал. Марсиан не было видно. Они засели в своей яме и были, повидимому, очень заняты, так как стук молотков не прекращался, и над ямой непрерывно поднимались столбы дыма. Было ясно, что они готовятся к борьбе. «Были сделаны новые попытки достигнуть соглашения при помощи сигналов, но безуспешно», — так гласила стереотипная форму-

ла газет. Один из саперов рассказывал мне, что на этот раз пробовали сигнализировать из канавы, высовывая длинный шест с флагом, но марсиане обратили на это столько же внимания, как мы на мычание коровы.

Я должен сознаться, что вид военных приготовлений до крайности возбудил меня. Фантазия моя разыгралась, и в своем воображении я поражал врагов тысячами способов. Во мне снова проснулись мои школьные грезы о битвах, о героях. Но на этот раз бой был неравным. Таким беспомощным казался мне неприятель в своей яме.

В три часа мы услышали со стороны Чертси или Оддльстона через правильные промежутки первые пушечные выстрелы. Как оказалось, это обстреливали горевший сосновый лес, куда упал второй цилиндр, в надежде уничтожить его прежде, чем он откроется. В Кобгэм только к пяти часам прибыла полевая пушка, предназначенная для военных действий против первой партии марсиан.

В шесть часов вечера, когда я с женой сидел в беседке за чаем и горячо обсуждал предстоящую битву, я вдруг услышал со стороны поля заглушенные раскаты выстрела, и непосредственно за этим началась стрельба. Вслед за этим раздался

такой оглушительный треск, что дрогнула земля. Выскочив на лужайку, я увидел, что верхушки деревьев, около Восточного колледжа, пылают ярким пламенем, а колокольня соседней маленькой церкви обрушилась. Купол церкви исчез, а крыша колледжа имела такой вид, как будто ее обстреливали из пушек в сто тонн. В нашем доме разлетелась труба как от удара бомбы, кирпичи с грохотом посыпались на крышу и образовали на цветочной гряде, перед окном моего кабинета, целую груду красных обломков.

Я и моя жена остановились, как вкопанные. Затем я вдруг сообразил, что теперь, когда колледж был почти разрушен, гребень Мейборгского холма попадал в круг действия теплового луча марсиан.

Я схватил мою жену под руку и, не раздумывая больше, выбежал с ней на улицу. Затем я побежал за служанкой, обещая ей снести ее сундук, с которым она не хотела расставаться.

— Мы ни в каком случае не можем оставаться здесь, — сказал я. И не успел я договорить, как пальба на поле возобновилась.

— Но куда же мы отправится? — спросила моя жена в ужасе.

Я молча начал соображать, и вдруг я вспомнил

об ее родственниках в Лизсерхеде.

— В Лизсерхед! — крикнул я, стараясь перекричать грохот выстрелов.

Она отвернулась и смотрела вниз вдоль улицы. Испуганные люди выбегали из домов.

— Как мы доберемся до Лиэсерхеда? — спросила она.

У подножья холма я увидел кучку гусаров, проскакавших под железнодорожным мостом. Трое въехали в открытые ворота Восточного колледжа, двое других — спешились и побежали по дороге, заходя из дома в дом.

Солнце светило сквозь дым, подымавшийся от верхушек горящих деревьев, и казалось кроваво-красным, бросая на все окружающее какой-то непривычный тусклый свет.

— Подожди меня здесь, — сказал я жене: — здесь ты в безопасности. — Сам же я, не теряя времени, побежал в трактир «Пятнистая Собака», хозяин которого, как я знал, имел лошадь и шарабан. Я бежал изо всех сил, так как был уверен, что в короткое время по эту сторону холма соберется все население. Я нашел хозяина трактира, стоящего за буфетом в полном неведении того, что происходило за его домом. Какой-то человек, который стоял спиной ко мне, разговаривал с ним.

— Вы мне должны заплатить один фунт, — сказал хозяин. — Но я не могу вам дать кучера.

— Я вам дам два фунта, — крикнул я через плечо незнакомца.

— За что?

— И к двенадцати часам ночи я вам доставлю обратно ваш шарабан, — прибавил я.

— Почему такая спешка, сэр? — возразил хозяин. — Я продаю свою часть свиньи. Вы даете два фунта и беретесь доставить мне ее обратно. Что же еще случилось?

Я наскоро объяснил ему, что мне нужен шарабан, потому что я уезжаю. В ту минуту меня совершенно не смущала необходимость отъезда для него самого. Я дождался, чтобы шарабан заложили, проехал в нем вдоль улицы и оставил его на попечение моей жены и служанки. Затем я побежал обратно в дом, собрал некоторые ценные вещи, серебро и прочее и захватил их с собой. Тем временем загорелась буковая роща, пониже нашего дома, и садовые решетки вдоль дороги. Пока я еще укладывался, явился один из гусар. Он ходил из дома в дом, предупреждая жильцов, чтобы они уезжали. Он уже убежал, когда я вышел из дверей дома, нагруженный своими сокровищами, завязанными в скатерть.

Я закричал ему вслед:

— Что нового?

Он обернулся, посмотрел на меня и проворчал мне что-то о «ползании в какой-то штуке, вроде крышки от блюда». Затем он побежал дальше через ворота дома, стоявшего на верхушке гребня. Я бросился к дому моего соседа и, постучавшись в дверь, удостоверился в том, в чем я был уверен, что сам он и его жена уехали в Лондон и заперли дом. Верный своему обещанию, я снова вернулся в дом за сундуком моей прислуги, вытащил его и прикрепил рядом с нею на задок повозки. Схватив вожжи, я вскочил на сиденье, рядом со своей женой, и в следующую минуту мы уже были вне круга огня и грохота и мчались по противоположному склону холма к Старому Уокингу.

Перед нами расстилался мирный залитый солнцем ландшафт. По обе стороны дороги тянулось пшеничное поле, и можно было уже рассмотреть висячую вывеску гостиницы в Мейбюри. Перед нами ехал экипаж доктора. У подножья я оглянулся. Густые клубы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, подымались в неподвижном воздухе, отбрасывая черную тень на зеленые верхушки деревьев на востоке, Дым расходился в двух направлениях: к до самого

Байфлитского леса, и к западу, до Уокинга. Дорога была усеяна людьми, бежавшими по одному направлению с нами. И теперь в тихом, жарком воздухе раздавались слышно, но очень ясно, треск пулеметов и выстрелы винтовок. Очевидно, марсиане зажигали все, что находилось в пределах действия их теплового луча.

Я был неопытным кучером, и поэтому мне пришлось обратить все свое внимание на лошадь. Когда я обернулся, то уже не видел черного дыма, который скрылся за вторым холмом. Я стегнул лошадь, заставив ее бежать рысью, пока мы не оставили далеко за собой тот ужасный кошмар, от которого бежали. Доктора я обогнал между Уокингом и Сендом.

X
В грозу

Лизсерхед находится на расстоянии двенадцати миль от Мейбургских холмов. Запах свежего сена носился над сочными лугами за Пирфордом, а изгороди по бокам дороги пестрели яркими цветами диких роз. Резкий грохот орудий, который мы слышали, спускаясь с Мейбургских холмов, прекратился так же внезапно, как начался, и ничто не нарушало мирной тишины вечера. Часам к девяти мы добрались до Лизсерхеда без всяких приключений. Надо было дать отдохнуть лошади, и я воспользовался этим, чтобы поужинать с нашими родственниками и поручить мою жену их заботам.

Всю дорогу моя жена была странно молчалива и теперь еще, видимо, продолжала находиться под гнетом злых предчувствий. Я пытался успокоить ее, доказывал ей, что марсиане прикованы к яме, благодаря своей неповоротливости, и только в лучшем случае они смогут слегка выползти из нее. Но она давала только односложные ответы. Не будь я связан словом, которое я дал хозяи-

ну трактира, она, наверно, уговорила бы меня остаться на эту ночь в Лизсерхеде. Если бы и сделал это тогда! Я помню, как она была бледна, прощаясь со мной.

Я же, напротив, был сильно возбужден весь этот день. В моей крови горела лихорадка войны, которая иногда овладевает цивилизованными обществами, и я не был особенно огорчен перспективой возвращаться ночью в Мейбург. Я даже опасался, что тот последний пушечный выстрел, который мы слышали, мог означать уничтожение пришельцев с Марса. Лучше всего я выражу мое душевное состояние, если скажу, что меня непреодолимо тянуло туда, на поле битвы, чтобы присутствовать при их гибели.

Было уже почти одиннадцать часов, когда я пустился в обратный путь. Ночь была очень темная. Когда я вышел из ярко освещенного дома моих родственников, ночь показалась совершенно черной. И было так же жарко и душно, как днем. По небу носились облака, но внизу не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Слуга наших родственников зажег оба фонаря у шарабана. К счастью, дорога была мне хорошо известна. Моя жена стояла в освещенных дверях подъезда и смотрела на меня, пока я садился в

шарабан. Тогда она вдруг повернулась и ушла, предоставив своим родственникам пожелать мне счастливого пути.

Беспокойство моей жены передалось и мне, и вначале я был в подавленном настроении, но вскоре мои мысли опять вернулись к марсианам. Я был тогда в полной неизвестности относительно исхода вечернего боя и не знал даже, что послужило поводом к столкновению. Проезжая Окгэм (ибо я возвращался другой дорогой, минуя Сенд и Старый Уокинг), я увидел на западе, на самом краю горизонта, кроваво-красную полосу, которая, по мере моего приближения, медленно ползла по небу. Быстро несущиеся облака надвигавшейся грозы сливались с клубами черного и красного дыма.

Рипли-стрит опустел, и, кроме нескольких освещенных окон, ничто не указывало на признаки жизни в селе. Однако, на повороте в Пирфорд я чуть не наехал на кучку людей, стоявших спиной ко мне. Никто из них не окликнул меня, и я не знал, насколько они были осведомлены о событиях, происходивших по ту сторону холма. Я знал также и того, что означало это безмолвие домов. Погружены ли были эти дома, мимо которых я проезжал, в мирный сон, или же они были броше-

ны своими обитателями, оставлены на произвол ужасов ночи?..

От Рипли до Пирфорда дорога шла по долине Уэя, и красное зарево скрылось от меня. Когда я поднялся на маленький холм по ту сторону, за Пирфордскою церковью я снова увидел его, и в ту же минуту вокруг меня зашумели деревья от первого натиска собиравшейся грозы. Часы на Пирфордской колокольне пробили полночь. Передо мной выступил силуэт Мейбургскрго холма с верхушками деревьев и крышами, резко черневшими на багровом небе.

Вдруг вся дорога передо мною озарилась бледно-зеленым светом и осветила далекий лес около Эдльстона. Я почувствовал, как дернула лошадь, и крепче схватился за вожжи. В этот самый момент мчащиеся по небу тучи прорезало что-то вроде огненной стрелы, светившейся зеленоватым светом, и упало в поле, налево от меня. То была третья падающая звезда.

Вслед за тем сверкнула первая молния налетевшей грозы, казавшаяся по контрасту ярко-лиловой, за которой последовал удар грома. Лошадь закусила удила и понесла.

К подножью Мейбургского холма ведет отлогая дорога, по которой мы мчались теперь. Гроза

разыгралась, и молния сверкала за молнией. Удары грома следовали один за другим с каким-то странным шумом, походившим скорее на работу гигантской электрической машины, чем на раскаты грома. Блеск молнии слепил мне глаза, а в лицо хлестало мелким градом, когда я несся по спуску.

Некоторое время я смотрел только на дорогу, но вдруг мое внимание было привлечено странным предметом, быстро двигавшимся по противоположному склону Мейбургского холма. В первый момент я принял его за крышу дома, но при свете чередующихся молний я увидел, что он движется вращательным движением. Это было ускользающее явление, которое то появлялось при ярком блеске вспыхивающих молний, то снова пропадало в наступавшей темноте. Но вот казались красные стены приюта, на гребне холма зеленые вершины сосен, и, наконец, этот загадочный предмет выступил ясно и отчетливо передо мной.

Как мне описать его? Треножник чудовищного размера, выше, чем многие дома, двигался по молодому сосняку, разбрасывая деревья во все стороны. Ходящая машина из сверкающего металла, со свешивающимися по сторонам сталь-

ными коленчатыми канатами. Блеск молнии ясно осветил этот странный предмет, то исчезающий, то снова появляющийся и приблизившийся уже на сотню ярдов.

Неожиданно вдруг раздвинулись деревья передо мной, сломанные стволы полетели в разные стороны, и появился второй гигантский треножник, катившийся, как мне казалось, прямо на меня. При виде этого второго чудовища нервы мои не выдержали, я круто повернул коня направо, и через минуту шарабан перевернулся и накрыл упавшую лошадь, а меня отбросило в сторону, и я тяжело шлепнулся в лужу.

Но я тотчас же выполз на более сухое место, хотя ноги мои оставались в воде, и присел, скорчившись, за кустом дрока. Лошадь лежала неподвижно (она убилась на-смерть), и при свете молнии я увидел черную массу опрокинутого экипажа и колесо, которое все еще продолжало тихонько вертеться. В следующую же минуту гигантская машина прошла мимо меня и стала подыматься в гору, по направлению к Пирфорду.

Вблизи она казалась еще более удивительной. Это была простая, бесчувственная машина. При движении она издавала звенящий, металлический звук, а по бокам у нее извивались гибкие

металлические щупальцы (я видел, как одним из них она схватила сосну). Эта машина сама себе прокладывала дорогу, а покрывавший ее медный колпак двигался в разные стороны и производил впечатление головы. В задней части главного корпуса машины находился какой-то чудовищный предмет из белого металла, который походил огромную корзину. Клубы зеленого дыма вырывались из ее сочленений, когда он проходил мимо меня. Через минуту уже исчез.

Вот что я видел при неверном блеске молний, слепивших мне глаза!..

Проходя мимо меня, гигант издал торжествующий, оглушительный вой, покрывший громовый раскаты: «Алоо! алоо!» Секунду спустя он соединился с другим таким же гигантом. Пройдя полмили, они оба остановились среди поля, наклонившись над каким-то предметом. Я уверен теперь, что предмет этот был третий из десяти цилиндров, отправленных к нам с Марса.

Несколько минут я лежал под дождем и наблюдал при вспышках молнии за движениями металлических гигантов. Пошел град, за пеленой которого лишь смутно выделялись их очертания, выступавшие еще ярче, когда сверкала молния.

Я промок насквозь, так как ноги мои все еще

были в воде, а сверху меня поливало дождем, смешанным с градом. Прошло некоторое время, прежде чем я пришел в себя от своего оцепенения настолько, чтобы сделать попытку выбраться на сухое место и подумать об опасности, которая мне угрожала.

Осмотревшись кругом, я увидел неподалеку от меня среди картофельного поля, маленькую деревянную хижину лесника. Поднявшись с усилием на ноги, согнувшись и прячась за кустами, я пустился бегом к этой хижине и стал колотить в дверь, но мне никто не открыл. Очевидно, там никого не было. Тогда я, пользуясь канавой, как прикрытием, стал пробираться ползком, чтобы не быть замеченным врагом, — к Мейбургскому лесу.

Под прикрытием деревьев, промокший и продрогший, я решил направиться к своему дому. Я шел наугад среди деревьев, отыскивая тропинку. В лесу было совершенно темно, молния сверкала все реже, и в просветы между деревьями лил дождь вместе с градом.

Если бы в то время я отдавал себе отчет в значении всех тех явлений, свидетелем которых я был, то, не теряя ни минуты времени, я повернул бы назад, и окольной дорогой, через Байфлит и

Стрит-Кобгэм, вернулся бы к своей жене в Лизсерхед. Но в ту ночь странность моих переживаний и мое жалкое физическое состояние лишили меня способности соображения.

У меня было только одно сильное желание — добраться до своего дома. Я шел, натыкаясь на деревья, упал в лужу, расшиб себе колени о доску и выбрался, наконец, на дорогу к колледжу. В темноте я столкнулся с каким-то человеком, который чуть не сшиб меня с ног.

С криком испуга он отскочил от меня в сторону и, как сумасшедший, побежал дальше, не дав мне времени окликнуть его. Как раз в этом месте напор ветра был настолько силен, что мне стоило величайших усилий одолеть подъем. Я шел, цепляясь руками за решетку ограды колледжа с левой стороны, и таким образом кое-как выбрался наверх.

Около вершины холма я споткнулся обо что-то мягкое и при блеске молнии увидел у своих ног кучу черного платья и пару сапог. Прежде чем я успел разглядеть, в каком состоянии находится лежащий тут человек, все снова погрузилось в темноту. Я остался стоять около него, ожидая следующей молнии. Она сверкнула опять, и я увидел, что это был человек крепкого сложения,

просто, но хорошо одетый. Он лежал скорчившись и подогнув голову вплотную около ограды, как будто его с силой отшвырнули туда.

Превозмогая чувство отвращения, присущее всякому, кто никогда не прикасался к трупу, я нагнулся; повернул его на спину и ощупал его сердце. Он был мертв. Повидимому, у него был сломан шейный позвонок. В третий раз сверкнула молния и осветила лицо лежащего. Я подскочил от неожиданности. Передо мной лежал хозяин трактира «Пятнистая Собака», у которого я нанял повозку!..

Я осторожно перешагнул через труп и отправился дальше. Миновав колледж и полицейский участок, я подошел к своему дому. На вершине холма все было спокойно, но в поля пылало зарево, и густые клубы красно-желтого боролись с ливнем. Насколько я мог рассмотреть при уже вспышках молнии, большинство домов оставалось неповрежденными. На улице перед колледжем лежала какая-то темная груда.

Около Мейбургского моста раздавались голоса и шаги, но у меня не хватило духа пойти туда. Добравшись до своего дома, я отворил дверь бывшим при мне ключом, заперся, задвинув засов у ворот, и, нащупав в темноте лестницу, уселся

на ступеньку. Мое воображение было полно шагающими по полю страшными гигантами и скорченным мертвым телом, отброшенным к ограде.

Сидя у подножья лестницы, я прижался спиной к стене, скорчившись и дрожа, как в лихорадке.

XI
У окна

Я уже говорил, что, несмотря на сильные душевные переживания, я обладал свойством быстро успокаиваться. Через некоторое время я почувствовал, что озяб, и заметил, что на покрывавший лестницу ковер натекли с меня целые лужи воды. Почти машинально я встал на ноги и пошел в столовую, чтобы выпить виски. Только тогда я почувствовал необходимость переменить платье.

Переодевшись, я поднялся к себе в кабинет, но для чего я это сделал, не знаю. Из окна моего кабинета, которое мы забыли закрыть впопыхах отъезда, были видны деревья и полотно железной дороги, вплоть до Горселльского поля.

Я остановился в дверях комнаты.

Гроза стихла. Башни Восточного колледжа и окружавшие его деревья исчезли. Вдали виднелось поле вокруг песочных ям, освещенное красным заревом. И в этом ярком освещении хлопотливо сновали взад и вперед гигантские черные тени, смешные и странные.

Казалось, что вся местность в этом направлении была в огне. По всему широкому склону перебегали огненные языки, извиваясь под порывами затихающей бури и озаряя красным отблеском несущиеся по небу тучи. Временами окно застилалось облаком дыма и скрывало от меня тени марсиан. Я не мог видеть, что они делали, и не мог даже ясно различить их фигур; не мог также понять, что это был за предмет, которым они так деятельно занимались. Мне не видно было пламени ближайшего пожара, хотя отражение его играло на стене и на потолке моего кабинета, и в воздухе несся от него резкий смолистый запах.

Я тихонько закрыл дверь и прокрался к окну. Чем ближе я подходил, тем более расширялся вид из него. С одной стороны я мог видеть дома около вокзала в Уокинге, я с другой — обуглившиеся деревья Байфлитского леса. Внизу подножья холма, на полотне железной дороги, виднелся яркий свет, и несколько домов на прилегающих к станции улицах и по дороге в Мейбюри представляли из себя пылающие развалины. Сначала я недоумевал, что означает этот яркий свет на полотне железной дороги; я видел черную груду и яркий свет, а направо — ряд каких-то продолго-

ватых, желтых предметов. Потом я сообразил, что это был поезд, потерпевший крушение, передняя часть которого была разбита вдребезги и горела, а задние вагоны стояли на рельсах.

Между этими тремя главными центрами пожара — горящими домами, поездом и пылающей местностью — под Кобгэмом тянулось темное пространство земли, местами прерываемое неправильными полосами догоравшего, дымящегося вереска. Эта широкая, черная гладь с огненными точками на ней представляла собой необыкновенно странную картину. Больше всего это напоминало фарфоровые заводы в ночное время. Я не мог различить на ней людей, хотя всматривался очень внимательно. Но потом, при свете зарева, я разглядел у вокзала несколько черных фигурок, перебегавших одна за другою через полотно железной дороги.

И этот огненный хаос был тот самый маленький мир, в котором я благополучно прожил столько лет! Что собственно случилось за последние семь часов, я так и не знал. Не понимал я также, хотя уже начинал понемногу догадываться, какое соотношение было между механическим ходячими гигантами-машинами и неповоротливыми существами, выползавшими из цилиндра. Со

странным чувством совершенно бескорыстного интереса я подвинул свой рабочий стул к окну, сел и стал смотреть на черное поле и три гигантские черные фигуры, освещенные заревом, которые двигались около песочных ям.

Они проявляли необыкновенную деятельность. Я спрашивал себя, что, собственно, это могло быть? Были ли это сознательные машины? Но этого я не мог допустить. Иди в каждой таком механизме сидел марсианин и управлял им, как управляет мозг человеческим телом? Я сравнивал эти машины с нашими и в первый раз задал себе вопрос, чем должны представляться животному наши броненосцы и паровики?

Буря улеглась, и небо прояснилось. Высоко над пеленою дыма, застилавшего место пожара, чуть-чуть мерцала на западе светлая точка — Марс. Вдруг я услышал, как что-то зашуршало за оградой моего сада. Я разом очнулся от охватившей меня летаргии и, заглянув в темноту, увидел человека, перелезавшего через решетку. При виде другого человеческого существа мое оцепенение прошло. Я высунулся в окно, радостно возбужденный.

— Кто там? — спросил я шопотом.

Сидя на ограде, человек замер в нерешимости.

Потом соскочил в сад и… подошел к углу дома. Он шел согнувшись, тихонько, стараясь не производить шума.

— Кто это? — спросил он тоже шопотом, остановившись под окном и глядя вверх.

— Куда вы идете? — спросил я.

— Не знаю.

— Вы хотите спрятаться?

— Да.

— Так входите, — сказал я.

Я сошел вниз, открыл дверь, впустил его и снова запер дверь. Лица его я не мог рассмотреть. Он был без шапки, и мундир его был расстегнут.

— Как ужасно! — вырвалось у него, когда он вошел.

— Что случилось? — спросил я.

— Чего только не случилось? — Мне было видно в темноте, как он сделал жест отчаяния. — Они стерли нас, просто стерли в порошок!

И он повторил это несколько раз.

Он последовал почти механически за мной в столовую.

— Выпейте немного виски, — сказал я, наливая ему порядочную порцию.

Он выпил. Потом сел за стол, уронил голову на руки и вдруг заплакал с бурным отчаянием, гром-

ко всхлипывая, как дитя. Совершенно позабыв о своем собственном недавнем отчаянии, я стоял над ним, недоумевая и удивляясь.

Прошло довольно много времени, прежде чем он успокоился настолько, что мог отвечать на мои вопросы. Но отвечал все же с большим трудом и очень несвязно. Он был ездовым в артиллерии и только в семь часов явился на поле со своей пушкой. К этому времени пальба была уже в полном разгаре. Рассказывали, что первая партия марсиан уползла под прикрытием металлического щита к своему второму цилиндру.

Позднее этот щит поднялся на треножник и превратился в ту первую боевую машину, которую я видел. Пушка, которую он вез, была снята с передка у Горселля, так как должна была обстреливать песочные ямы. Прибытие ее ускорило развязку. Когда он стал отъезжать, его лошадь попала ногой в кроличью нору и упала, сбросив его в канаву. В тот же момент сзади разорвало пушку, пороховой ящик взлетел на воздух, все кругом запылало, — и он очутился под грудой обуглившихся трупов людей и мертвых лошадей.

— Я лежал, не двигаясь, — рассказывал он, — обезумев от страха, под трупом лошади. Мы были уничтожены! А этот ужасный запах — запах горе-

лого мяса! Вся спина моя была изранена упавшей лошадью, и я должен был лежать, пока мне не стало легче. За минуту перед тем мы были словно на параде, а потом — грохот, шум, треск!..

— Они смели нас совсем! — прибавил он.

Он долго пролежал под лошадью, выглядывая украдкой, чтобы посмотреть, что делается кругом. Солдаты Кардиганского полка попытались пойти в атаку с ружьями на-перевес, но они были истреблены все, до одного человека! После этого чудовище поднялось на ноги и, ворочая во все стороны своим колпаком, совершенно так, как ворочал бы человек в капюшоне, принялось догонять немногих уцелевших, которые пытались убежать. Чем-то, похожим на руку, гигант держал металлический ящик сложного устройства с воронкой на одном конце. Вокруг ящика сверкали зеленые искры, а из воронки вырывался убийственный зеленый луч.

Через несколько минут на поле, насколько это мог видеть солдат, не осталось ни одного живого существа, и каждый куст и каждое дерево, не успевшее сгореть раньше, пылали теперь. По ту сторону дороги стояли гусары, но от них не осталось и следа. Он слышал некоторое время треск пулеметов, но затем все стихло. Чудовище

почему-то щадило до последней минуты вокзал в Уокинге и кучку домов вокруг него. Но вот тепловой луч был внезапно но направлен в ту сторону, и город прекратился в груду пылающих развалин. Тут смертоносный луч вдруг погас. Чудовище повернулось к артиллеристу спиной и зашагало в сторону горевшего соснового леса, где лежал второй цилиндр. Не успел скрыться первый гигант, как из ямы поднялся второй — такой же.

Второе чудовище последовало за первым.

Тогда артиллерист осторожно пополз по горячей золе к Горселлю. Ему удалось добраться живым до придорожной канавы и по канаве доползти до Уокинга. Дальше его рассказ состоял из бессвязных восклицаний. Дорога через Уокинг оказалась непроходимой. Повидимому, там мало кто остался в живых! Большинство сошло с ума или сгорело. Ему пришлось свернуть в сторону, чтобы обойти огонь, и он только что успел спрятаться в обгорелых развалинах какой-то стены, как вернулся один из гигантов марсиан. Солдат видел, как он погнался за каким-то человеком, хватил его одним из своих металлических щупальцев и размозжил ему голову о ствол сосны. Только с наступлением ночи солдат решился выйти из своего убежища. Бегом перебежал он

через полотно железной дороги и скрылся за насыпью.

Отсюда он стал пробираться к Мейбургу, надеясь избегнуть других опасностей, взяв направление к Лондону. Люди прятались по канавам и погребам, и многие из оставшихся в живых бежали в Уокинг и Сэнд. Он умирал от жажды, пока не наткнулся вблизи железнодорожного моста на водопроводную трубу, из которой вода бежала ручьями на дорогу.

Вот все, что мне удалось вытянуть из него, слова за словом. Во время рассказа он немного успокоился и старался яснее изобразить мне то, что видел. Еще в начале своего рассказа он мне признался, что ничего не ел с самого полудня. Я нашел немножко баранины и хлеба в кладовой и принес в комнату. Из страха привлечь внимание мы не зажигали лампы, и наши руки часто сталкивались, когда мы брали мясо или хлеб. Во время его рассказа предметы начали мало-по-малу выступать из темноты, и уже можно было различить за окном сломанные кусты роз. Словно полк солдат или стадо животных прошли лужайку! Теперь я мог видеть также лицо моего собеседника, почерневшее и осунувшееся, как, вероятно, было и у меня.

Покончив с едой, мы потихоньку поднялись в кабинет, и я стал опять смотреть в окно. За одну ночь вся равнина превратилась в груду пепла. Пожар прекратился. Где прежде был огонь, теперь клубились столбы дыма. Бесчисленные развалины опустошенных огнем и развалившихся домов и черные остовы обгорелых деревьев, которые до сих пор скрывала темнота ночи, выступали теперь как страшные призраки при безжалостном свете утренней зари. Кое-где, впрочем, виднелись предметы, счастливо избегнувшие общего разрушения; тут белел семафор железной дороги; там уголок беседки, такой белый и свежий среди развалин и дыма. Никогда еще в истории войны не бывало такого полного истребления! А вдали, у песочных ям, освещенные все усиливающимся светом зари, стояли три металлических гиганта и ворочали своими колпаками, как будто любуясь произведенными ими опустошениями.

Казалось, что яма, в которой лежал цилиндр, стала шире. Из нее все время вырывались клубы зеленого дыма, взлетали вверх к светлеющему небу и, постепенно расплываясь, пропадали…

В стороне Кобгэма были видны столбы пламени, которые с появлением первых утренних лучей казались окрашенным кроваво-красным

светом.

XII
Как были разрушены Уэйбридж и Шеппертон

Как только рассвело, мы отошли от окна, из которого наблюдали за марсианами, и тихонько сошли вниз.

Артиллерист согласился со мной, что нам было опасно оставаться в доме. Он предполагал направиться к Лондону, чтобы соединиться там со своей батареей. Мое желание было немедленно вернуться в Лизсерхед; и так силен 6ыл мои страх перед марсианами, что и твердо решил увезти свою жену в Ньюгэвэн и вместе с ней совсем покинуть страну. Я уже тогда предвидел, что вся ближайшая к Лондону местность неизбежно станет полем опустошительных сражений, прежде чем удастся уничтожить этакого врага.

Но на пути в Лизсерхед лежал третий цилиндр, охраняемый трехногими гигантами. Если бы я был один, то я пожалуй рискнул бы итти напрямик. Но артиллерист удержал меня: «Хорошей женщине, — сказал он, — не оказывают услуги тем, что делают ее вдовой!» Я дал себя уговорить,

и мы решили итти вместе через лес, к северу до Стрит-Кобгэм: там мы должны были расстаться, и я должен был сделать большой обход через Ипсом, чтобы добраться до Лизсерхеда.

Я был готов итти хоть сейчас же, но мой спутник не даром состоял на действительной службе и знал, как нужно пускаться в такое путешествие. Он заставил меня перерыть весь дом, чтобы найти дорожную фляжку, которую он наполнил водкой, а все карманы мы набили пакетами с сухарями и ломтиками нарезанной говядины. Затем, крадучись, мы вышли из дому и, почти бегом, спустились по скверной дороге, по которой я поднимался накануне. Дома казались брошенными их обитателями. На улице лежали пораженные тепловым лучом обуглившиеся трупы трех человек. Повсюду лежали предметы домашнего обихода, потерянные во время бегства: часы, туфля, серебряная ложка и т. п. На углу, у почтовой конторы, стояла маленькая повозка, нагруженная сундуками и домашним скарбом, но без лошади и со сломанным колесом. Тут же валялась денежная шкатулка, взломанная, как видно, впопыхах и брошенная в мусор.

Кроме сторожки приюта, которая все еще горела, ни один из домов здесь не пострадал особенно

сильно. Тепловой луч, разрушив дымовые трубы, направился дальше. И все же в Мейбурге, кроме нас, не видно было ни одной живой души. Большинство жителей села попряталось или искало спасения в бегстве к Старому Уокингу, по той самой дороге, которой мы ехали с женой в Лизсерхсд.

Мы спустились по дороге, мимо трупа человека в черном, и подножья холма вошли в лес. Лесом мы прошли до железной дороги, не встретив ни одной живой души. Лес по ту сторону железной дороги представлял из себя кучу раздробленного, обуглившегося дерева: большая часть сосен повалилась, а от тех, которые стояли, остались лишь унылые серые стволы с темно-коричневыми иглами вместо зеленых.

На нашей стороне сгорело только несколько стоявших вблизи деревьев. В одном месте остались следы субботней работы дровосеков: лежали свеже-срубленные подчищенные стволы, стояла паровая лесопильная машина, и валялись стружки и опилки. Невдалеке виднелся временный шалаш для рабочих, покинутый ими. В это утро не было ни малейшего ветра, и кругом царила мертвая тишина. Даже птицы не пели, и мы с артиллеристом, продолжая свой путь, говорили

шопотом и поминутно оглядывались назад. Раза два мы останавливались и прислушивались.

Через некоторое время, уже подходя к улице, мы услышали стук копыт и увидали в просвете между деревьями трех кавалеристов 8-го гусарского полка, которые медленно ехали в сторону Уокинга. Мы окликнули их и побежали к ним. Они остановились. То был лейтенант и несколько солдат, везущих какой-то инструмент, вроде теодолита. Артиллерист объяснил мне, что это был гелиограф.

— Вы первые, которых я встречаю на улице сегодня утром, — сказал лейтенант. — Что собственно случилось?

В его лице и голосе была тревога, а ехавшие за ним солдаты с любопытством смотрели на нас. Артиллерист перескочил через ров и сделал под козырек.

— Нашу пушку разорвало вчера вечером, господин лейтенант. Я спрятался. Стараюсь соединиться со своей батареей, господин лейтенант. Я думаю, что, если вы пройдете полмили по этой улице, то вы увидите марсиан.

— А на кого они похожи? — спросил лейтенант.

— Великаны в полном вооружении, господин

лейтенант. Сто футов высоты. Ноги и тела из алюминия, с огромной головой под колпаком, господин лейтенант.

— Перестаньте! — закричал лейтенант. — Что за нелепица!

— Вы сами увидите, господин лейтенант. Они носят с собой какой-то ящик, из которого пускают огонь и убивают.

— Вы хотите сказать, пушка?

— Нет, господин лейтенант, — и артиллерист принялся с живостью рассказывать о тепловом луче. Но лейтенант прервал его и взглянул на меня. Я стоял все еще на прежнем месте.

— А вы видели это? — спросил он.

— Все это сущая правда! — подтвердил я.

— Хорошо, — сказал лейтенант. — В таком случае и я должен посмотреть на это. Послушайте, — обратился он к артиллеристу: — мы разделимся, чтобы очистить дома от людей. Вы лучше всего сделаете, если явитесь к бригадному генералу Марвину и доложите ему обо всем, что видели. Он в Уэйбридже. Дорога вам известна?

— Я знаю ее, — сказал я.

Лейтенант повернул лошадь.

— С полмили отсюда, говорите вы? — спросил он.

— Самое большее, — ответил я и указал на лес к югу. Он поблагодарил меня и поехал дальше. Больше мы их не видели.

Немного подальше мы натолкнулись на трех женщин с двумя детьми около коттэджа рабочего. Они раздобыли тачку и складывали на нее какие-то грязные узлы и прочий домашний скарб. Все трое были так поглощены своим делом, что не заговорили с нами, когда мы проходили мимо.

У станции Байфлит лес кончился, и перед нами открылся вид на залитую солнцем деревню. Мы были теперь далеко за пределами действий теплового луча; если 6ы не тишина и опустелый вид некоторых домов, суета спешной укладки в других домах и кучка солдат, стоявших у моста и пристально глядевших вдоль линии, в сторону Уокинга, то этот день ничем не отличался бы от всякого другого воскресного дня.

Несколько телег и фермерских фур со скрипом тащились по дороге к Эддльстону. Вдруг мы увидели в открытые ворота огороженного луга шесть двенадцатифунтовых пушек, расставленных на равных расстояниях друг от друга и обращенных жерлами на Уокинг. Наводчики стояли около пушек, готовые по данному сигналу начать пальбу. Пороховые ящики находились на приличной

дистанции, как перед боем.

— Это очень хорошо, — сказал я. — Один заряд они во всяком случае получат.

Артиллерист стоял у ворот изгороди в нерешительности.

— Я пойду дальше, — сказал он.

Подальше у поста, по направлению к Уэйбриджу, стояла группа солдат в белых рабочих блузах и рыла окопы; за ними опять стояли пушки.

— Это все равно, что лук и стрелы против молнии, — заметил артиллерист. — Видно, они еще не попробовали огненного луча.

Офицеры, которые не были заняты, стояли и смотрели в лес на юго-запад, а солдаты каждую минуту бросали свою работу и тоже смотрели туда же.

Весь Байфлит был на ногах. Жители поспешно укладывались, и группа гусар, одни пешие, другие конные, все время торопила их. Три или четыре черные казенные фуры, с крестом на белом кружке, какой-то старый омнибус и еще несколько колымаг нагружались вещами. Кругом на улицах толпился народ, и большинство из них, настроенное празднично, оделось в свои лучшие платья. Солдатам стоило большого труда заставить этих людей проникнуться серьезно-

стью положения. Мы видели старика, который сердито спорил с капралом, уговаривавшим его оставить горшки с цветущими орхидеями.

Я остановился и схватил старика за руку.

— Знаете ли вы, что творится там? — сказал я ему, указывая рукой в сторону леса, скрывавшего марсиан.

— А что? — сказал он, оборачиваясь ко мне. — Я только что объяснял капралу, что эти цветы имеют большую цену.

— Там смерть! — крикнул я ему. — Смерть идет! Смерть! — И предоставив ему переваривать то, что я сказал, я поспешил за артиллеристом. У поворота я оглянулся. Солдат оставил старика в покое, и тот стоял около своего сундука и горшков с орхидеями и бессмысленно смотрел куда-то вдаль, поверх деревьев.

В Уэйбридже никто не мог нам сказать, где находится главный штаб. В городе была страшная суматоха, какой я еще нигде не видел. На каждом шагу запрягались повозки, телеги, самый удивительный подбор экипажей и лошадей! Почетные граждане, мужчины в спортсмэнских костюмах, нарядные дамы, — все были поглощены дорожными сборами. Около них возбужденно суетились дети, в восторге от нового развлечения,

разнообразившего их воскресное времяпрепровождение. А над всем этим неумолкаемо и радостно звонил колокол, призывая в церковь, где достойный викарий служил раннюю обедню.

Мы с артиллеристом уселись на краю фонтана и недурно позавтракали бывшей с нами провизией. Военные патрули — здесь были уже не гусары, а белые гренадеры — уговаривали жителей не медлить больше и уезжать или прятаться в погреба, как только начнется пальба. Переходя железнодорожный мост, мы увидели, что на станции скопилось множество народа и что вся платформа была завалена сундуками и всякими свертками. Подвоз орудий и войск в Чертси вызвал приостановку в движении пассажирских поездов и, как мне рассказывали впоследствии, на вокзале чуть не дрались из-за мест в пущенных после того экстренных поездах.

Мы пробыли в Уэйбридже до полудня и через некоторое время подходили к Шеппертонскому шлюзу, где река Уэй сливается с Темзой. По дороге мы задержались немного, помогая двум старушкам уложить в повозку их вещи. Уэй впадает в Темзу тремя рукавами, и в этом месте можно было нанять лодку или воспользоваться паромом, чтобы переехать реку. На противоположном бе-

регу раскинулся Шеппертон с своей гостиницей среди лужайки и с подымающейся над деревьями высокой колокольней церкви.

Здесь мы нашли шумную, возбужденную толпу беглецов. Пока еще среди них не было паники, но все же тут было гораздо больше народа, чем могло поместиться в имевшихся на-лицо лодках. Подходили все новые пассажиры, изнемогающие под тяжестью своей ноши. Какая-то супружеская чета тащила свой домашний скарб на снятой с петель двери. Один из беглецов сказал нам, что он хочет попытаться сесть в поезд.

Много было здесь шума и крика, а один какой-то шутник пытался даже острить. Собравшиеся здесь люди представляли себе, повидимому, что марсиане были страшные человеческие существа, которые могли захватить и разгромить город, но все же, в конце концов, их ждала неминуемая гибель. Все поминутно поглядывали за Уэй, в сторону, где тянулись луга Чертси, но там все было спокойно.

По ту сторону Темзы, кроме того места, где причаливали лодки, было тихо, что составляло полный контраст с картиной на Суррейском берегу. Пассажиры, переезжавшие туда, спокойно продолжали путь пешком. Паром только что

пристал туда с людьми. Три или четыре солдата стояли перед гостиницей на лужайке и бесцеремонно разглядывали беглецов, острили по их адресу, но помощи своей им не предлагали. Гостиница была заперта, так как то был воскресный день.

— Что это такое? — закричал перевозчик. — Да замолчи же ты, дура! — прикрикнул человек, стоявший рядом со мною на залаявшую собаку. Снова повторился странный звук, на этот раз со стороны Чертси: тупой, заглушенный звук пушечного выстрела.

Бой начался. Почти непосредственно за первыми выстрелами последовали быстро один за другим выстрелы из батарей, расположенных за рекой, вправо от нас, но не видные нам из-за деревьев. Рядом вскрикнула женщина. Все замерли, ошеломленные внезапным шумом битвы, такой близкой, и все же невидимой нам. Ничего не было видно, кроме плоских лугов с равнодушно пасущимися на них коровами и серебристых ив, тихо дремлющих под горячими лучами солнца.

— Солдаты им покажут, — несколько неуверенно заметила какая-то женщина возле меня. Легкий дымок поднялся над верхушками деревьев.

Вдруг вдали высоко взлетел и повис в воздухе столб дыма. Вслед затем раздался, сотрясая воздух, страшный грохот взрыва, и земля дрогнула у нас под ногами. В нескольких домах вылетели стекла. Мы стояли оглушенные, ничего не понимая.

— Вот они! — закричал человек в синем свитере. — Там! Разве вы не видите? Там!..

С быстротою молнии, один за другим, показались вдали у маленьких деревьев один, два, три, четыре марсианина и быстро направились к реке. Они неслись, как птицы, и казались издали маленькими, смешными фигурками.

Затем мы увидели пятого, который приближался к ним сбоку. Их металлические тела блестели на солнце, и с каждым шагом они все вырастали по мере того, как приближались к нам. Один из них, который был дальше всех, вдруг взмахнул в воздухе большим ящиком, и страшный тепловой луч, который я уже видел в пятницу, направился в Чертси и ударил в него.

При виде этих странных, быстроногих и страшных существ стоявшая на берегу толпа застыла в ужасе. Ни возгласов, ни криков! Все было тихо. Затем невнятный гул голосов и топот ног — всплеск воды. Мой ближайший сосед, напу-

ганный до того, что забыл бросить свой чемодан, который он нес на плече, круто повернулся и чуть не сшиб меня с ног, ударив углом своей ноши. Какая-то женщина толкнула меня и пробежала мимо. Увлекаемый общим порывом, я было тоже повернул, собираясь бежать, но мой страх был еще не так велик, чтобы отнять от меня рассудок. Я помнил о страшном тепловом луче. Скорее в воду! В этом было единственное спасение!

— В воду! — закричал я, но меня никто не слышал.

Я повернул назад, прямо навстречу приближающемуся марсианину, сбежал с песчаного откоса и кинулся в воду! Другие последовали моему примеру. К пристани причалила лодка с людьми, и они высаживались на берег как раз в ту минуту, когда я пробежал мимо них. Река у берега была так мелка, что я прошел футов двадцать по пояс в воде, по скользким камням. Вдруг я увидал чуть ли не над своей головой, в каких-нибудь двухстах ярдах перед собою, гигантскую фигуру приближавшегося марсианина. Я бросился вперед и нырнул. Всплески воды от бросающихся в реку людей отдавались у меня в ушах, как удары грома. Люди высаживались на берег по обе стороны реки.

Но марсианин так же мало обращал внимания на спасающихся бегством людей, как мы на разбегающихся муравьев, когда нечаянно наступим на муравейник. Когда я задыхаясь высунул голову из воды, колпак марсианина был обращен к батареям, которые все еще стреляли через реку. Он шел и махал на ходу ящиком, в котором вырабатывались тепловые лучи. Спустя минуту он был на берегу и в один шаг перешел реку. Коленями двух передних ног он стал на противоположный берег, но в следующий момент снова выпрямился и очутился возле Шеппертона. В тот же миг раздался дружный залп из всех шести пушек, скрытых в кустах на выезде из деревушки. Неожиданная близость выстрелов, частота, с которой они следовали один за другим, заставили сильнее биться мое сердце. Чудовище уже поднимало свою камеру с тепловым лучом, как вдруг ярдах в шести над его колпаком разорвалась граната.

У меня вырвался крик удивления. Я не видел и не думал об остальных четырех марсианах; мое внимание было занято только тем, что происходило около меня. Почти одновременно с первой гранатой разорвались две другие, у самого тела великана. Он повернул свой колпак как раз вовремя, чтобы получить четвертую гранату, но

недостаточно быстро, чтобы избежать ее.

Граната попала в средину колпака марсианина. Колпак вспыхнул и разлетелся на двенадцать кусков. Во все стороны полетели осколки блестящего металла и куски окровавленного мяса.

— Попало! — вырвалось у меня. То был крик скорее торжества, нежели испуга.

Обезглавленный колосс зашатался, как пьяный, но не упал. Каким-то чудом он удержал равновесие. Не направляемый более в своих движениях, с открытой камерой, из которой выходил тепловой луч, он понесся на Шеппертон. Живая, сознательная воля сидевшего под колпаком марсианина погибла; его останки развеяло по ветру, и металлический великан представлял теперь собою только сложную машину, которая неслась навстречу своей гибели. Как слепой, мчался он по прямой линии; налетел на церковь, которая рассыпалась, как от удара тараном, откачнулся, потом зашатался и со страшным грохотом упал в воду и исчез из моего поля зрения.

Раздался страшный взрыв: струи воды, вперемешку с илом, клубами пара и осколками металла взлетели высоко в воздух. Как только камера с тепловым лучом коснулась воды, вода превратилась в пар. Еще мгновение — и огромная

волна, как при сильном прибое, горячая, как кипяток, поднялась и покатилась против течения. Я видел, как бросились к берегу люди, бывшие в воде; их отчаянные крики слабо доносились до меня сквозь шум воды и грохот взрыва, вызванного падением чудовища.

В ту минуту я не чувствовал, как горяча вода, и забыл о необходимости спасать свою жизнь. Я плыл через бушующую воду, оттолкнул в сторону человека, одетого в черное, пока, наконец, не увидал, что творится там, за поворотом реки. Штук шесть брошенных лодок бесцельно носились по бурлившей воде, а дальше внизу, поперек реки, лежал упавший гигант, уже наполовину затонувший.

Густые облака пара подымались из его обломков, и сквозь этот бешено крутящийся пар было видно, точно в тумане, как били по воде гигантские члены чудовища, подымая пену и кучи ила. Металлические щупальцы махали в воздухе словно руки живого существа, и, несмотря на беспомощную бесцельность этих движений, казалось, что раненый зверь отчаянно борется в волнах за свое существование. Масса какой-то красно-бурой жидкости вырывалась шумной струей из машины.

Мое внимание, привлеченное этой картиной, было отвлечено воем, напоминавшим звук сирены. Человек, стоявший по колено в воде около бечевника, шопотом окликнул меня и указал рукой назад. Оглянувшись, я увидел остальных четырех марсиан, которые неслись гигантскими шагами к берегу со стороны Чертси. На этот раз пальба шеппертоновских пушек не помогла!

Завидев врага, я моментально нырнул, и, задерживая дыхание до последней крайности и испытывая мучительную боль, я плыл под водой, пока мог. Вода вокруг меня бурлила и с каждым мгновением становилась горячее. Когда я на секунду высунул голову, чтобы перевести дыхание, и, откинув с глаз упавшие волосы, осмотрелся, то над водой подымался крутящийся белый пар, за которым я не мог рассмотреть марсиан. Оглушительный шум продолжался. Наконец передо мной смутно выступили очертания гигантских серых фигур, которые сквозь туман казались еще выше. Они прошли мимо меня и двое наклонились над бьющимися в воде остатками своего товарища.

Третий и четвертый стояли около них в воде. Один был в двухстах ярдах от меня, другой — ближе к Лэльгему. Они держали высоко над

головой свои камеры с тепловым лучом, и свистящие струи лучей расходились оттуда по всем направлениям.

В воздухе стоял гул от оглушительного, ошеломляющего сочетания звуков, бряцания боевых машин марсиан, грохота разрушающихся домов, треска и шипения вспыхивающих изгородей и деревьев, рева и свиста огня. Взлетающие кверху густые клубы черного дыма смешивались с паром, поднимавшимся от реки, а когда тепловой луч пронесся по Уэйбриджу, то каждое его прикосновение отмечалось вспышкой белого пламени, вслед за которым начиналась пляска желтых огненных языков. Ближайшие дома еще стояли невредимыми, ожидая своей участи, и уныло белели в клубах пара, а за ними бушевал огонь.

С минуту я стоял по грудь в почти кипящей воде, не зная, что мне делать, и без всякой надежды на спасение. Сквозь пар я видел людей, бывших со мною в воде. Одни из них пробирались через камыши на берег, точно лягушки, улепетывающие в траве при приближении человека, а другие — в диком отчаянии метались взад и вперед по бечевнику.

Вдруг я заметил, что белые вспышки теплового

луча, перескакивая с места на место, приближаются ко мне. От их прикосновения дома рассыпались, извергая пламя, а деревья с ревом превращались в огненные столбы.

Но вот белое пламя запрыгало по бечевнику, слизало бесцельно метавшихся по нем людей и подошло к воде не более как на пятьдесят ярдов расстояния от того места, где я стоял. Оно пронеслось поперек реки к Шеппертону, и вода на его пути вздувалась кипящим, пенящимся пузырем. Я повернул к берегу.

Еще мгновение — и меня накрыло громадной волной, температуры, близкой к точке кипения. Я вскрикнул от боли и, полуошпаренный, ослепленный, стал через силу плыть к берегу. Стоило мне ослабеть — и мне бы пришел конец. Беспомощный, беззащитный, я упал, на виду у марсиан, на широкую открытую, песчаную отмель, которая образует косу при впадении Уэя в Темзу. Я ожидал только смерти…

Смутно припоминаю, как ярдах в двадцати от моей головы на рыхлый песок вступила нога марсианина и расшвыряла мелкий гравий. Припоминаю после того долгий промежуток томительного ожидания, и затем четыре гигантские фигуры, с останками своего товарища

на руках, сперва совсем ясные, а потом постепенно заволакивающиеся пеленою дыма, стали бесконечно медленно, как мне казалось тогда, удаляться по широкому пространству речных лугов. И только постепенно у меня проснулось сознание, что я каким-то чудом спасся!

XIII
Как я встретился с викарием

Получив неожиданный урок, доказавший им силу земного оружия, марсиане отступили на свою прежнюю полицию к Горселльскому полю и второпях, обремененные тяжелой ношей, проглядели, вероятно, много жертв, вроде меня, попадавшихся им на пути. Если бы они бросили своего убитого товарища и двинулись дальше, они не встретили бы до самого Лондона ничего, кроме батарей с двенадцатифунтовыми пушками. Они явились бы в столицу раньше, чем успела бы туда долететь весть об их приближении, и их появление было бы так же внезапно, страшно и разрушительно, как землетрясение, уничтожившее сто лет назад Лиссабон.

Но они не торопились. Цилиндр следовал за цилиндром в межпланетном пространстве, и каждые двадцать четыре часа приносили им подкрепление. А тем временем военные и морские власти, теперь уже оценившие могущество врага, работали с неослабной энергией. На позиции ежеминутно подъезжали новые пушки,

и до наступления сумерек, за каждой рощицей, за каждым рядом пригородных вилл на холмистых склонах Кингстона и Ричмонда, скрывалось подстерегающее черное дуло орудий. А по всему пространству выгоревшей, опустошенной местности, тянувшейся, может быть, на двадцать квадратных миль вокруг лагеря марсиан, по выжженным развалинам деревень, под черными дымящимися сводами ветвей, которые всего лишь за день до того были сосновым лесом, пробирались самоотверженные лазутчики с гелиографами, на обязанности которых лежало предупреждать артиллеристов о приближении марсиан. Но марсиане знали теперь силу нашей артиллерии; они понимали опасность близости людей, и ни один человек, не рискуя жизнью, не мог приблизиться ближе, чем на милю, ни к одному из цилиндров.

Повидимому, всю вторую половину дня марсиане были заняты переноской разных вещей из второго и третьего цилиндров — второй лежал под Эддельстоном, а третий — у Пирфорда — на их первоначальную позицию, в песочную яму на Горселльском поле. Невдалеке от ям, у почерневшего вереска и развалин домов, один из них стоял на часах, тогда как остальные, покинув свои ги-

гантские боевые машины, спустились в яму. Они работали до поздней ночи и с холмов у Мерроу и даже, как говорили, из Бэнстида и с Ипсомской возвышенности можно было видеть валивший оттуда густой столб зеленоватого дыма.

В то время когда марсиане сзади меня готовились к следующему выступлению, а человечество, впереди меня, собиралось с силами для предстоящего боя, я с невероятными усилиями и трудом пробирался из дымящегося ада Уэйбриджа в Лондон.

Я заметил вдали брошенную лодку, плывшую вниз по течению. Скинув с себя промокшее платье, я пустился вплавь за этой лодкой, догнал ее и таким образом спасся от гибели. В лодке не было весел, но я решил действовать руками, насколько это позволяли мои ожоги. Я пробирался с большим трудом вниз по реке к Галлифорду и Уольтону, поминутно оглядываясь назад, как это вы легко поймете. Я выбрал путь по реке потому, что на воде было больше шансов спастись, в случае возвращения марсиан.

Горячая вода, образовавшаяся при падении боевой машины марсиан, спускалась по течению вместе с моей лодкой и, так как от нее все время поднимался пар, то в начале пути, на протяжении

одной мили, мне почти не видно было берегов. Один раз я впрочем увидел вереницу черных фигур, бежавших по лугу со стороны Уэйбриджа. Галлифорд казался совсем опустелым, и некоторые из его домов, обращенные к реке, горели. Мне странно было видеть клубы черного дыма и перебегающие струйки пламени под знойным синим небом летнего дня, среди затихшей деревни, покинутой людьми. Я никогда еще не видел пожара без суетящейся толпы. Немного подальше, на берегу, горел и дымился тростник, и полоса огня жадно ползла к сену, убранному в стога.

Долгое время я плыл так, отдаваясь на волю течения, измученный и нравственно и физически пережитыми ужасами. Потом во мне снова проснулся страх, и я принялся править лодкой. Солнце жгло мою обожженную спину. Но наконец, когда за поворотом реки показался Уольстонский мост, начинавшиеся лихорадка и физическая слабость превозмогли мой страх. Я причалил к Миддльсекскому берегу и в изнеможении, почти замертво, свалился в высокую траву. Было, должно быть, часа четыре или пять вечера. Я поднялся, прошел с полмили вперед и, не встретив ни души, снова лег в тени изгороди. Смутно помню, что я как будто разговаривал

сам с собой во время этого утомительного перехода. Помню еще, что меня мучила жажда и я сожалел, что не напился досыта воды из реки. И любопытно еще то, что я почему-то сердился на свою жену. Не знаю почему, но мое бессильное желание попасть поскорее в Лизсерхед страшно раздражало меня.

Я уже не могу припомнить, когда появился викарий. Должно быть, я дремал тогда. В моей памяти запечатлелась лишь его сидящая фигура, с вымазанными сажей рукавами рубашки и с приподнятым кверху гладко выбритым лицом, пристально следившим, как плясал на небе отблеск пожара. Небо было усеяно мелкими перистыми облачками, чуть-чуть розовевшими от заката.

Услыхав шум от моего движения, он быстро взглянул на меня.

— Есть у вас вода? — спросил я, не здороваясь с ним. Он покачал головой.

— Вот уж час, как вы просите воды, — сказал он.

С минуту мы молчали и рассматривали друг друга. Я должен был казаться ему весьма странным: почти голый, — на мне не было ничего, кроме мокрых брюк и носков, — с обожженной

кожей и с черным от дыма лицом и плечами. У него было невыразительное лицо с бесхарактерным подбородком. Его волосы, почти льняного цвета, спускались волнами на низкий лоб. Бледноголубые, довольно большие глаза смотрели тупо куда-то в пространство. Он говорил отрывисто и не глядел на меня.

— Что все это значит? — сказал он. — Что означает то, что творится кругом?

Я посмотрел на него пристально и не ответил ему. Он вытянул тонкую белую руку и продолжал жалобным тоном.

— Зачем допускают подобные вещи? Чем мы согрешили? Сегодня, по окончании обедни, я вышел погулять по улицам, чтобы немного освежиться, и вдруг — огонь, землетрясение, смерть! Точно Содом и Гоморра! Вся работа уничтожена, вся работа… Кто они, эти марсиане?

— А мы кто? — ответил я, откашлявшись.

Он обхватил руками колени и повернулся ко мне. С пол-минуты он сидел молча.

— Я бродил по улицам, чтобы освежить голову, — вторил он. — И вдруг… огонь, землетрясение, смерть!..

Он снова замолчал, уткнувшись подбородком в колени. Через некоторое время он опять загово-

рил, размахнем рукой:

— Вся работа… воскресные школы… Что мы такое сделали? Что сделал Уэйбридж? Все исчезло… Все разрушено! Церковь!.. Три года тому назад мы отстроили ее заново… Разрушена! Сметена с лица земли!.. За что?..

Снова пауза, а потом опять бессвязная речь.

— Дым от этого пожара будет вечно возноситься к небу! — крикнул он.

Глаза его горели, а его длинный, тонкий палец указывал на Уэйбридж.

Я начинал понимать, кто передо мною. Страшная трагедия, разыгравшаяся в Уэйбридже, к которой он оказался причастным — повидимому, он был беглецом из Уэйбриджа, — привела его на край бездны, и он потерял рассудок.

— Далеко мы от Сенбюри? — спросил я равнодушным тоном.

— Что нам делать? — продолжал он. — Неужели эти существа везде? И земля отдана им во власть?

— Далеко до Сенбюри?

— Еще сегодня утром я служил в церкви.

— С тех пор все изменилось, — сказал я спокойно. — Нужно держать голову высоко. Еще есть надежда!..

— Надежда?

— Да, полная надежда, несмотря на все это разрушение.

Я принялся излагать свой взгляд на наше положение. Сначала он слушал, но, по мере того, как я говорил, выражение интереса в его глазах сменилось прежней тупостью, и взгляд его стал блуждать по сторонам.

— Это должно быть начало конца, — проговорил он, перебивая меня. — Конец!.. Великий и страшный день суда!.. Когда люди будут умолять утесы и горы, чтобы обрушились и скрыли их от лица сидящего там на престоле!

Я понимал теперь, в чем дело. Я отбросил свою сложную аргументацию и, с усилием поднявшись на ноги, подошел к нему и положил ему руку на плечо.

— Будьте мужчиной, — сказал я. — Страх лишил вас разума. Что это за вера, которая пропадает при первом несчастии? Вспомните только, что делали с человечеством землетрясения, потопы, войны, вулканы! Почему же вы думаете, что бог должен был сделать исключение для Уэйбриджа?.. Он не страховой агент…

Долгое время он сидел в молчании.

— Но как можем мы спастись? — вдруг спросил

он. — Они неуязвимы и безжалостны.

— Ни то ни другое, — отвечал я. — И чем они сильнее, тем осмотрительнее и спокойнее должны быть мы. Не прошло еще и трех часов, как один из них был убит.

— Убит? — повторил он, уставившись на меня. — Как могут быть убиты посланцы бога?

— Я сам это видел, — продолжал я. — Мы имели счастье попасть в самую свалку, и это все!

— Что же означают эти отблески на небе? — неожиданно спросил он.

Я объяснил ему, что это сигнализация гелиографом, — так сказать, отпечаток на небе человеческой помощи и стараний. — Мы сейчас в самом центре боя, — говорил я, — хотя кругом все тихо. Отблески на небе означают надвигающуюся грозу. Там, думаю я, марсиане, а ближе к Лондону, где поднимаются холмы Ричмонда и Кингстона, под прикрытием лесов, возводят земляные укрепления и ставят пушки. Скоро здесь будут марсиане…

Я не успел договорить, как он вскочил и остановил меня жестом.

— Слушайте! — сказал он.

Из-за реки, со стороны невысоких холмов, доносились раскаты далеких выстрелов и отго-

лоски нечеловеческого крика. Потом все стихло. Над изгородью поднялся майский жук и жужжа пролетел мимо. Высоко на западе, чуть светлея, виднелся серп луны над дымящимся Уэйбриджем и Шеппертоном, в знойной тишине великолепного заката.

— Нам лучше всего пойти этой дорогой на север, — сказал я.

XIV
В Лондоне

Мой младший брат был в Лондоне в то время, когда марсиане напали на Уокинг. Он был студент-медик и готовился к предстоящему экзамену. До утра субботы он ничего не знал о событиях. В субботних утренних газетах, кроме пространных статей о планете Марс, о жизни на планетах вообще, была помещена коротенькая, довольно туманная телеграмма о появлении марсиан, производившая впечатление именно своей лаконичностью.

Марсиане, напуганные приближением толпы, убили несколько десятков людей из скорострельной пушки, так гласила телеграмма и заканчивалась словами: «При всей их кажущейся силе, марсиане не выходят из ямы, в которую они упали, да, очевидно, и не могут выйти. Это объясняется, вероятно, большею силой тяготения на Земле». По поводу последнего предположения автор телеграммы распространяется довольно много.

Само собой разумеется, что все студенты под-

готовительных курсов по биологии, которые в то время посещал мой брат, были очень заинтересованы вышеупомянутой телеграммой. Но на улицах не замечалось никакого особенного волнения в тот день. В вечерних газетах появились кое-какие новые сообщения под гигантскими заголовками. Но и эти последние новости о марсианах ограничивались известиями о стягивании войск к Горселльскому полю и о том, что между Уокингом у Уэйбриджем горят сосновые леса.

Позднее, в экстренном выпуске «Evening-Post» был напечатан голый факт, без всяких комментарий, о прекращении телеграфных сношений. В публике это объясняли тем, что горящие деревья упали на телеграфные провода. В ночь моей поездки в Лизсерхед о столкновении с марсианами никто еще не знал в Лондоне.

Мой брат не беспокоился о нас, зная из описания газет, что место падения цилиндра отстояло на две добрых мили от нашего дома. Он решил проехать к нам в тот же вечер, чтобы посмотреть, как он говорил, на эти существа с Марса, пока их не уничтожили. Он послал мне телеграмму, которой не суждено было дойти по назначению. Вечер он провел в мюзик-холле.

В Лондоне, в ночь на воскресенье, была также

сильная гроза, и до вокзала Ватерлоо мой брат доехал в кэбе. После нескольких минут ожидания на платформе вокзала, с которого обыкновенно отходят ночные поезда, он узнал, что в этот день они не дойдут до Уокинга, вследствие какого-то происшествия на дороге. В чем заключалось это происшествие, он не мог добиться, так как и само железнодорожное начальство не знало толком, в чем дело.

На станции не было заметно особенного волнения, и железнодорожные служащие были далеки от мысли заподозрить что-нибудь серьезное в нарушении сообщения. Театральные поезда, которые обыкновенно шли через Уокинг, они отправляли теперь кружным путем через Вирджини-Уотер или Гильдфорд, а поезда для воскресных экскурсий — на Соутгэмптон и Портсмут. Какой-то газетный репортер, приняв моего брата за начальника станции, с которым у него было отдаленное сходство, вздумал интервьюировать его. За исключением некоторых железнодорожных служащих, лишь очень немногие видели связь между происшествием на линии и марсианами.

В одном из газетных сообщений о субботник событиях в Лондоне я прочел, что в воскресенье

утром «весь Лондон был взволнован известиями из Уокинга». В действительности же не было ничего такого, что оправдало бы эти преувеличенные описания. Большинство жителей Лондона до понедельника утра, когда действительно началась паника, ничего не слышали о марсианах, а те, которые слышали, не могли составить себе ясной картины из отрывистых телеграмм воскресных газет. К тому же лишь очень немногие в Лондоне читают эти газеты.

Кроме того, привычное чувство личной безопасности глубоко вкоренилось в душе каждого лондонца, а газеты, с другой стороны, так приучили его к сенсационным известиям, что всякий мог, без всякого чувства личного страха, прочесть следующее:

«Вчера, около семи часов вечера, марсиане вышли из цилиндра и, двигаясь под прикрытием металлических щитов, разрушили до основания станцию Уокинг с прилегающими к ней домами и уничтожили целый батальон Кардиганского полка. Подробности неизвестны. Пулеметы оказались совершенно бессильными перед вооружением противника. Полевая артиллерия была разбита. Чтобы предупредить жителей, в Чертси были откомандированы конные гусары.

Повидимому, марсиане медленно подвигаются к Чертси или Виндзору. В Западном Суррее царит тревожное настроение и возводятся земляные укрепления, чтобы воспрепятствовать движению противника на Лондон».

Так говорилось в «Sunday», а в остроумной, но быстрой на заключение руководящей «Star» это событие приравнивалось к положению жителей деревни, в которую ворвался бы неожиданно выпущенный на свободу зверинец. Никто в Лондоне не имел определенного представления о том, что такое вооруженные марсиане, и все еще господствовала идея, что марсиане очень неповоротливы, что они «передвигаются с трудом» и «ползут, как черепахи». Такие выражения попадались почти во всех первых известиях так как ни одна из этих телеграмм не могла быть составлена очевидцем выступления марсиан.

Воскресные газеты выпускали особые прибавления по мере получения свежих сведений, а иные — даже независимо от них. Но в сущности им было нечего сказать, пока к концу дня военные власти не сообщили представителям печати имевшихся у них сведений. И тогда в газетах появилось сообщение, толпы беглецов из Уолтона, Уэйбриджа и окрестных деревень запрудили все

дороги к Лондону — и только.

Утром мой брат отправился в церковь Воспитательного дома, все еще не зная о событиях предыдущего вечера. Там он слышал разговоры по поводу выступления марсиан, а священник прочел особую молитву о сохранении мира. Выйдя из церкви, брат купил номер «Times». Обеспокоенный напечатанными там известиями, он сейчас же поехал на Ватерлооскую станцию узнать, не восстановлено ли движение поездов? Публика в омнибусах и экипажах, велосипедисты и многочисленные пешеходы в праздничных платьях принимали довольно равнодушно странные новости, выкрикиваемые разносчиками газет. Все, правда, интересовались ими, но беспокоились только те, у кого там были родственники. На вокзале брат в первый раз услыхал, что прервано телеграфное сообщение с Виндзором и Чертси. Носильщики рассказали ему, что со станции Байфлит и Чертси получено несколько важных телеграмм, но что потом сообщение было прервано. Никаких подробностей они ему сообщить не могли. «Под Уэйбриджем происходит сильный бой», — этим ограничивались все их сведения.

Правильная работа на железной дороге была нарушена. Много публики, ожидавшей приезда

своих друзей из разных мест по юго-западной линии, стояло в нерешительности. Какой-то седой, старый господин подошел к моему брату и стал выражать ему в резких словах свое негодование на Общество юго-западных железных дорог: «Этого нельзя оставить без протеста» — говорил он.

Пришло несколько поездов из Ричмонда, Путнея и Кингстона с пассажирами, возвращавшимися из неудавшихся увеселительных поездок. Они думали покататься на лодках, но их шлюзы оказались запертыми, и в воздухе чувствовалась тревога, что и заставило их вернуться обратно. Один человек в белом, с голубыми полосками, фланелевом костюме стал рассказывать моему брату удивительные новости, которые он слышал.

— В Кингстон все время прибывают беглецы в повозках, фургонах и телегах, с сундуками, чемоданами и всякой домашней рухлядью, — говорил он. — Они едут из Молеея, Уэйбриджа и Уолтона и утверждают, что в Чертси слышна сильная канонада из тяжелых орудий, что там разъезжали конные солдаты и принуждали жителей немедленно выезжать, потому что идут марсиане. Мы тоже слышали отдаленную стрельбу на станции Гэмптон Корт, но приняли это за раскаты грома.

Что же, чорт возьми, все это значит? Ведь марсиане, как говорили, не могут выползти из своей ямы? Или все же они могут?

Мой брат ничего не мог ему ответить на это.

Скоро он убедился, что и среди пассажиров подземной железной дороги чувствовалась какая-то тревога, так как из всех дачных мест юго-западной линии, служащих целью воскресных экскурсий, — из Барнса, Уимбльдона, Ричмоид-Парка, Кью и других, — все уехавшие возвратились в необычайно ранние часы. Вообще все, имевшие какое-нибудь отношение к главной станции железных дорог, были заметно чем-то озабочены и раздражены.

Часов около пяти собравшаяся на станции толпа народа, которая все увеличивалась, была страшно взволнована тем обстоятельством, что по линии между юго-восточным и юго-западным вокзалами, обыкновенно закрытой, началось вдруг движение воинских поездов. На товарных платформах стояли огромные пушки, и все вагоны были битком набиты солдатам. Пушки везли из Вульвича и Четгэма в Кингстон. Сейчас же начался обмен шутками: «Вас там съедят живьем!» «Мы едем укрощать зверей!» и тому подобное. Через некоторое на станцию явилась полиция,

которая принялась очищать платформу от посторонних лиц, так что и моему брату пришлось уйти на улицу.

Колокола в церквах звонили к вечерне. Отряд молодых девушек из Армии спасения прошел с пением по Ватерлооской улице. На мосту стояла кучка зевак и с любопытством смотрела на реку, по которой плыли клочья какой-то странной коричневой пены. Солнце только что село. И над зданием парламента с его башенными часами расстилалось самое спокойное небо, какое только можно вообразить: все золотое, с длинными поперечными полосами красновато-коричневых облаков. Слышались разговоры про человеческий труп, будто бы проплывший по реке. Какой-то человек, резервист, как он сам сказал брату, говорил, что видел отблески гелиографа на западной стороне неба.

На Веллингтон-Стрит мой брат столкнулся с двумя газетчиками, только что выбежавшими из типографии на Флит-Стрит со свежими оттисками газет и кричащими плакатами. «Ужасная катастрофа! — кричали они. — Бой в Уэйбридже! Подробное описание! Бегство марсиан! Лондон в опасности!» Мой брат должен был заплатить им три пенса за один номер газеты. Только тогда

наконец он понял все могущество марсиан и ужас, который они должны были наводить. Он узнал, что это была вовсе не горсточка каких-то маленьких, неповоротливых созданий, а высоко стоящие в умственном отношении существа, способные управлять сложными механическими аппаратами. Они могли быстро двигаться и наносить своим жертвам такие удары, что даже сильнейшие орудия не в состоянии были устоять против них.

О них говорилось, как об «огромных паукообразных машинах, около ста футов вышиной, способных передвигаться со скоростью экспресса и выпускающих тепловые лучи страшно высокой температуры». По всей местности, окружающей Горселльское поле, и главным образом, между Уокингом и Лондоном, были расставлены скрытые батареи, состоявшие преимущественно из полевых орудий. Видели пять боевых машин марсиан, которые направлялись к Темзе, но одна из них, благодаря счастливой случайности, была уничтожена гранатой. Во всех других случаях выстрелы не попадали в цель, и батареи были тотчас же разрушены тепловыми лучами. Упоминалось о тяжелых потерях среди солдат, но в общем тон сообщения был оптимистический.

Марсиане были отражены, они значит не неуязвимы, они отступили на свою первоначальную позицию к Уокингу, где образовали треугольник из трех цилиндров. Повсюду сновали лазутчики с гелиографами. С поразительной быстротой подвозились орудия из Виндзора, Портсмута, Ольдершота, Вульвича и даже с севера, в том числе из Вульвича — длинные пушки в девяносто пять тонн. В общем на позициях было сосредоточено до ста шестидесяти пушек, главным образом для обороны Лондона. Никогда еще в Англии не видели столь быстрой мобилизации военных сил и в таких широких размерах.

Высказывалась надежда, что в будущем, в случае появления новых цилиндров, они будут немедленно уничтожены сильнодействующими взрывчатыми веществами, которые должны быть быстро приготовлены и надлежащим образом распределены. Без сомнения, гласит далее газетный отчет, положение из ряда вон выходящее и очень серьезное, но общество просят не поддаваться панике и препятствовать ее распространению. Конечно, марсиане существа необыкновенные и очень страшные, но в лучшем случае их ведь не более двадцати против наших миллионов!..

Власти, основываясь на размерах цилиндров, полагают, что в каждом цилиндре не может поместиться более пяти марсиан, следовательно, в трех цилиндрах — пятнадцать. Один уже выбыл из строя, а может быть и больше. Общество уже достаточно предупреждено об угрожающей опасности, а в ограждение безопасности жителей угрожаемых юго-западных городов и местечек принимаются уже самые серьезные меры. Прокламация заканчивалась многократными заверениями, что Лондон в безопасности, и выражалась твердая уверенность в умении властей справиться с возникшими затруднениями.

Все это было напечатано огромными буквами, и, повидимому, с этой статьей очень спешили, так как даже не успели прибавить ни слова в пояснение. Любопытно было отметить, рассказывал мне потом мой брат, как было скомкано и сокращено остальное содержание газеты, чтобы дать место этой статье.

По всему Веллингтон-Стрит можно было видеть людей, углубленных в чтение розовых листков, и весь Стрэнд наполнился голосами целой армии разносчиков газет. Люди сходили с трамваев специально, чтобы купить себе газету. Прежняя апатия сменилась сильнейшим возбуждением.

Мой брат видел на Стрэнде, как сняли ставни в магазине географических карт, и приказчик в воскресном платье, в желтых перчатках на руках, стоя в окне, наскоро прикреплял витрине карту Суррея.

Когда брат, с газетою в руках, проходил по Трафальгарскому скверу, ему попались навстречу несколько беглецов из западного Суррея. Один человек с женой и двумя мальчиками вез ручную тачку, нагруженную домашним скарбом. Они шли со стороны Вестминстерского моста, а сзади них ехала деревенская телега, в которой сидело пять или шесть человек весьма прилично одетых, с узлами и чемоданами. У всех были испуганные, осунувшиеся лица, и весь их вид представлял резкий контраст с праздничным видом пассажиров городских омнибусов. Нарядно одетые люди в кэбах с любопытством оглядывали беглецов.

Телега остановилась у сквера, как будто путники колебались, какую им выбрать дорогу, и, наконец, повернула к востоку, вдоль Стрэнда. Немного подальше брату повстречался человек в рабочем платье; он ехал на трехколесном велосипеде с маленьким передним колесом, какие давно вышли из употребления. Он был бледен и весь в грязи.

Мой брат повернул к площади Виктория и встретил целый караван таких беглецов. У него мелькнула надежда увидеть меня среди них. В этом месте скопилось много полиции, наблюдавшей за правильностью движения. Некоторые из беглецов делились своими впечатлениями с пассажирами омнибусов. Один из них клялся, что видели марсиан: «Огромные котлы на ходулях, и ходят, как люди». Но большинство, видимо, еще не опомнилось от пережитых волнений.

В трактирах и гостиницах за площадью Виктории шла бойкая торговля. На всех перекрестках собирались люди, читали газеты, взволнованно беседовали друг с другом или с недоумением разглядывали необычных воскресных гостей.

С наступлением вечера поток беглецов все увеличивался и, наконец, на улицах Лондона образовалась такая же давка, как на главной улице в Ипсоме, в день скачек. Мой брат пробовал расспрашивать некоторых из беглецов, но так и не добился удовлетворительных ответов.

Никто из них не мог ему дать сведений об Уокинге, кроме одного человека, который уверял его, что накануне ночью Уокинг был разрушен до основания.

— Я сам из Байфлита, — рассказывал он. — Рано

утром к нам приехал человек на велосипеде. Он объехал все местечко и всем приказывал выезжать. Потом пришли солдаты. Мы вышли на улицу, чтобы посмотреть, что случилось, и увидели густые облака дыма на юге и больше ничего; на дороге не было видно ни одной живой души. Через некоторое время мы услышали пальбу со стороны Чертси, и из Уэйбриджа потянулся народ. Тогда я запер свой дом и уехал.

К этому времени в городе чувствовалось уже сильное недовольство властями за их неуменье расправиться с марсианами, не подвергая страну таким неприятностям.

Часов около восьми вечера с юга стали явственно доноситься раскаты пушечной пальбы. За страшным шумом на главных улицах брату ничего не было слышно, но, когда он свернул к реке по тихим переулкам, он стал ясно различать эти звуки.

Было десять часов, когда он возвращался из Вестминстера в свою квартиру у Редженд-Парка. Он уже очень беспокоился обо мне и вообще был не на шутку встревожен, начиная понимать истинное значение этих событий. Он представлял себе мысленно подробности военных действий, как это делал я накануне моего бегства: безмолв-

ные пушки, подстерегающие врага, и мирную, культурную страну, превращенную внезапно в лагерь кочевников. В своем воображении он рисовал себе эти «котлы на ходулях» высотою в сто футов.

Несколько повозок с беглецами проехало по Оксфорд-Стрит, да еще две-три по Мэрилибон-Род, но вести распространялись так медленно, что Реджент-Стрит и Портленд-Род как обыкновенно по воскресным вечерам, были полны гуляющими. Правда, местами виднелись группы людей, поглощенных оживленной беседой, но по наружным аллеям Реджент-Парк под редкими газовыми фонарями, прохаживались парочки, как и всегда в это время. Ночь была тихая и жаркая, и даже душная; временами доносился грохот пушек, а после полуночи на юге засверкали зарницы, и начала собираться гроза.

Мой брат читал и перечитывал газету, опасаясь для меня самого худшего. Он не находил себе места от беспокойства и после ужина принялся опять бесцельно бродить по улицам. Вернувшись домой, он пробовал сосредоточиться на работе к предстоящим экзаменам, но тщетно, и вскоре после полуночи улегся спать.

На заре он проснулся от стука дверей, колоколь-

ного звона и топота бегущих по улице ног. Где-то вдали бил барабан. На потолке комнаты играли красные отблески огня. Минуту он лежал неподвижно, не понимая, что все это значит наступил ли «судный день», или весь мир с ума сошел? Потом он соскочил с постели и побежал к окну.

Его комната была и самом верхнем этаже, и, когда он высунулся в окно, то увидел, что по всей улице в домах открываются окна и люди во всевозможных ночных костюмах, полуодетые, смотрят на улицу. Со всех сторон сыпались вопросы.

— Они идут, — прокричал во все горло полисмэн, колотя в ворота. — Марсиане идут! — и бросился к соседнему дому. Из казармы на Албани-Стрит доносился стук барабана и рев военных труб, а колокольни всех ближайших церквей старались наперебой разогнать сон обывателей тревожным, громким звоном. Кругом хлопали открывающиеся двери ворот, и окна противоположных домов загорались одно за другим желтым светом, казавшимся особенно ярким после ночной темноты.

Из угла выехала закрытая карета, прогрохотала под окном и покатила вдоль улицы, постепенно затихая вдали. Следом за ней проскакали два

извозчичьих кэба, а за ними последовала целая вереница мчавшихся экипажей. Все они направлялись к станции Чок-Фарм, где снаряжались поезда по северо-западной линии.

Ошеломленный всем этим, брат мой долго стоял у окна и смотрел, как бегали полисмэны от дома к дому, стуча в наружные двери и выкрикивая свое непонятное сообщение. Вдруг он услышал у себя за спиной стук отворяемой двери, и сосед, живущий на той же площадке, вошел к нему. Он был в ночных туфлях и нижнем белье, со свободно болтающимися подтяжками и с растрепанной после сна головой.

— Что случилось? — спросил он. — Пожар? Что означает этот адский шум?

Оба высунулись в окно, стараясь разобрать, что кричали на улице полисмены. Из боковых улиц подходили люди, соединялись в группы и о чем-то оживленно беседовали.

— Что означает вся эта чертовщина? — спросил сосед моего брата.

Тот промычал ему в ответ что-то неопределенное и начал одеваться, поминутно вскакивая и подбегая к окну, чтобы не пропустить ни одной подробности из того, что делалось улице. А там волнение все разрасталось. Вдруг, несмотря на

ранний час, появились газетчики, выкрикивая во все горло:

— «Лондону грозит опасность от удушения! В Кингстоне и Ричмонде разрушены укрепления! Страшное избиение в долине Темзы!»

И повсюду кругом, в нижних квартирах, в домах соседних и напротив, за парком и на всех прочих бесчисленных улицах той части Мерилибона, в округе Вестбурн-Парка и Св. Панкратия, и дальше на запад и на север, в Кильбурне, Сент-Джонс-Вуде и Гэмпстэде, и на восток — в Шоредиге, Гайбюри, Гаперстоне и Гостоне, и по всему громадному пространству Лондона от Илинга до Ист-Гэма, люди, как полоумные, вскакивали с постели, протирали глаза и бежали к окну, чтобы смотреть на улицу и задавать друг другу бессмысленные вопросы, потом одевались впопыхах, а по улицам огромного города проносилось, между тем, первое дуновение налетевшей бури страха — предвестника великой общей паники. Лондон, только лишь накануне, в воскресенье вечером, отошедший ко сну спокойным и тупо равнодушным, проснулся на заре, в понедельник утром, с острым сознанием грозящей опасности.

Так как наблюдения из окна не могли ему помочь разобраться в случившемся, то брат вы-

шел на улицу как раз в тот момент, когда заря окрасила облака и крыши в розоватый цвет. Толпа беглецов, пеших и в экипажах, прибывала с каждой минутой. «Черный дым!» — кричали кругом. — «Черный дым!» Такой единодушный страх неизбежно заражал каждого. Пока мой брат, стоя в дверях, колебался, не зная, куда ему итти, он увидал подходившего газетчика с новыми номерами газет и купил у него один номер. Газетчик побежал дальше, распродавая на ходу газету по шиллингу за номер. Паника и жадность к наживе — дикое сочетание двух, казалось бы, столь несовместимых вещей.

В этой газете мой брат прочел зловещее сообщение главнокомандующего:

«Марсиане в состоянии выпускать, посредством ракет целые тучи какого-то черного, ядовитого дыма. Они заставили замолчать наши батареи, разрушили Ричмонд, Кингстон, Уимбльдон и теперь шаг за шагом продвигаются к Лондону, уничтожая все на своем пути. Их невозможно остановить, и от их черного дыма нет другого спасения, кроме поспешного бегства».

Это было все, но и этого было достаточно. Все шестимиллионное население города заволновалось, пришло в движение, и вскоре это должно

было превратиться в повальное бегство на север.

«Черный дым!» — раздавалось со всех сторон. — «Огонь»...

Колокольни соседних церквей подняли неистовый трезвон. Какая-то повозка с растерявшимся от страху возницей со всего маху влетела в сточную канаву на улице и разбилась под ругань и крики толпы. В окнах домов мелькал, перебегая, тусклый желтый свет, и на многих из проезжавших кэбов еще горели фонари. А вверху над домами все ярче разгоралась заря — ясная, спокойная и тихая.

Брат слышал, как забегали в доме и на лестнице. Его хозяйка вышла за дверь в наскоро накинутой блузе и платке; за нею вышел муж, что-то бормоча и жестикулируя.

Как только брат начал понимать, наконец, всю важность совершавшегося перед ним, он бросился наверх, в свою комнату, сунул в карман все свои наличные деньги, около десяти фунтов, и выбежал опять на улицу.

XV
Что случилось в Суррее

В то время как я сидел с викарием у изгороди на лугу близ Галлифорда и слушал его бессмысленный бред, а мой брат наблюдал поток беглецов, запрудивших Вестминстерский мост, марсиане решили перейти в наступление. Насколько можно было понять из противоречивых газетных сообщений, марсиане усиленно работали до девяти часов вечера в яме под Горселлем, результатом чего были выходившие из нее в большом количестве клубы зеленоватого дыма.

Достоверно, во всяком случае, то, что около часов вечера три марсианина вышли на ямы. Осторожно продвигаясь вперед, они прошли через Байфлит и Гирфорд к Риплею и Уэйбриджу и таким образом, перед закатом солнца очутились в виду ожидавших их батарей. Марсиане эти двигались не сомкнутыми рядами, а гуськом, на расстоянии приблизительно полторы мили один от другого. Они перекликались друг с другом завыванием, похожим на рев сирены, по всей гамме восходящих и нисходящих звуков.

Этот рев вперемежку с пушечными выстрелами из Риплея и Сен-Джордж-Гилля мы слышали в Верхнем Галлифорде. Наводчики батареи, стоявшей у Риплея, все были неопытные волонтеры, которым нельзя было поручить такой задачи; они, не выждав времени, дали один сильный, но преждевременный и бесплодный залп, и после этого бежали, кто пешком, кто верхом, через опустошенную деревню. Марсианин преспокойно перешагнул через покинутые орудия и, пройдя их, неожиданно подошел к батарее Пенешил-Парка, которую и уничтожил.

Артиллеристы сен-джордж-гилльской батареи имели лучших руководителей или, может быть, занимали лучшую позицию; во всяком случае их орудия, скрытые в сосновом лесу, не были замечены подходившим марсианином. Спокойно, как на смотру, они зарядили их и дали залп.

Марсианина обдало осколками упавшей гранаты, и солдаты видели, как он покачнулся и упал. Раздался ликующий крик, и солдаты с бешеной поспешностью зарядили орудия. Упавший марсианин издал протяжный вой, и в мгновение ока у деревьев показался второй сверкающий великан, который, в ответ на его призыв, ответил ему также воем.

Повидимому, осколком гранаты подбило ногу у треножника первого марсианина. Второй залп пропал даром, ударив в землю довольно далеко от него, и вслед затем оба товарища направили на батарею свои тепловые лучи. Пороховые ящики взлетели на воздух, и вокруг орудий ярким пламенем вспыхнули сосны. Из солдат спаслись только два-три человека, успевшие забежать за гребень холма.

После этого, три великана стали как будто совещаться, по крайней мере лазутчики, следившие за ними, доносили потом, что все трое простояли на месте с полчаса. Из подбитой машины осторожно выполз марсианин, маленькая коричневая фигурка, казавшаяся на расстоянии каким-то ржавым пятном, и занялся повидимому починкой своего треножника. К девяти часам он кончил свою работу, так как над деревьями снова показался его колпак.

Было начало десятого, когда к этим трем марсианам присоединилось еще четверо, вооруженных какими-то толстыми, черными трубками. Они роздали по такой же точно трубке и трем первым и разместились изогнутой линией на равном расстоянии друг от друга, между Сен-Джордж-Гиллем, Уэйбриджем и деревенькой Сэнд, к

юго-западу от Риплея.

Как только они тронулись с места, дюжина ракет взвилась из-за холмов перед ними, предупреждая стоявшие наготове у Диттона и Эшера батареи о приближении врага. В то же самое время четыре неприятельских боевых машины, тоже снабженные трубками, перешли через реку, и две из них, чернея на фоне заката, выросли передо мной и викарием, застигнув нас на дороге из Галлифорда на север, по которой мы шли, напрягая последние силы. Казалось, что они летят на облаках, так как молочный туман, который стлался по полям, закрывал треножники до одной трети их вышины.

При виде этих двух великанов викарий тихо вскрикнул и пустился бежать. Но я-то знал, что от марсианина не убежишь, и поэтому свернул в сторону и пополз через мокрую от росы крапиву и густой кустарник в канаву, которая шла вдоль дороги. Викарий оглянулся и, увидев, что я делаю, последовал моему примеру.

Марсиане остановились. Один, который стоял ближе к нам, смотрел в сторону Сенбюри; другой, казавшийся серым пятном на фоне заката, стоял дальше, в сторону Стэнса.

Призывный вой их прекратился. В полном

безмолвии заняли они свои места в огромном полумесяце, имевшем не менее двенадцати миль от одного конца к другому. Никогда еще, со времени изобретения пороха сражение не начиналось в такой тишине. На нас, да и вероятно на всякого другого случайного наблюдателя у Риплея, это произвело бы такое впечатление, как будто марсиане были единственными властелинами наступающей ночи, озаряемой лишь молодым месяцем, первыми звездами и последними отблесками умирающей зари да красным заревом пожара у Сен-Джордж-Гилля от горевших Пентильских лесов.

А между тем, отовсюду, со стороны Стэнса, Диттона, Эшера, Окгэма, из холмов и лесов южного берега реки, из-за низких лугов, на севере от нее — отовсюду, где какая-нибудь рощица или кучка сельских холмов давала прикрытие, на этот полумесяц глядели жерла пушек. Сигнальные ракеты взвились и рассыпались дождем искр в темноте ночи, и для артиллеристов всех этих сторожевых батарей потянулись минуты напряженного ожидания. Стоило только марсианам вступить в линию огня — и в тот же миг эти сверкающие в темноте ранней ночи орудия, с притаившимися за ним неподвижными черными фигурами

людей, разразились бы целой бурей громовых залпов.

Нет сомнения, что у всех этих тысяч чутко прислушивавшихся людей, также как и у меня в ту минуту, преобладающею мыслью был вопрос: что думают о нас марсиане? Понимают ли они, что воюют с миллионами организованных и дисциплинированных существ, представляющих одно целое? Или ко всем этим огненным вспышкам, внезапным взрывам гранат и упорному преследованию их они относились так, как относимся мы к отчаянному, единодушному нападению потревоженного улья? Уж не хотели ли они истребить нас всех до единого? (Тогда еще никто не знал, чем питаются марсиане).

Пока сотни подобных вопросов носились у меня в голове, я наблюдал гигантские очертания их часовых. А в глубине души у меня теплилась надежда, что вся дорога к Лондону занята громадными, еще неизвестными марсианами и скрытыми военными силами. Успели ли приготовить волчьи ямы? Догадались ли превратить в ловушку пороховые заводы в Гаунслоу? Хватит ли у лондонцев мужества и патриотизма устроить марсианам вторую Москву, но в большем масштабе?

Мы продолжали ползти через кустарник, по временам осторожно выглядывая из него, как вдруг спустя некоторое время, тянувшееся, как казалось, бесконечно долго, раздался отдаленный пушечный выстрел. Потом другой и третий. Тогда ближайший к нам марсианин поднял свою трубку высоко в воздухе и разрядил ее в сторону батарей. От тяжкого грохота этого выстрела дрогнула земля. Марсианин, стоявший у Окгэма, сделал то же самое. Не было ни вспышки огня ни дыма — ничего, кроме оглушительного грохота.

Я был так поражен этими странными выстрелами, следовавшими один за другим, что совершенно позабыл о своей личной безопасности и о своих обожженных руках, и, с трудом выпрямившись в кустарнике, посмотрел в сторону Сенбюри. В эту самую минуту около меня раздался выстрел, и над моей головой пронесся огромный снаряд, направляясь к Гаунслоу. Я ожидал увидеть дым или огонь или какие-нибудь другие последствия действия этого снаряда. Но я увидел над собой только темно-синее небо с одинокой звездой на нем, а под собою — стлавшийся по земле густой белый туман. Я не услышал также ни треска взрыва ни ответного выстрела. Кругом была мертвая тишина, и минуты длились

бесконечно.

— Что случилось? — спросил викарий, стоявший около меня.

— Ничего не понимаю, — отвечал я.

Летучая мышь пролетела мимо и скрылась. Где-то вдали послышались крики и смолкли. Я снова взглянул на марсианина, он быстро двигался теперь к востоку, вдоль реки.

Я все ожидал, что которая-нибудь из наших скрытых батарей даст по нему залп, но кругом все было спокойно, и ничто больше не нарушало ночной тишины. Фигура марсианина уменьшалась по мере того, как он удалялся, и вскоре туман и сгущавшийся мрак ночи поглотили его. Инстинктивно мы с викарием вскарабкались выше. В стороне Сенбюри мы увидели какую-то темную массу, напоминавшую формой конусообразный холм, который как будто вырос здесь и закрывал нам вид. Подальше, за рекой, у Уольтона, мы заметили другой такой же холм. И эти странные конусообразные холмы становились на наших глазах все ниже и расползались.

Движимый внезапной догадкой, я посмотрел на север и увидел там третью, такую же черную облачную массу в виде конуса.

Стало как-то странно тихо. Издали, с юго-во-

стока, подчеркивая эту тишину, доносились перекликающиеся голоса марсиан. Потом воздух дрогнул еще раз от далекого грохота их выстрелов. Но земная артиллерия молчала.

В то время нам было непонятно значение того, что происходило перед нами, и лишь позднее мне пришлось узнать, что означали эти зловещие черные холмы, так внезапно выраставшие в сумраке ночи. Каждый из марсиан, стоявший на линии громадного полумесяца, о котором я говорил, по какому-то неизвестному нам сигналу, разряжал бывшую при нем трубку в сторону каждого холма, каждой возвышенности, каждой кучки домов, которые могли служить прикрытием для батарей. Некоторые выстрелили только по разу, другие по два раза, как тот марсианин, который был ближе к нам. Тот же, который стоял у Риплея, выпустил, говорят, не менее пяти снарядов. Ударившись о землю, эти снаряды разбивались, но не разрывались, и выпускали целые тучи тяжелого, черного, как чернила, пара, который сначала подымался кверху, образуя газообразный, колеблющийся холм, а потом опускался и медленно расползался по окружающей его поверхности. И прикосновение этого пара, вдыхание малейшей из его частиц, приносило

смерть всему живущему.

Он был очень тяжел, этот пар, тяжелее самого густой дыма. Поэтому после первого сильного толчка, заставлявшего его взлететь кверху, он опускался, разливаясь по земле скорее как жидкое, чем газообразное, тело. С возвышенностей он стекал в долины, ручьи и лужи совершенно так, как течет углекислый газ из трещин вулканов. Там, где он попадал в воду, происходил какой-то странный химический процесс. Поверхность воды мгновенно покрывалась пеной, которая по мере своего образования медленно опускалась в воду, очищая место другой.

Этот порошок был абсолютно нерастворим, и странность заключалась в том, что если вдыхание этого газа было смертоносным, то воду, содержащую этот порошок, можно было пить без вреда. Самый же пар не расходился, как то бывает с газообразными телами, а висел в воздухе плотными клубами, потом медленно соединялся с туманом и с росой, оседая на землю в виде порошка.

Теперь, когда после бурного взлета черных клубов заканчивалось образование газообразного конуса, футов на пятьдесят над землей, на крышах, в верхних этажах домов и на высоких

деревьях, была полная возможность спастись от его ядовитого действия. Это было доказано в ту же ночь в Стрит-Кобгэме и Диттоне.

Человек, спасшийся от смерти в Кобгэме, передает удивительные подробности об этом событии. Сидя на колокольне, он наблюдал, как клубы черного дыма окутывали деревню и как из этой черной бездны постепенно, словно привидения, появлялись дома. Полтора суток просидел он там, измученный, голодный, жарясь на солнце. Под голубым сводом неба, на фоне далеких холмов, лежала земля, как будто затянутая черным бархатом, и на ней понемногу появились в разных местах красные крыши, зеленые верхушки деревьев, а позднее окруженные черной дымкой кусты и изгороди, амбары и хижины.

Но так было только в Стрит-Кобгэме, где черный пар остался лежать, пока не осел на землю. Вообще же марсиане, дав пару исполнить свое назначение, очищали от него воздух, направляя в него струи обыкновенного дыма.

Так разогнали они клубы черного пара в нашем соседстве, как мы могли это видеть из окон покинутого дома в верхнем Галлифорде, куда мы вернулись. Оттуда же мы видели перебегающий свет электрических прожекторов на холмах

Ричмонда и Кингстона и слышали, как в одиннадцать часов задребезжали окна в нашем домике от громких выстрелов из тяжелых крепостных орудий на позициях. Пальба в невидимых марсиан продолжалась без перерыва в продолжение четверти часа по направлении к Гэптону и Диттону. Затем бледные лучи света погасли, и на смену им взвился ярко-красный огненный столб.

Потом упал четвертый цилиндр, промелькнув сверкающим зеленым метеором, как я узнал впоследствии, в Буши-Парке. Но еще до канонады на позициях Ричмонда и Кингстона слышались отголоски далеких беспорядочных выстрелов с юго-западной стороны. Очевидно, те батареи тоже пробовали стрелять наудачу, пока черный пар не задушил там людей.

Таким образом, по заранее обдуманному плану, спокойно и методично, обкуривая человеческие жилища, как мы обкуриваем осиные гнезда, распространяли марсиане свой удушливый газ по всей местности, прилегающей к Лондону. Концы полумесяца медленно раздвигались, обхватывая постепенно местности от Ганвелля до Кумба и Мальдена.

Всю ночь напролет подвигались марсиане, работая своими разрушительными трубками.

Ни разу с тех пор, как в Сен-Джордж-Гилле упал марсианин, подбитый нашей гранатой, у нашей артиллерии не было ни одного удачного выстрела. Везде, где только была малейшая опасность для марсиан наткнуться на невидимые за прикрытием пушки, они выпускали заряд черного пара, а где батареи были на виду, там действовал тепловой луч.

Около полуночи пылающие деревья по склонам Ричмонд-Парка и зарево пожара на Кингстонском холме осветили клубы черного пара, покрывшего всю долину Темзы и расползавшемуся кругом, насколько хватало глаз. И по этому ползущему черному дыму, не спеша, шагали два марсианина, пуская во все стороны струи шипящего пара.

В ту ночь марсиане очень редко прибегали к лучу, оттого ли, что у них был лишь ограниченный запас материала для его производства, или потому, что они не имели в виду опустошать страну, а хотели только подавить наступление. И они, без сомнения, достигли своей цели. Ночь с воскресенья на понедельник была последним организованным сопротивлением их наступлению. Всякая попытка в этом направлении была бы теперь безнадежна. Даже команды миноносок и миноносцев-истребителей, поднимавшихся

было по Темзе, отказались действовать против марсиан и воротились назад. Единственное, на что еще отваживались люди с той ночи, была закладка мин и устройство волчьих ям, но эти работы они производили как-то судорожно и без всякой системы.

Нужно только представить себе судьбу этих батарей, стоявших у Эшера, — ужасную судьбу людей, из которых ни один не остался в живых!

В моем воображении рисуется следующая картина. Все стоят на своих местах в напряженном ожидании: батареи в полной боевой готовности, офицеры зорко всматриваются в темноту, наводчики у орудий, пороховые ящики сняты с передков. Здесь же лазаретные фуры и палатки с обожженными и ранеными и, в почтительном отдалении, толпа посторонних зрителей… а кругом полная тишина! Потом вдруг глухой отзвук выстрела разряженной трубки, — и над домами и деревьями проносится неуклюжий снаряд и тяжело падает в соседнем поле.

Густые клубы черной массы, взлетевшие наверх, превращают сумрак надвигающейся ночи в полную тьму. Невиданный, ужасный враг в образе черного дыма подбирается к своим жертвам, постепенно поглощая людей и лошадей.

Начинается безумное бегство, пушки брошены. Раздаются крики отчаяния задыхающихся, падающих людей, извивающихся в судорогах на земле, и над всем этим быстро оседающий, расползающийся кругом плотный черный дым. И затем ночь и смерть — ничего, кроме безмолвной, непроницаемой черной пелены, скрывающей своих мертвецов…

Еще до зари черный дым стлался по улицам Ричмонда, и распадающийся государственный организм в своем последнем предсмертном усилии предупреждал население Лондона необходимости поспешного бегства.

XVI
Бегство из Лондона

Теперь вы легко поймете, какая бешеная волна панического страха разлилась по улицам величайшего в мире города с наступлением понедельника. Поток беглецов с невероятной быстротой превратился в широкую реку, яростно бушевавшую у станций железных дорог, у пристаней на Темзе и пользовавшуюся каждой мало-мальски пригодной дорогой, чтобы прорыть себе русло на север и на восток.

К десяти часам полицейские власти, а к полудню и железнодорожные, совершенно распались, утратив свой авторитет. Они растаяли, расползлись и слились с живым потоков обезумевших людей, образуя огромную, однообразную массу социального тела.

Еще в полночь с воскресенья на понедельник население Каннон-Стрит, юго-восточной части Лондона, и железнодорожные линии к северу от Темзы получили предупреждение о надвигающейся опасности, и уже к двум часам все поезда были переполнены, а в вагонах публика дралась

из-за мест. В три часа на Бим-Стрит уже были раздавленные люди. Ярдах в двухстах от станции, на Ливерпуль-Стрит, стреляли из револьверов, пускались в ход кинжалы, и полисмэны, присланные для наблюдения за порядком, выбившись из сил, разбивали в бешенстве головы людей, которых они должны были охранять.

Позднее, с наступлением дня, когда машинисты и кочегары отказались возвратиться в Лондон, все разраставшаяся толпа отхлынула от станций и запрудила дороги, ведущие на север. Около полудня, под Барнсом, видели марсианина, и огромное облако черного дыма, медленно оседая, поползло вдоль Темзы, по Ламбетской развалине, отрезывая своим приближением всякую попытку к бегству через мосты. Другое облако тянулось над Илингом, охватывая кольцом возвышенность Кэс-Галля с уцелевшей на ней кучкой людей живых, но лишенных возможности бежать.

После бесплодных стараний попасть на поезд северо-западной линии, отходивший из Чок-Фарм, — паровозы очередных поездов, подававшихся от товарной платформы, буквально врезывались в осаждавшую их кричащую толпу, и человек десять дюжих мужчин должны были работать кулаками, чтобы не дать столк-

нуть машиниста — мой брат вышел на улицу Чок-Фарм, пробрался между скакавшими во весь опор экипажами и очутился в толпе, грабившей велосипедный магазин. Ему посчастливилось войти первому в магазин. Добыв себе велосипед и протащив его через окно, он упал, проткнул обо что-то переднюю шину и ранил себе руку, но тотчас же поднялся, сел и поехал. Крутая дорога от Гаверстонского холма была завалена опрокинутыми экипажами и упавшими лошадьми, и моему брату пришлось повернуть на Бельс-Род.

Избегнув таким образом самой сильной давки, брат выехал на Эджуэрскую дорогу и к семи часам приехал в Эджуэр, голодный и усталый, но на много опередив толпу. По дороге во всю ее длину стояли люди, с любопытством, и недоумением оглядывая беглецов. Моего брата обогнали несколько велосипедистов, несколько всадников и два автомобиля. На расстоянии одной мили от Эджуэра, у брата сломалось колесо, и велосипедом больше нельзя было пользоваться. Он бросил велосипед у дороги и пошел пешком.

На главной улице местечка лавки уже были открыты. На тротуарах, в дверях домов и у окон — всюду толпился народ и удивленно смотрел на странную процессию приближающихся бегле-

цов. В одной из гостиниц брату удалось поесть.

Он пробыл в Эджуэре довольно долгое время, не зная, что ему теперь предпринять. Число беглецов все возрастало, многие, как и брат, были склонны остаться в Эджуэре. О пришельцах с Марса не было никаких новых вестей.

К этому времени дорога была уже полна народом, но большой давки не было. Большинство беглецов было на велосипедах, но потом появились мчавшиеся во весь дух автомобили, кабриолеты и закрытые экипажи, которые подымали тучи пыли и ехали по направлению к Сен-Альбансу.

У брата была, вероятно, смутная мысль попробовать пробраться в Чельмсфорд, где жили его близкие знакомые, потому что, выйдя из деревни на глухую проселочную дорогу, он машинально повернул на восток. Вскоре он наткнулся на изгородь, перелез через нее и зашагал дальше по тропинке, заворачивавшей на северо-восток. Ему попадались на пути фермы и деревушки, названия которых он не знал. Беглецов он теперь почти не встречал и только по дороге к Гай-Барнету он столкнулся с двумя дамами как раз во-время, чтобы выручить их из беды, не подозревая тогда, что им придется потом странствовать вместе.

Он услышал их крики еще издали и, повернув

за угол, увидел на дороге шарабан с запряженным в него пони. В шарабане сидели две дамы и отбивались от двух каких-то мужчин, старавшихся стащить их с сиденья, в то время как третий молодец с трудом удерживал под уздцы перепугавшегося пони. Одна из дам, маленького роста, вся в белом, громко кричала, другая — стройная брюнетка — хлестала бичом человека, схватившего ее за руку.

Брату в один миг стало ясно, что здесь происходит. Он закричал на негодяев и бросился к месту борьбы. Один из мужчин тотчас же бросил дам и повернулся к нему, и по лицу брат увидал, что схватка неизбежна. Будучи хорошим боксером, он двинулся на него и одним ударом уложил его под колеса экипажа.

Было не время для соблюдения правил бокса, и поэтому брат, подставив ему подножку, выбил его из строя и затем схватил за шиворот другого, который держал за руку стройную даму. Тут он услышал стук копыт и почувствовал удар бича по лицу, а подскочивший к нему третий противник ударил его в переносицу. Этим воспользовался тот негодяй, которого он держал, вырвался у него из рук и пустился бежать вниз по дороге.

Наполовину оглушенный ударом, брат очутил-

ся лицом к лицу с человеком, который перед тем держал лошадь, и увидел, что коляска, раскачиваясь из стороны в сторону, катится по дороге с сидящими в ней женщинами. Стоявший человек — здоровенный детина — кинулся на него, но брат предупредил нападение и ударом в лицо отбросил его назад. Таким образом, освободившись от них, он повернулся и бросился бежать за экипажем. Его противник погнался за ним. Тогда и тот, который раньше дал тягу, повернул назад и тоже побежал за ними.

Вдруг брат споткнулся и упал. Ближайший из преследователей бросился на него, и когда он встал, то увидел перед собою двух противников. Еще немного, и он едва ли вышел бы целым из этой борьбы, но на его счастье стройная дама остановила лошадь, храбро выскочила из коляски и побежала к нему на помощь. Оказалось, что у нее был с собою револьвер, но он лежал под сидением экипажа в то время, как на них напали. Не доходя шести ярдов, она выстрелила и чуть-чуть не попала в брата. Один из разбойников, как видно не отличавшийся особенной, храбростью, бросился бежать, а за ним последовал другой, проклиная его трусость. Оба остановились на дороге возле своего третьего товарища, лежавшего

без чувств.

— Возьмите! — сказала стройная дама, протягивая брату револьвер.

— Садитесь скорее в экипаж, — проговорил брат, вытирая кровь со своей рассеченной губы.

Она повернула назад, не говоря ни слова — оба они с трудом переводили дух, — и они вместе подошли к шарабану, где дама в белом выбивалась из сил, стараясь удержать перепуганного пони.

Разбойники оставили их в покое. Брат оглянулся и увидел, что они пошли в обратную сторону.

— Я сяду к вам, если вы разрешите, — сказал брат и сел на пустое переднее сидение. Дама посмотрела через плечо.

— Дайте мне вожжи, — сказала она и хлестнула лошадь. В следующий момент три человека скрылись у них из глаз поворотом дороги.

Таким образом, совершенно неожиданно для себя, брат очутился растерзанный, еле дыша, с окровавленными руками, разбитой челюстью и расшибленной губой в чужом экипаже, в обществе двух незнакомых женщин, с которыми он мчался по неизвестной дороге.

Он узнал, что то были жена и младшая сестра врача-хирурга, жившего в Стенморе. Возвращаясь на рассвете домой из Пиннера от опасно

больного, доктор по пути, на одной из станций, услышал о приближении марсиан. Он поспешил домой, разбудил обеих женщин (служанка ушла от них за два дня перед тем), наскоро уложил для них небольшой запас провизии, сунул, к счастью для моего брата, под сиденье шарабана револьвер и велел им ехать в Эджуэр с тем, чтобы сесть там на поезд. Сам он остался предупредить соседей. Он обещал в пять часов утра нагнать их в Эджуэре, а теперь было почти девять, и его все еще не было. Они не решились остаться в Эджуэре из-за возраставшего наплыва беглецов и выехали на эту дорогу.

Вот что рассказали они брату урывками по пути. Не доезжая Нью-Барнета, им пришлось сделать привал. Брат обещал остаться с ними до тех пор, пока они не примут определенного решения, как им быть дальше, или пока их не догонит доктор. Чтобы придать им храбрости, он уверил их, что отлично стреляет из револьвера, хотя он совершенно не умел с ним обращаться.

Они расположились лагерем у дороги. Пони щипал траву у изгороди и чувствовал себя прекрасно. Брат рассказал им некоторые подробности своего бегства из Лондона, а также все, что он знал о марсианах. Солнце поднималось

все выше, и через некоторое время разговор замер и сменился чувством какой-то безотчетной тревоги.

По дороге прошло несколько пешеходов, и брат постарался выпытать от них все, что только можно. Каждое отрывочное сведение, которое он получал, только усиливало в нем впечатление страшного бедствия, постигшего человечество и укрепляло его уверенность в необходимости поспешного бегства. Это мнение он высказал дамам. — У нас есть деньги с собой, — сказала девушка и замолчала, словно боялась говорить дальше.

Но ее глаза встретили взгляд брата, и недоверие ее прошло.

— У меня тоже деньги с собой, — сказал мой брат.

Она объявила тогда, что кроме пятифунтового билета у них было около тридцати фунтов золотой монеты, и предложила отправиться на поезд в Сен-Албанс или в Нью-Барнет. Но брат, видевший ярость лондонцев, штурмовавших поезда, нашел это предложение невыполнимым и предложил свой план: проехать через Эссекс в Гарвич и оттуда покинуть Англию.

Но миссис Эльфинстон — так звали даму в бе-

лом — не хотела слушать никаких доводов и все только твердила о «Джордже», тогда как ее золовка была удивительно спокойна и благоразумна и соглашалась на предложение брата.

Таким образом они решили поехать в Барнет, чтобы пересечь большую дорогу, ждущую к северу. Мой брат вел пони под уздцы, чтобы по возможности сберечь его силы.

По мере того как солнце приближалось к зениту, становилось нестерпимо жарко. Пол ногами лежал толстый слой горячего, белого песку, благодаря чему они двигались очень медленно. Изгороди казались серыми от пыли. Издали доносился шум многотысячной толпы, становившийся все слышнее по мере приближения к Барнету.

По дороге стало попадаться больше народа. Большинство тупо смотрело перед собой, бормотало неясные слова и имело крайне измученный, истощенный и грязный вид. Один человек во фраке прошел мимо них, глядя в землю.

Они слышали его голос и когда посмотрели на него, то увидели, как он одной рукой схватил себя за волосы, а другою колотил какого-то невидимого врага. Когда у него прошел этот приступ бешенства, он пошел дальше, не оглядываясь по

сторонам.

Когда мой брат и его спутницы подъезжали к перекрестку к югу от Барнета, они увидели какую-то женщину, подходившую к дороге с левой стороны прямо через поля; она несла на руках одного маленького ребенка, а двое других шли рядом с ней. Потом прошел мужчина в грязном, черном костюме, с толстой палкой в одной руке и с небольшим дорожным саком в другой. Немного дальше, когда они миновали перекресток и проезжали мимо дач, им навстречу выехал экипаж, который вез черный, взмыленный пони. Худощавый юноша в спортсмэнской фуражке управлял им. Три девушки, по виду фабричные работницы из Ист-Энда, и двое маленьких детей сидели скорчившись в маленьком экипаже.

— Эта дорога ведет в Эджуэр? — спросил брата возница с дикими глазами и мертвенно-бледным лицом.

И когда брат объяснил ему, что надо свернуть налево, он хлестнул лошадь, не тратя времени на благодарность.

Теперь брат заметил, что из домов впереди поднимается тонкий серый столб не то дыма, не то тумана и постепенно заволакивает белый фасад терасы, видневшийся через дорогу между

дачами. Миссис Эльфинстон вдруг вскрикнула, увидя прямо перед собой, над крышами дач, красные языки пламени, поднимавшиеся вверх, к голубому небу.

Дикий шум толпы превратился в беспорядочную смесь многих голосов с трескотней катящихся колес, скрипом телег и отрывистым стуком копыт. Не доезжая ярдов пятидесяти до перекрестка, проселочная дорога делала крутой поворот.

— Куда вы нас везете! — вскричала мистрисс Эльфинстон.

Брат остановил лошадь.

Большая дорога представляла один сплошной бурный поток людей, стремительно несшийся на север. Сверкающая на солнце белая пыль, вздымаемая ногами лошадей, пешеходов и колесами всех сортов экипажей, стояла плотным белым облаком на высоте двадцати футов над землей, скрывая от глаз толпу на дороге и постоянно возобновляясь.

— Дорогу! — кричали в толпе. — Дайте дорогу!

Выехать на большую дорогу было все равно, что броситься в самое пекло бушующего пожара. Толпа ревела, как огонь, и пыль была горячая и едкая. И, в действительности, впереди на улице

пылала дача, и от нее валил густыми клубами черный дым, еще более увеличивающий смятение толпы.

За шарабаном шли двое мужчин. Затем какая-то грязная женщина с тяжелым узлом, которая все время громко всхлипывала. Охотничья собака, потерявшая своего хозяина, вся покрытая царапинами и жалкая, бегала, фыркая, вокруг их экипажа, но брат пригрозил ей кнутом, и она убежала.

Насколько можно было видеть, по всей дороге, ведущей к Лондону, стиснутый с двух сторон домами, лился бурный поток грязных бегущих людей. Черные головы, тесно прижатые друг к другу фигуры выступали яснее по мере приближения, но они быстро проходили мимо и утрачивали индивидуальность, сливаясь с удалявшейся толпой и, наконец, исчезали поглощенные ею и пылью.

— Вперед! Вперед! — слышались голоса. — Дайте дорогу!

Люди упирались руками в спину друг другу. Брат крепко держал под уздцы пони и, поддаваясь непреодолимому чувству, медленно, шаг за шагом, шел за толпой вперед.

Суматоха, которой брат был свидетель в Эджуэре, и взбунтовавшаяся толпа, осаждавшая поезда

в Чок-Фарме, были ничто в сравнении с той картиной, которую он увидел здесь. Тут весь народ был в движении. Трудно представить себе эти колоссальные массы людей. Они уже не имели индивидуальности, так как все новые и новые фигуры людей вливались в них и расплывались. Мимо мелькали лица подходивших, а потом их спины, когда они удалялись вместе с толпой. По краям дороги тащились пешеходы, сторонясь от наезжавших колес, падая в канавы и давя друг друга.

Кареты и фуры следовали одна за другой, почти не оставляя места для более быстрых и нетерпеливых экипажей, которые все-таки пользовались каждым моментом, чтобы проскочить вперед, бессовестно отбрасывая людей к изгородям и воротам дач.

— Вперед! — был общий крик. — Скорей вперед! Они идут!

В одной повозке стоял слепой человек в мундире Армии спасения. Он жестикулировал своими искривленными пальцами и во все горло кричал: «О, вечность! О, вечность!» У него был хриплый и настолько громкий голос, что брат мой еще долго слышал его после того, как он скрылся вдали за облаками пыли.

Некоторые экипажи были переполнены людьми, которые бессмысленно хлестали лошадей и переругивались с другими кучерами. Иные сидели, не шевелясь, и безутешными глазами смотрели куда-то в пространство. Были такие, которые сосали свои пальцы от жажды или неподвижно лежали на дне своих повозок. Глаза у лошадей были налиты кровью, и уздечки — все в мыле.

Тут можно было увидеть всевозможные экипажи: кэбы, кареты, фургоны, магазинные фуры, почтовые дилижансы, тачку для очистки улиц с надписью: «Главное управление св. Панкратия» и огромная железнодорожная платформа, набитая людьми весьма сомнительного вида. Мимо прогромыхала телега с пивоваренного завода; ее колеса были забрызганы свежей кровью.

— С дороги! — раздавались голоса. — С дороги!

— Вечность! Вечность! — доносилось сзади.

Хорошо одетые, грустные, исхудавшие женщины плелись пешком, волоча за собой детей, которые плакали и все время спотыкались. Их тонкие платья были покрыты пылью, а усталые лица залиты слезами. Многих из них провожали мужчины, из которых одни заботливо оберегали своих дам, другие же были грубы и невнима-

тельны. Бок-о-бок с ними, прочищая себе дорогу локтями и площадной бранью, шла кучка уличных хулиганов. Проходили и дюжие рабочее, с силою пробираясь вперед, жалкие, растрепанные юноши, судя по их костюму — приказчики или конторщики. Мой брат заметил также одного раненого солдата и какое-то несчастное существо в накинутом на плечи мужском пальто поверх ночной сорочки.

Но как ни был разнообразен состав этой толпы, кое-что у нее было общее. Страх и страдание были написаны на лицах всех этих людей, и страх гнался за ними по пятам. Стоило произойти на дороге какому-нибудь замешательству, вроде ссоры из-за места в экипаже, и вся толпа ускоряла шаги. Даже люди, измученные до того, то у них подгибались колени, проявляли на миг неожиданную энергию, вызванную внезапной надеждой опередить других.

Зной и жажда уже успели оказать свое действие толпу. Кожа у всех пересохла, губы почернели и потрескались. Всех их томила жажда, ноги были изранены, и все чуть не падали от усталости. И среди разнообразных криков слышались споры, упреки и стоны изнеможения и боли. У большинства были охрипшие, ослабевшие голоса, и

пели они одну и ту же песню с одним и тем же припевом:

— Вперед! Вперед! Марсиане идут!

Только немногие останавливались и отделились от толпы беглецов. Проселочная дорог выходила под углом на прямую дорогу и производила ложное впечатление, что она идет от Лондона. И в это-то новое русло пробиралось кое-как небольшое количество людей, чтобы немного отдохнуть на свободе и затем снова исчезнуть в главном потоке. Немного в стороне от дороги лежал человек, охраняемый двумя приятелями; одна из его ног была обернута окровавленными тряпками. Он был счастлив, так как у него были друзья. Из толпы вынырнул маленький старичок с воинственно-закрученными усами, в черном потертом сюртуке. Он сел на краю дороги, снял сапоги — носки были все в крови — вытряхнул из них камешки и, ковыляя, поплелся дальше. Потом маленькая девочка, лет восьми-девяти, совсем одна, бросилась на землю у изгороди, подле брата, и горько заплакала.

— Я не могу итти дальше! Не могу!..

Брат очнулся от своего оцепенения, поднял ее и, ласково уговаривая, понес к мисс Эльфинстон. Как только он дотронулся до нее, она замолчала,

как будто испугавшись.

— Эллен! — закричала из толпы какая-то женщина голосом, в котором слышались слезы. — Эллен!

И девочка вдруг выскользнула у брата из рук с криком:

— Мама!

— Они идут! — сказал какой-то человек, проезжая верхом мимо них.

— С дороги! — заорал кучер, и брат увидел, что на проселочную дорогу сворачивает карета.

Толкая друг друга, люди бросились назад, чтобы не попасть под лошадей. Мой брат отвел лошадь с шарабаном ближе к изгороди, и карета проехала мимо, остановившись на повороте. Это был парный экипаж с дышлом для двух лошадей, но везла его одна лошадь.

Брат видел сквозь завесу пыли, как два человека осторожно вынесли кого-то из кареты на белых носилках и тихонько опустили на траву, в тени изгороди.

Один из мужчин подбежал к брату.

— Где можно достать воды? — спросил он. — Он умирает и страшно страдает от жажды.

— Лорд Гаррик! — удивленно воскликнул мой брат. — Президент верховного суда?

— Воды! — повторил человек.

— Может быть, в одном из этих домов найдется водопровод, — сказал брат. — У нас нет воды. И я не могу оставить моих спутниц.

Человек стал проталкиваться через толпу к воротам углового дома.

— Вперед! — кричала толпа, отталкивая его в сторону. — Они идут! Вперед!..

Тут внимание моего брата было отвлечено бородатым человеком с орлиным носом. Он нес маленький саквояж, который лопнул как раз в ту самую минуту, когда на него посмотрел брат, и из него целым каскадом посыпались золотые монеты. Они катились прямо под ноги спешащим людям и лошадям. Человек остановился и с тупым видом смотрел на свое золотое богатство. Дышло какого-то экипажа наехало на него и отбросило в сторону. Он закричал; экипаж чуть-чуть было не задел его и проехал мимо.

— Прочь с дороги! — кричала вокруг него толпа. — Дорогу!

Как только кэб проехал, он бросился ничком на свою груду золота и принялся обеими руками запихивать его по карманам. Вдруг он увидел над собою лошадиную морду, но не успел отскочить и был смят копытами лошади.

— Стой! — закричал брат и, отстранив женщину, хотел схватить лошадь за узду.

Но прежде, чем он успел добежать, он услышал душу раздирающий крик и увидел сквозь облако пыли, как несчастному переехало спину колесом. Кучер стегнул брата бичом. Многоголосый крик толпы оглушал его, а человек, между тем, корчился в пыли среди своих разбросанных денег, стараясь подняться, и не мог, так как у него был переломлен хребет и ноги лежали, как мертвые. Стоя над ним, брат отчаянно закричал на следующего кучера, который чуть не наехал на них. Какой-то всадник на вороном коне спешил к нему на помощь.

— Уберите его с дороги, — посоветовал он.

Брат схватил свободной рукой несчастного за шиворот и потащил его в сторону, но тот все время цеплялся за свое золото и, свирепо глядя на брата, колотил его по руке кулаком с зажатыми в нем деньгами.

— Прочь с дороги! — раздавались сзади сердитые голоса.

С сильным треском дышло кареты въехало в передний экипаж, который удерживал всадник на вороном коне. Брат оглянулся, и в это время человек с переломленной спиной повернул голо-

ву и укусил его руку, чтобы освободить свою шею. В этот момент карета навалилась на экипаж, вороной шарахнулся в сторону и чуть не наступил копытом на ногу брата. Он выпустил лежащего человека и отскочил. Он видел, как гнев в лице несчастного сменился ужасом и в следующий момент он исчез под копытами лошадей. Бушующий поток людей унес брата на большую дорогу, и ему стоило больших усилий пробиться назад.

Мисс Эльфинстон сидела, закрыв лицо руками, а немного подальше маленький ребенок таращил глазенки на лежащую под колесами катящихся экипажей черную, неподвижную кучу тряпья.

— Мы должны вернуться назад! — закричал брат и стал заворачивать пони. — Нам не пробраться через этот ад.

Они проехали с сотню ярдов назад по той дороге, по которой приехали, пока, наконец, ревущая толпа не скрылась из вида. За поворотом дороги брат увидел умирающего человека, лежащего в канаве под изгородью, с лицом, перекошенным от страданий и белым, как мел.

Обе спутницы брата сидели молча, съежившись и дрожа. Брат остановил лошадь. Мисс Эльфинстон была бледна, как смерть, а ее невестка горько плакала, забывая даже звать своего

«Джорджа». Брат был так потрясен и смущен, что не мог придумать, что им делать. Как только они повернули назад, он сообразил, как важно и необходимо было им пробраться так или иначе через толпу. С внезапно принятым решением он круто повернулся к мисс Эльфинстон.

— Мы должны во что бы то ни стало проехать туда, на дорогу, — сказал он и снова повернул лошадь.

Второй раз в этот день девушка доказала свое мужество. Брат передал ей вожжи и выскочил из коляски. Чтобы пробиться сквозь несшийся перед ними ревущий человеческий поток, он ринулся вперед и схватил за узду наезжавшую на них лошадь какого-то кэба, а мисс Эльфинстон, пользуясь этим мгновением, хлестнула пони и выехала на дорогу. Но тут их коляска сцепилась колесами с проезжавшим фургоном, и в ту же минуту из ее кузова вылетела планка, выбитая дышлом третьего экипажа. Через минуту их подхватило течение и понесло вперед. Мой брат, на лице и на руках которого были красные следы от бича кучера, вскарабкался обратно в шарабан и взял вожжи от мисс Эльфинстон.

— Направьте револьвер на человека сзади нас, если он будет очень напирать на нас, — сказал

он, передавая ей оружие. — Или нет! Лучше на его лошадь.

Затем он стал смотреть, не представится ли возможность перебраться через дорогу на правую сторону. Но раз попав в людской водоворот, они как будто потеряли свою волю и сделались частью этого несущегося в облаках пыли дикого полчища людей.

Вместе с потоком их пронесло через весь Чиппинг-Барнет. Они находились уже почти на милю от центра города, когда им удалось, наконец, пробиться на другую сторону дороги. Гвалт и шум здесь были неописуемые, но за городом дорога разветвлялась в нескольких местах, и ехать стало посвободнее.

Они повернули на восток через Гедлей. Там они наткнулись на любопытную сцену, как сотни людей припали к реке и жадно пили воду. Местами из-за воды происходила драка. А подальше, поднявшись на холм вблизи восточного Барнета, они увидели два поезда, медленно тащившиеся один за другим, без всяких сигналов и руководителей.

Оба были битком набиты народом — люди стояли даже между углем на тендерах паровозов — и шли на север по главной северной линии. Мой брат предполагал, что эти поезда вышли с ка-

кой-нибудь маленькой станции, так как в те дни дикий штурм поездов в Лондоне сделал невозможным их движение с конечных станций.

Вскоре после того, вблизи Гедлея, они остановились отдохнуть, так как дневные волнения вконец измучили всех троих. Кроме того, время подходило к вечеру, и они уже начали чувствовать приступы голода. Ночь была холодная, и никто из них не решался лечь спать. Мимо места их привала проходило много людей, бежавших от неизвестных опасностей, которые, в действительности, еще только подстерегали их впереди, так как все они шли в ту сторону, откуда приехал мой брат.

XVII
«Дитя грома»

Если бы марсиане поставили себе целью истребление, то еще в понедельник они могли бы уничтожить все население Лондона, пока оно медленно расползалось по соседним деревням. Не только по дороге через Барнет, но и по Эджуэрской и по Вальгамской, и на восток от Саутхенда и Шубюрнесса, и на юг от Темзы до самого Диля и Бродстерса, разливалась бурная людская волна. Если бы в то июньское утро кто-нибудь поднялся на воздушном шаре в сверкающую синеву неба над Лондоном, то все дороги, ведущие на север и на восток из бесконечного лабиринта лондонских улиц, показались бы с этой высоты совершенно черными, так густ был поток беглецов. И каждая точка этого потока несла в себе агонию ужаса и физических страданий.

В предыдущей главе я нарочно привел подробный рассказ моего брата о том, что происходило по дороге через Чиппинг-Барнет, чтобы дать читателю ясное понятие о том, чем была эта толпа мечущихся черных точек для тех, кто разделял их

участь. Никогда еще в истории мира не бывало такого скопления человеческих существ, связанных общим страданием. Легендарные полчища готов и гуннов, величайшие армии, какие когда-либо видела Азия, были бы каплей этом море! Это не было какое-нибудь дисциплинированное шествие. Это было бегство охваченного паникой гигантского стада, беспорядочное, бесцельное и страшное. Бегство шести миллионов народа, невооруженного и голодного, слепо стремящегося вперед. Это было начало гибели цивилизации, истребление человеческого рода…

Сидящий на воздушном шаре увидел бы перед собой раскинувшуюся сеть улиц, домов, церквей, садов и скверов, безлюдных, опустевших, как на огромной карте, юг которой был вымаран чернилами. Как будто перо великана прогулялось по карте, замазав те места, где были Илинг, Ричмонд и Уимбльдон. Количество этих черных пятен непрерывно росло, расползалось вширь, растекалось струйками во все стороны, останавливалось на холмах и, найдя новое русло, быстро стекало по склону в долину совершенно так, как растекается по пропускной бумаге капля чернил.

А позади у синих холмов, что высятся к югу от реки, шли сверкающие гиганты, распространяя

спокойно и методично все дальше и дальше по земле свои ядовитые тучи, уничтожая их струями пара там, где они сделали свое, дело, и постепенно завладевая покоренной страной.

Да, несомненно, они не столько имели в виду истребить человечество, сколько совершенно поработить его и подавить всякое сопротивление. Они взрывали все запасы пороха, попадавшиеся им на пути, отрезывали телеграфное сообщение и разрушали железные дороги. Они калечили человечество!

Повидимому, они не очень спешили расширить поле своей деятельности, так как в тот день они не пошли дальше центральной части Лондона. Возможно что значительная часть населения Лондона осталась дома в понедельник утром. Достоверно же то, что многие умерли, не выходя из дому, задушенные черным дымом.

В полдень Темза между Лондонским мостом и Блэкуэллем представляла поразительную картину. Вся река в этой месте была запружена пароходами и всевозможными судами, которые пришли забирать беглецов, привлеченные громадными суммами, предлагавшимися им. Многие, говорят, пытались добраться вплавь до этих судов и тонули, потому что их отталкивали

баграми.

Около часу дня между арками Блэкфрайерского моста показались разредившиеся остатки облака черного дыма. Само собою разумеется, что это сейчас же вызвало страшную панику. На реке началось столпотворение, ожесточенная борьба и давка. Был момент, когда множество барж и мелких судов стопилось у северной арки Тоуэр-Бриджа, и матросам и грузчикам приходилось буквально сражаться с народом, отовсюду карабкавшимся на суда. Люди спускались сверху даже по сваям моста.

Когда часом позднее за башенными часами парламента показался марсианин и направился вброд по реке, то на всем протяжении пройденного им пути вплоть до Лаймгауза и выше плавали одни обломки погибших судов.

О падении пятого цилиндра будет сказано ниже. Шестой упал в Уимбльдоне. В то время как мой брат караулил двух женщин, уснувших в шарабане, он видел, как вдали за холмами сверкнул зеленый огонь. Во вторник маленькая компания, все еще твердая в своем решении добраться до моря и сесть на пароход, проехала к Кольчестеру через взволнованную, кишащую беглецами страну.

Известие о том, что марсиане завладели Лондоном, подтверждалось. Их видели в Гайгете и даже, как говорили, в Низдоне. Но брат не видел их до следующего дня.

Рассыпавшись по окрестностям столицы, огромные толпы народа стали ощущать нужду в съестных припасах. И по мере того, как голод вступил в свои права, право собственности утрачивало свое значение. Фермерам приходилось с оружием в руках защищать свои скотные дворы, свои амбары и созревающий хлеб на корню.

Большинство беглецов, как и мой брат, двигалось на восток, и только немногие, пришедшие в отчаяние, возвращались в Лондон, чтобы добыть себе пищу. То были жители северных предместий, знавшие о черном дыме только понаслышке. Брату говорили, что в Бирмингаме собралось больше половины членов парламента и что заготовляются огромные запасы сильных взрывчатых веществ для автоматических мин, которые предполагалось заложить на всем протяжении Мидлэнда.

Одновременно рассказывали, что Мидлэндская железнодорожная компания заместила новыми людьми машинистов и кочегаров, разбежавшихся в первый день паники, и восстановила

железнодорожное сообщение из Сен-Альбанса, по северной линии, во избежание дальнейшего скопления народа в ближайших к Лондону графствах. В Чиппинг-Онгаре были развешаны объявления, извещавшие, что в северных городах собраны большие запасы муки и в течение двадцати четырех часов будет произведена раздача хлеба окрестному голодающему населению.

Это известие не повлияло на изменение плана бегства, составленного моим братом. Все трое продолжали весь день двигаться на восток и нигде не видели обещанной раздачи хлеба. Да впрочем и никто ее не видел. В ту ночь упала седьмая звезда на холме близ Примроза. Ее видела мисс Эльфинстон, державшая караул посменно с братом по ночам.

В среду, переночевав на несжатом поле пшеницы, беглецы добрались до Чельмсфорда. Здесь какая-то шайка из местных жителей, называвшая себя «Комитетом общественного питания», завладела их лошадкой как предметом продовольствия, не дав им в обмен ничего, кроме обещания выдать на другой день их долю при дележе. Здесь ходили слухи, что марсиане уже в Эппинге и что пороховой завод Вальтгэмского аббатства разрушен после бесплодной попытки

взорвать на воздух одного из марсиан.

Люди взбирались на колокольни, чтобы выследить приближение марсиан. Мой брат предпочел, к счастью, как потом оказалось, продолжать путь к берегу моря, не дожидаясь раздачи пищи, хотя все трое были очень голодны. В полдень они прошли Тиллингам, в котором было до странности пусто и тихо. Они не встретили ни души, кроме двух-трех мародеров, шнырявших по домам в поисках съестного. За Пилгамом они вдруг увидели море и на нем удивительное разнообразие флотилий всех видов.

После того, как судам нельзя было больше подыматься вверх по Темзе, они подошли к Эссекскому берегу, к Гарвичу, Уольтону и Киэктону, а потом к Фульнесу и Шуберу, чтобы забрать оттуда пассажиров. Они расположились на взморье огромным серпом, конец которого терялся в тумане у самого Нэза. У берега толпились рыболовные суда — английские шотландские, французские, голландские и шведские; паровые баркасы с Темзы, яхты и электромоторные лодки. За ними виднелись суда более крупного калибра: целая масса грязных грузовых судов, угольные баржи, нарядные купеческие корабли, пассажирские пароходы и большие океанские суда.

Был тут один старый, белый транспорт, а также небольшие белые и серые линейные пароходы из Саутсгэмптона и Гамбурга. И вся линия синевшего вдали берега за Блэкуотером, почти до самого Мальдена, кишела лодками, перевозившими пассажиров на суда.

Приблизительно милях в двух от берега стоял броненосец, сидевший так глубоко в воде, что брату он показался затонувшим. Это был монитор «Дитя грома», единственное военное судно из всех, бывших в виду. Но дальше над зеркальной поверхностью моря — день был очень тихий — тянулись змейки черного дыма, указывающие на близкое присутствие Ламаншской эскадры. Во время нападения марсиан она стояла растянутой линией вдоль устья Темзы под парами, готовая к бою, но бессильная остановить врага.

При виде моря мистрисс Эльфинстон, несмотря на все уговоры ее золовки, обуял панический страх. Она никогда не выезжала из Англии и предпочитала скорее умереть, чем ехать в чужую страну, где у нее не было друзей. Бедная женщина, кажется, воображала, что французы имеют большое сходство с марсианами! За два дня скитаний она становилась все истеричнее, и настроение ее заметно падало. Ей хотелось

вернуться в Стэнмор, где все было благополучно и где им, по ее мнению, не могло грозить никакой беды. В Стэнморе они найдут Джорджа…

Только с величайшим трудом им удалось привести ее на берег, где брату посчастливилось привлечь внимание колесного парохода, выходившего из устья Темзы. С парохода послали лодку, и они сговорились на тридцати шести фунтах за троих. Пароход, как говорили матросы, шел в Остэнде.

Было около двух часов дня, когда брат и его спутницы, уплатив вперед деньги за проезд, очутились целыми и невредимыми на борту парохода. Еды там было достаточно, хотя и за баснословную цену, и все трое хорошо пообедали, примостившись на палубе.

На пароходе было уже около сорока пассажиров, из которых некоторые отдали свои последние деньги за проезд, но капитан не торопился уходить. Они простояли на якоре у Блэкуотера до пяти часов вечера, принимая все новых и новых пассажиров, пока, наконец, палуба до того переполнилась, что становилось страшно за пароход. Они простояли бы вероятно и дольше, если бы не пальба из пушек, которая стала доноситься с юга. Как бы в ответ на эту пальбу стоявший

на взморье броненосец выпалил из маленькой пушки и поднял свой флаг. Столб дыма взвился из его трубы.

Некоторые пассажиры полагали, что грохот стрельбы доносится из Шубьорнесса, но это оказалось неверно, так как выстрелы становились все громче. Одновременно вдали, на юго-востоке, над морем показались клубы черного дыма и вслед затем из воды выросли мачты и трубы трех броненосцев. Но внимание моего брата было сейчас же опять отвлечено далекой пальбой на юге. Ему казалось, что сквозь серую пелену тумана вдали он различает облако дыма.

Маленький пароходик уже начал выбираться из полукруга собравшейся флотилии, хлопая лопастями колес по воде. Плоский берег Эссекса уже стал заволакиваться синеватой дымкой, как вдруг вдали, со стороны Фульнесса, показался марсианин, казавшийся маленькой, чуть видной точкой на таком расстоянии. Капитан, стоявший на мостике, стал громко ругаться с перепугу, проклиная себя за промедление, и колеса парохода зачастили, как будто заразившись его страхом. Все пассажиры, до последнего человека, взобрались, кто на скамейки, кто на борт, и в ужасе смотрели на далекую, стройную фигуру, казав-

шуюся по мере приближения выше деревьев и колоколен церквей и замечательно удачно подражавшую человеческому шагу.

Это был первый марсианин, которого увидел мой брат. Скорее измученный, чем испуганный, он наблюдал за титаном, как тот уверенно и решительно вошел в воду и зашагал к судам. Но вот за дюнами показался второй, и еще дальше, над сверкающей гладью болота, висевшего, казалось, между небом и землей, глубоко уходя ногами в тинистый грунт, появился и третий марсианин. Все трое направились к морю как будто за тем, чтобы отрезать путь к бегству бесчисленным судам, стоявшим между Фульнессом и Нэзом. Как ни пыхтела, как ни напрягалась машина парохода, как ни вертелись его колеса, вздымая облака пены, он удалялся с ужасающей медленностью от этих зловещих фигур.

Взглянув на северо-запад, брат увидел, что гигантских полукруг судов уже стал редеть перед надвигающимся ужасом. Одно судно торопились обойти другое, заворачивая в море и нарушая правильность полукруга. Пароходы свистели и выпускали столбы пара. Все паруса были подняты; по всем направлениям шныряли баркасы.

Брат был так поглощен видом этой картины, с

мыслью о надвигающейся опасности, что совершенно не интересовался тем, что делается в море. Крутой поворот парохода, который он сделал, чтобы избежать столкновения, сбросил брата со стула, на котором он стоял. В то же время он услышал радостные возгласы, топот ног и крики ура. Откуда-то издали слабо донеслось ответное ура. Пароход накренился, и брат упал плашмя на руки.

Он вскочил и посмотрел на штирборт. Не дальше как в ста ярдах от их беспомощно нырявшего в волнах суденышка он увидал железную гигантскую массу, летевшую на всех парах мимо них. Она неслась прямо к берегу, прорезывая воду, как плугом, и разбрасывая в обе стороны целые горы пены. Под напором этих волн пароходик то чуть не выскакивал из воды, нелепо хлопая своими лопастями в воздухе, то скатывался вниз и погружался в воду — выше ватер-линии.

Брата на миг ослепило целым водопадом брызг. Когда он снова мог видеть, железное чудовище уже пронеслось мимо и быстро приближалось к берегу. Видна была только его внушительная, закованная в броню, надводная часть и две трубы, изрыгавшие тучи дыма и огненных искр. Это был торпедный монитор «Дитя грома», который

со стремительной быстротой спешил на помощь угрожаемой флотилии.

Крепко уцепившись за борт, брат с трудом удерживался на ногах на качающейся палубе. Его взгляд, минуя мчавшегося к берегу Левиафана, перенесся дальше — в сторону марсиан. Все трое были теперь вместе. Они стояли так далеко в море, что их треножники были почти под водой. Наполовину погруженные в воду и на далеком расстоянии они казались совсем не такими страшными, как летевшее на них огромное железное чудовище, в кильватере которого так беспомощно болтался пароход.

Казалось, что марсиане с удивлением разглядывали нового врага. Быть может, этот, закованный в сталь, великан представлялся им достойным противником. Монитор не сделал ни одного выстрела, он только несся на них полным ходом. И возможно, что именно потому, что он не стрелял, ему удалось подойти к ним так близко. Они не знали, что с ним им делать. Один лишь выстрел с его стороны, и они пустили бы его ко дну своими тепловыми лучами.

«Дитя грома» несся с такой быстротой, что через минуту он был уже на полдороге между пароходом и марсианами, и его громадный чер-

ный корпус, резко выделявшийся на постепенно отступавшей горизонтальной линии Эссекского берега, продолжал быстро уменьшаться.

Но вот передний марсианин направил на него свою трубку и выпустил снаряд с черным газом. Снаряд скользнул по бакборту, разбился и выбросил кверху широкую, чернильную струю, которая поползла в открытое море, быстро развертываясь клубами черного дыма. Но монитор был уже далеко. Наблюдавшим его пассажирам парохода, глубоко сидевшего в воде, да к тому же принужденным смотреть прямо против солнца, казалось даже, что он уже возле марсиан.

Они видели, как три марсианина разделились и стали отступать к берегу. Один из них приподнял свою камеру с тепловым лучом. Он держал ее несколько наискось по направлению к монитору. И тотчас же столб пара взвился из воды, как только ее коснулся тепловой луч, он прошел сквозь стальную обшивку монитора, как раскаленный добела железный прут сквозь бумагу.

Огненная вспышка пронзила стоявший над водой столб пара. Марсианин дрогнул и зашатался. В следующий момент он тяжело грохнулся, и в воздухе закружилась огромная масса воды и клубы пара. С монитора гремели орудия, по-

сылая залп за залпом. Один снаряд упал рядом с пароходом, отлетел рикошетом в сторону других судов, державших курс на север, и разнес в щепки рыбацкое судно.

Но на это никто не обратил внимания. При виде упавшего марсианина у стоявшего на мостике капитана бессвязный, пронзительный крик, и все столпившиеся на корме пассажиры подхватили его… И вдруг раздался другой крик. Из белого водоворота пара и кипящей воды вынырнула продолговатая черная масса и продолжала стремительно нестись вперед. Пламя поднималось из средней части его корпуса, а из вентиляторов и труб вырывался огонь. Монитор был еще жив. Штурвал, повидимому, остался неповрежденным, и машина работала. Он приближался как раз ко второму марсианину и был в каких-нибудь ста ярдах от него, когда на сцену выступил второй тепловой луч. При оглушительном треске и ярких вспышках огня палуба монитора вместе с трубами взлетела на воздух. Взрыв был так силен, что марсианин покачнулся. Еще минута, — и пылающие обломки в своем стремительном движении налетели на него и смяли, как карточный домик. Брат вскрикнул от восторга. Затем все скрылось в кипящем котле.

— Два! — торжествующе закричал капитан.

Все кричали и ликовали. Весь пароход от носа до кормы дрожал от диких криков радости. Ближайшие суда подхватывали их одно за другим, пока они не пронеслись по всей длинной веренице судов, двигающихся в открытое море.

Пар висел над водой еще несколько минут, совершенно скрывая третьего марсианина и берег. А в течение этого времени пароход энергично работал своими колесами, уходя все дальше от места боя. И когда, наконец, пар рассеялся, от берега поползло облако черного дыма, и невозможно было рассмотреть, осталось ли что-нибудь от монитора. Третьего марсианина тоже не было видно. Но зато совсем близко показались броненосцы, и скоро пароход оставил их за собою.

Маленький пароход потихоньку уходил в открытое море, и черные силуэты броненосцев все дальше отступали к берегу, скрытому за завесой тумана. Флотилия беглецов заметно таяла, исчезая за горизонтом на северо-востоке. Между пароходом и броненосцами плавало несколько парусных лодок. Но вот, немного не доходя оседающей стены пара, броненосцы неожиданно повернули на север, потом вдруг круто изменили курс и стали держать на юг, постепенно расплав-

ляясь в сгущающихся сумерках. Линия берега становилась все туманнее и наконец слилась с низкими облаками вокруг заходящего солнца.

И вдруг из золотистой мглы заката стали доноситься пушечные выстрелы и задвигались черные тени. На пароходе все пассажиры бросились к бортам и стали напряженно всматриваться. Но в золотистом зареве, слепившем глаза, ничего нельзя было различить. Над берегом ползли густые клубы черного дыма и застилали лик солнца. Пароход шел все дальше, и дальше, а минуты тянулись бесконечно, в томительной неизвестности. Солнце село в облаках. Небо вспыхнуло и снова потемнело. Загорелась первая звезда. Сумерки сгустились, как вдруг капитан вскрикнул и показал рукою вверх. Брат напряг всю силу своего зрения. Из серой мглистой дали взвилось к небу что-то плоское, широкое и очень большое, пронеслось по кривой линии над облаками в западной стороне неба, освещенной отблеском заката, описало широкую дугу и, постепенно уменьшаясь, стало опускаться и скрылось наконец в таинственной мгле серой ночи. И как только оно пролетело, на землю спустилась тьма….

Часть II
ЗЕМЛЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МАРСИАН

I
В западне

В первой части, описывая переживания моего брата, я удалился в сторону от моих собственных приключений. Во время событий, рассказанных мною в двух последних главах, я и викарий находились в пустом доме в Галлифорде, куда мы спрятались, чтобы спастись от черного дыма. С этого места я и буду теперь продолжать.

Весь вечер воскресенья и весь следующий день — день лондонской паники, — мы просидели в этом доме, отрезанные от остального мира. Оба эти безотрадные дня мы провели в мучительном бездействии и томительном ожидании.

Моя душа была полна тревоги за жену. Я представлял ее себе в Лизсерхеде среди опасностей, в смертельном страхе и уже оплакивающей меня как мертвого. Я метался по комнатам пустого дома и громко стонал при мысли, что я оторван от нее, рисуя в своем воображении картины того, что могло случиться с нею без меня. Правда, я знал, что мой кузен был не трус и что он стал бы мужественно защищать мою жену, если бы ей

грозило что-нибудь, но он не был из числа тех людей, которые сразу умеют оценить и предотвратить опасность. А теперь нужна была именно предусмотрительность, а не храбрость. Одно, что меня успокаивало немного, это была надежда, что марсиане двигаются на Лондон, т. е. в противоположную сторону от Лизсерхеда.

Такие неопределенные страхи очень расстраивают нервы человека и делают его раздражительным. Меня выводили из себя нескончаемые причитания викария, а его эгоистическое отчаяние утомило меня. После нескольких бесплодных попыток успокоить его я наконец махнул на него рукой и удалился в другую комнату, повидимому, детскую классную, так как там были глобус, учебные книги и тетради. А когда через некоторое время он тоже явился туда, я убежал от него на чердак, в какую-то кладовую, и заперся там, чтобы остаться одному со своей грызущей тоской.

Весь этот день и все утро следующего дня черный дым держал нас в плену. В воскресенье вечером в соседнем с нами доме появились признаки жизни: в одном из окон промелькнуло чье-то лицо, двигался свет, а позднее послышался стук двери. Но я не знаю, что это были за люди и что с ними сталось. На следующий день мы уже

никого больше но видели. Все утро понедельника черный дым медленно полз к реке, подбираясь к нам все ближе и ближе, и наконец потянулся вдоль дороги за нашим домом.

Около полудня вдали показался марсианин, быстро шагавший по полям. Он уничтожал черный дым струями горячего пара, который шипел, прикасаясь к стенам, и в окнах лопались стекла, когда он на них попадал, а викарию даже обварило руку, когда он спасался от него в заднюю комнату. После того мы осторожно пробрались в передние комнаты, еще мокрые от осевшего пара, и выглянули в окно. Вся местность к северу от нас имела такой вид, как будто по ней прошел черный ураган. Взглянув в сторону реки, мы с удивлением заметили, что почерневшие и словно обгоревшие луга отливают почему-то красным цветом.

Долгое время мы не могли уяснить себе, улучшила ли эта перемена наше положение. Мы поняли только, что черного дыма нам теперь бояться нечего. Но позднее я сообразил, что наш плен кончился и что мы можем продолжать наше бегство. И, как только я это понял, ко мне вернулась способность и желание действовать. Но викарий был как будто в каком-то оцепенении, и

его нельзя было убедить никакими доводами.

— Мы ведь здесь в безопасности, — повторял он, — в абсолютной безопасности!

Я решил оставить его одного. Если бы я это сделал! Умудренный опытом моего недавнего странствования с артиллеристом, я позаботился запастись в дорогу питьем и едой. Кроме того, я захватил деревянное масло и полотно для перевязок, так как мои ожоги на руках все еще не прошли, а также взял шляпу и фланелевую рубашку, которые я нашел в одной из спален.

Когда викарий сообразил, что я собираюсь итти один, что я вполне примирился с мыслью быть одному, он вдруг тоже начал собираться и решил сопровождать меня. И так как снаружи все было спокойно, то около пяти часов вечера, как я полагаю, мы вышли на почерневшую дорогу в сторону Сенбюри.

В Сенбюри и по дороге лежали трупы людей и лошадей в неестественных позах, а также опрокинутые повозки и сундуки, покрытые толстым слоем черной пыли. Эти слои пепла, лежавшие на всем, напомнили мне, что я читал о разрушении Помпеи. Без дальнейших приключений добрались мы до Гэмптон-Корта, находясь все-таки под гнетущим впечатлением страшных картин,

которые мы видели.

В Гэмптон-Корте глаза наши немного отдохнули на клочке свежей зелени, которую пощадил пронесшийся удушающий вихрь. Мы прошли весь Буши-Парк и видели оленей, гуляющих на свободе под каштанами, а вдали несколько мужчин и женщин, быстро идущих в сторону Гэмптона. Это были первые люди, которых мы видели. Итак, мы дошли до Твикенгэма.

За дорогой у Гама и у Петергэма все еще горели леса. Твикенгэм уцелел: ни черный дым, ни тепловой луч не коснулись его. Здесь мы уже встретили довольно много народа, но никто не мог сообщить нам ничего нового. Все они, в большинстве случаев, находились в таком же положении, как и мы, и так же, как и мы, решили использовать временное затишье, чтобы бежать дальше.

У меня создалось такое впечатление, что во многих домах прятались люди, настолько напуганные, что у них не хватало духу бежать. Здесь тоже по всей дороге были следы панического бегства. Мне живо припоминаются три велосипеда, лежавшие кучей один на другом и совершенно исковерканные колесами проезжавших экипажей.

Около половины девятого мы подошли к Ричмондскому мосту. Само собой разумеется, что мы постарались пройти его как можно скорее, чтобы не быть долго на виду, но все же я успел заметить, что на расстоянии нескольких футов от меня на поверхности реки плавали огромные массы чего-то красного. У меня не было времени рассмотреть, что это такое, и объяснение, которое я дал этому, было тогда гораздо страшнее действительности. На Суррейском берегу мы снова увидели черную пыль, которая была когда-то черным дымом, а также трупы, целую груду их у входа на вокзал, но марсиан мы так и не видели почти до самого Барнса.

В потемневшей дали мы увидели группу из трех человек, бежавших по боковой дороге к реке. Но, за исключением этой встречи, кругом никого не было видно. Впереди на покатой возвышенности ярким пламенем горел Ричмонд, но вокруг города не было никаких следов черного дыма.

Вдруг, когда мы уже подходили к Кью, нам навстречу попались бежавшие люди, а в каких-нибудь ста ярдах от нас, над крышами домов, показалась верхняя часть боевой машины марсиан. Мы замерли от ужаса. Ведь стоило только марсианам взглянуть вниз, — и мы погибли бы

безвозвратно! На нас напал такой ужас, что мы не решились итти дальше и, свернув с дороги, спрятались в сарае, в каком-то саду. Тихонько ворча про себя, викарий забился в угол и решительно отказывался двинуться с места.

Но мысль добраться до Лизсерхеда крепко засела у меня в голове. Она не давала мне покоя, и, как только начало смеркаться, я решил итти дальше. Я начал пробираться сначала через кустарник, а потом через проход, огибавший какой-то большой барский дом, и вышел на дорогу к Кью. Викария я оставил в сарае, но вскоре услышал, что он торопливо догоняет меня.

Пускаться в это второе путешествие было величайшей глупостью с моей стороны, так как было ясно, что марсиан совсем близко около нас. Едва только успел викарий поравняться со мною, как вдали, за лугами, мы увидели опять боевую машину марсиан, — ту ли самую, которую мы видели перед тем или другую, не знаю! Четыре или пять маленьких, черных фигурок бежали перед марсианином через серовато-зеленую площадь поля, и я сразу понял, что он их преследует. В три шага он был среди них, и они бросились врассыпную. Он не пользовался тепловым лучом, чтобы уничтожить их, но хватал их одного за другим и

бросал, как мне показалось, в большой металлический ящик, висевший у него за спиной, точно корзина с инструментами у рабочего.

Здесь впервые я убедился, что марсиане имели в виду не только истребление побежденного человечества, но преследовали и другие цели. На мгновение мы окаменели от ужаса, потом повернулись и вбежали через ворота в какой-то сад, обнесенный стеной. Мы спрятались в канаву, очень кстати оказавшуюся поблизости, в которую мы скорее упали, чем спустились. Мы пролежали там, пока в небе не зажглись звезды, еле рискуя перекинуться словом, да и то тихим шопотом.

Было, я думаю, около одиннадцати часов ночи, когда мы наконец набрались храбрости, чтобы снова двинуться в путь. Но теперь мы уже не отважились итти по дороге, а пробирались ползком вдоль изгородей и под прикрытием деревьев, зорко всматриваясь в темноту, — викарий — с правой, а я — с левой стороны, — не покажутся ли где-нибудь марсиане, которые, как нам казалось, ходили вокруг нас.

В одном месте мы наткнулись на довольно большую площадь, выжженную, почерневшую и покрытую еще не совсем остывшей золой. Здесь было много страшно изуродованных человече-

ских трупов, у которых совершенно обгорели туловище и голова, а ноги и сапоги у большинства были целы. Дальше лежали трупы лошадей, а футах в пятидесяти от них осколки разорвавшихся пушек и лафетов.

Местечко Шин, повидимому, не пострадало, но и там все было мертво и пусто. Трупов мы не видали, но ночь была так темна, что невозможно было рассмотреть, что делается в боковых улицах местечка. В Шине мой спутник стал вдруг жаловаться на слабость и на жажду, и мы решили постараться проникнуть в какой-нибудь дом.

Первый дом, в который мы вошли, не без затруднений — через окно, была маленькая дача, стоявшая отдельно от других. Но в целом доме мы не нашли ничего съестного, кроме заплесневелого сыру. Но зато там оказалась вода, годная для питья, которой мы утолили нашу жажду, и я захватил еще топор, который мог нам пригодиться, чтобы проникнуть в следующий дом.

Через некоторое время мы подошли к тому месту, где улица сворачивает к Мортлэку. Здесь, в саду, обнесенном оградой, стоял белый дом. В кладовой этого дома мы нашли провизию — два каравая хлеба, большой кусок сырой говядины и полокорока ветчины. Я потому привожу такой

подробный список найденных припасов, что нам пришлось существовать ими в ближайшие две недели. На полке стояло несколько бутылок пива, а также два мешка зеленых бобов и несколько пучков завядшего салата. Над кладовой находилось нечто вроде умывальной комнаты, в углу которой лежали дрова, а в шкафу с посудой мы нашли около полудюжины бутылок бургонского, консервы лососины и супа и две жестянки галет.

Мы попали в кухню, и в темноте, так как мы не рисковали зажечь свет, поели хлеба с ветчиной и выпили бутылку пива. На этот раз викарий, как это ни странно, все торопил меня итти дальше и не задерживаться здесь. Я же уговаривал его подкрепиться пищей на дорогу, но тут и случилось то происшествие, благодаря которому мы попали в западню.

— Еще нет двенадцати часов, — начал я. Но не успел я договорить, как нас вдруг ослепило ярко-зеленой молнией, и все предметы, бывшие в кухне, как будто выскочили из темноты и сейчас же снова скрылись. Затем последовал страшный толчок, которого я никогда не испытывал еще ни до того, ни после того. Непосредственно затем, так что это казалось почти одновременно, за спиной у меня раздался оглушительный удар. Послышал-

ся звон падающих стекол, с грохотом посыпались кирпичи, и с потолка, прямо нам на голову, упала штукатурка и разлетелась на тысячу кусков. Меня отбросило на пол. Я ударился головой об печку и лишился чувств. Викарий мне говорил потом, что я был долгое время без сознания. Когда я наконец пришел в себя, то увидел своего спутника, который стоял надо мною и брызгал мне в лицо водою. Позднее я рассмотрел, что все лицо его было залито кровью от ран на лбу.

Некоторое время я не мог сообразить, что случилось. Наконец мало-по-малу я припомнил все, да и боль в виске давала себя чувствовать.

— Ну, что, лучше вам теперь? — спрашивал шопотом викарий.

Я приподнялся и сел.

— Не шевелитесь, — сказал он. — Пол усеян осколками посуды, упавшей из этого шкафа. Вы не можете двинуться, не произведя шума, а они, кажется, тут за стеной.

Мы сидели так тихо, что было слышно наше дыхание. Кругом была мертвая тишина. Только раз где-то около нас скатилась на пол штукатурка, или обломок кирпича с довольно сильным шумом. Снаружи, совсем близко, доносился непрерывный звон металла.

— Слышите? — шепнул мне викарий.

— Да, — сказал я. — Но что это такое?

— Там марсианин, — ответил викарий.

Я снова прислушался.

— Это не было похоже на тепловой луч, — сказал я. На минуту у меня мелькнуло подозрение, что на наш дом налетела их боевая машина, как это случилось с церковной колокольней в Шеппертоне.

Наше положение было так необычайно и так непонятно, что мы три или четыре часа до рассвета просидели, не двигаясь, боясь что-нибудь предпринимать. Но вот забрезжил свет, не через окно, а через треугольное отверстие, образовавшееся между балкой потолка и стеной, из которой вылетел кусок кирпича. Первый раз при сером свете начавшегося утра мы могли рассмотреть внутренность кухни.

Окно было до верху завалено землей, лежавшей на столе, около которого мы сидели, и на полу у наших ног. Землей, очевидно, завалило весь дом. У верхнего косяка окна торчала вывороченная водосточная труба. Пол был усеян обломками всякого рода. Пролом образовался во внутренней кухонной стене и, так как оттуда проходил дневной свет, то было ясно, что большая часть дома

обвалилась. Резким контрастом в этой картине разрушения выделялись хорошенький шкафик, выкрашенный модной, бледно-зеленой краской и уставленный медной и жестяной посудой, белые с голубым обои «под изразцы» и картины, развешенные по стенам.

Когда рассвело, мы сквозь трещину в стене увидели треножник марсианина, стоявшего, как я предполагал, на часах у еще неостывшего цилиндра. Увидев эту фигуру, мы со всей осторожностью, на которую только были способны, перебрались ползком из полутемной кухни в темную комнату.

Совершенно неожиданно в моей голове промелькнула догадка, объяснявшая ночное происшествие.

— Пятый цилиндр! — прошептал я: — пятый снаряд с Марса, попавший в этот дом и похоронивший нас под его развалинами.

Я слышал, как викарий тихонько заплакал про себя, бормоча что-то непонятное.

Не считая этих тихих всхлипываний, в комнате, в которой мы лежали, была мертвая тишина. Я, по крайней мере, едва смел дышать и не сводил глаз со светлой полосы, пробивавшейся из-под кухонной двери. Передо мною из темноты выде-

лялось бледным овальным пятном лицо викария, его воротник и манжеты.

Снаружи, за стеной, послышался стук, как будто кто-то стучал молотком по металлу, и потом — оглушительный вой. После этого все снова стихло и потом опять послышался свист, похожий на свист машины. Все эти загадочные звуки продолжались почти без перерыва, все время, и казалось, что количество их все росло и шум усиливался. Теперь стали раздаваться тяжелые размеренные удары, от которых задрожали пол и стены. От сотрясения в шкафчике зазвенела и запрыгала посуда. Это продолжалось довольно долго. Наконец светлая полоска над дверью вдруг пропала, и наступил полный мрак. Много часов просидели мы таким образом, боясь обменяться словом, скорчившись и дрожа, пока наконец наше утомленное внимание не ослабело и не сменилось сном…

Когда я проснулся, я почувствовал, что мне страшно хочется есть. Я думаю, что мы проспали большую часть дня. Мой голод так настоятельно требовал удовлетворения, что я решился действовать. Я сказал викарию, что пойду разыскивать себе еду, и стал ощупью пробираться в кладовую. Он ничего не ответил мне, но, когда услышал,

что я ем, очнулся от своего оцепенения и пополз ко мне.

II
Что мы видели из-под развалин дома

Поев, мы вернулись опять в умывальную комнату. Там я, должно быть, снова заснул, потому что, когда я проснулся, я был один. Тяжелый грохот, от которого трясся весь дом, продолжался с утомительной настойчивостью. Несколько раз я шопотом позвал викария и, наконец, стал пробираться ощупью к кухонной двери.

На дворе еще был день, и я заметил моего спутника в противоположном углу кухни. Он лежал на полу и смотрел в треугольную трещину в стене, обращенной к марсианам. Головы его не было видно из-за приподнятых плеч.

Из-за стены доносился грохот, точно из механической мастерской, и пол трясся от сильных ударов. Через отверстие в стене была видна верхушка дерева, позолоченная закатом, и синий клочок тихого вечернего неба. Я простоял минуту, наблюдая за викарием, а потом, согнувшись и осторожно ступая между черепками, устилавшими пол, — тихонько подошел к нему.

Я тронул викария за ногу, и он так сильно

вздрогнул, что от стены снаружи отвалился большой кусок штукатурки и упал с громким стуком на землю. Боясь, что он закричит, я схватил его за руку, и долгое время мы сидели неподвижно друг около друга. Затем я обернулся, чтобы посмотреть, что осталось от нашей тюрьмы.

В том месте, где обвалилась штукатурка, образовалась сквозная вертикальная щель. Осторожно приподнявшись на носках, я перегнулся через балку, чтобы взглянуть, что представляет собою тихая улица предместья, на которой стоял дом. Перемена была действительно поразительная!

Пятый цилиндр упал, должно быть, прямо в средину того дома, в который мы заходили сначала. Здание исчезло. Оно было совершенно уничтожено тяжестью упавшего на него цилиндра. Цилиндр лежал гораздо ниже фундамента, в глубокой яме, много больше той, в которую я заглядывал в Уокинге. Земля вокруг была разбрызгана — разбрызгана, говорю я, потому, что это единственное подходящее выражение, — и лежала такими громадными кучами, что из-за них не было видно соседних домов.

Наш дом осел назад. Его передняя часть, даже весь нижний этаж были совершенно разрушены. Благодаря счастливому случаю, кухня и умываль-

ная комната уцелели, но они были погребены под развалинами и засыпаны землей со всех сторон, кроме той, которая была обращена к цилиндру. Мы висели над самым краем глубокой ямы, над расширением которой усиленно работали теперь марсиане. Громкий, размеренный грохот раздавался непосредственно около нас, и по временам нашу щель застилало клубами светящегося зеленоватого пара.

В центре ямы лежал уже открытый цилиндр, а на противоположном конце ее, среди расщепленных, засыпанных гравием кустов, стояла боевая машина марсиан. Покинутый своим машинистом, гигант выделялся огромной, неподвижной массой на фоне вечернего неба. В первый момент я почти не заметил ни ямы, ни цилиндра, хотя было бы правильнее начать с них мое описание. Все мое внимание было привлечено необыкновенной машиной, находящейся в действии, и странными существами, которые медленно и с усилием ползали по кучам земли.

Больше всего меня заинтересовал механизм этой машины. Он представлял собою один из тех сложных механизмов, называемых с тех пор «рабочей машиной», изучение которых дало новый материал в области изобретений. На первый

взгляд эта машина имела вид металлического паука с пятью суставчатыми, очень подвижными ножками с бесчисленным количеством соединенных между собою рычагов и перекладин, и с вытягивающимися и хватающими щупальцами, напоминающими руки. Большая часть этих рук была теперь вытянута, и только тремя щупальцами машина выуживала из цилиндра брусья, доски и перекладины, служившие, повидимому, материалом для его крышки и подпорками для его стенок. Все эти предметы вынимались и складывались на ровном месте за цилиндром.

Движения эти были так быстры и так сложны, что мне не верилось, что передо мною машина, несмотря на ее металлический блеск. Боевые машины марсиан тоже поражают совершенством своего устройства, но они ничто в сравнении с этой. Люди, никогда не видавшие этого сооружения и составившие себе понятие о нем лишь по фантастическим наброскам наших художников или по весьма несовершенным описаниям таких очевидцев, как я, не могут иметь представления о всей одухотворенности такой машины.

Мне припоминается иллюстрация какого-то художника к одному из первых отчетов о войне. Очевидно, он бегло просмотрел описание бое-

вых машин марсиан, и этим ограничились его сведения. Он изобразил боевую машину в виде каких-то ходуль из трех прямых жердей, лишенных гибкости и отличающихся однообразием движений, совершенно не отвечающим действительности. Памфлет с этим рисунком был очень распространен, и я затем только упоминаю о нем, чтобы предостеречь читателей, могущих составить себе ошибочное представление. Рисунок этот был так же похож на марсиан, которых я видел в действии, как голландская кукла — на человека. По-моему, памфлет без рисунка имел бы гораздо больше смысла.

Вначале, как я уже говорил, «машина-рабочий» произвела меня впечатление какого-то крабообразного существа с блестящей, покрытой кожей спинкой. Марсианин, сидящий в ней, нежные щупальцы которого управляли ее движениями, исполнял те функции, которые исполняет мозг у краба. Но потом я заметил сходство этой серовато-коричневой, лоснящейся, похожей на кожу поверхности с кожей странных существ, ползавших вокруг ямы, и мне стал понятен истинный характер этой искусной машины. После этого весь мой интерес сосредоточился на тех других существах — на действительных марсианах.

Я уже имел некоторое представление о них, и чувство гадливости, которое они возбудили во мне с первого взгляда, теперь уже не мешало мне наблюдать. Кроме того, я был хорошо скрыт от их взоров, и у меня не было непосредственных оснований бояться.

Марсиане, как я теперь хорошо мог рассмотреть, были самые сверхъестественные существа, которые только можно было себе представить. У них было огромное круглое тело или, вернее сказать, голова фута четыре в диаметре. Каждый из них имел спереди лицо без всяких признаков ноздрей, — повидимому, они совершенно были лишены обоняния, но с двумя огромными темными глазами и под ними мясистый нарост в виде клюва. Позади этой головы или тела — уж не знаю, как это назвать! — находилась туго натянутая барабанная перепонка, служащая ухом, как показало потом анатомическое исследование, но оказавшаяся, по всей вероятности, почти бесполезной в нашем более сгущенном воздухе.

Вокруг рта висели шестнадцать тонких, гибких, как плети, щупальцев, расположенных двумя пучками, по восьми в каждом. Впоследствии известный анатом, профессор Гайз, дал этим щупальцам весьма удачное определение, назвав их

руками. Еще когда я в первый раз видел марсиан, мне казалось, что они старались приподняться на этих руках, но не могли вследствие увеличения веса их тела в земной атмосфере. Есть основание предполагать, что на Марсе они могут легко передвигаться на руках.

Внутреннее строение их тела, как показало вскрытие, произведенное впоследствии, было также просто. Главное место занимал мозг, от которого шли толстые разветвления нервов к глазам, ушам и к органам осязания — щупальцам. Затем легкие, куда открывался рот, и сердце с кровеносными сосудами. Затрудненность их дыхания, вследствие более сгущенной атмосферы и большей силы притяжения на Земле, сказывалась в конвульсивных движениях кожи.

Этим оканчивается перечисление органов, имеющихся у марсиан. Как ни странно это может показаться нам, но сложный пищеварительный аппарат, составляющий главную составную часть человеческого тела, отсутствовал у них совершенно. У них была голова — только голова! Внутренностей у них не было. Они не ели, а, следовательно, им нечего было переваривать. Пищу им заменяла свежая кровь другого живого существа, которую они вводили себе в жилы.

Я сам видел, как это происходило, и расскажу об этом впоследствии. Но пусть я покажусь слабонервным, я все же не в состоянии подробно описывать то, на что я даже смотреть не мог без содрогания. Достаточно сказать, что кровь от живого существа, в большинстве случаев — от человека, вливалась с помощью маленькой пипетки прямо в приемный канал марсианина.

Одна мысль об этом кажется нам ужасной и отталкивающей, но мы не должны забывать, что, пожалуй, и наши плотоядные привычки показались бы омерзительными какому-нибудь кролику, если бы он одарен был разумом.

Физиологические преимущества таких вспрыскиваний несомненны, если вспомнить, какая масса времени и энергии уходит у человека на еду и на пищеварительный процесс. Человеческое тело наполовину состоит из желез, каналов и органов, служащих для переработки пищи в кровь. Пищеварительный процесс, в зависимости от того, как он протекает, действует хорошо или дурно на нашу нервную систему и влияет на наш ум. Настроение человека зависит от того, здоровая или больная у него печень и хорошо или вяло работает кишечник. Марсиане же, благодаря своему органическому устройству, свободны

от всяких колебаний настроения и чувств.

Их бесспорное предпочтение людям, как источникам питания, подтверждается трупами тех жертв, которых они взяли с собой с Марса. Насколько можно судить по тем обескровленным жертвам, которые попали потом в человеческие руки, это были существа двуногие с хрупким, ноздреватым скелетом и слабой мускулатурой. Они были шести футов ростом, с круглой, прямо посаженной головой и большими глазами в твердых впадинах.

В каждом цилиндре было, повидимому, по два или три таких существа, и все они были убиты, прежде чем марсиане достигли Земли. Но для них это было безразлично, так как при первой же попытке стать на ноги на нашей планете у них все равно переломались бы все кости.

Здесь я хочу прибавить еще несколько подробностей о физиологическом устройстве марсиан; хотя они не были известны нам в то время, но это даст возможность читателю, не знакомому с жизнью марсиан, составить себе более представление об этих страшных существах.

Их физиологическое устройство отличалось от нашего еще в трех отношениях. Они не спали, как не спит сердце у человека. Благодаря тому,

что у них не было мышечного механизма и они не расходовали мышечной силы, они и не нуждались в ее восстановлении. Они почти или даже совсем не знали чувства усталости. На Земле они не могли сделать ни одного движения без усилий, и все же они не отдыхали ни минуты до самого конца. Они работали по двадцать четыре часа в сутки. На Земле так работают разве только одни муравьи!

Вторая отличительная черта марсиан, как ни невероятно это может показаться миру, где такую роль играет половая жизнь, заключалась в том, что они были существа абсолютно бесполые и потому не знали бурных страстей, порождаемых различием полов. Теперь это уже установленный факт, что во время пребывания марсиан на Земле появился маленький марсианин. Он был прикреплен к своему родителю вроде того, как бутон лилии прикреплен к ветке или речной полип к своему родителю.

На Земле ни у людей, ни у более организованных животных этот способ размножения не имеет места. Но несомненно, это был первоначальный способ и на Земле. У низших животных, вплоть до ближайших родичей позвоночных, существовали оба способа, но, в конце концов,

половой способ вытеснил другой. На Марсе же, повидимому, произошел обратный процесс.

Любопытно вспомнить, как один писатель-философ, с довольно, впрочем, сомнительной ученой репутацией, писавший задолго до появления марсиан, говоря о физиологическом устройстве человека в его окончательной стадии, описывал его приблизительно таким, как у марсиан. Его статья появилась, если я не ошибаюсь, в ноябре или в декабре 1893 года в давно уже переставшей существовать «Pall-Mall-Gazette», а потом в «Punch», юмористическом журнале, тоже домарсианского периода, появилась карикатура на эту статью.

В статье, в полушутливом тоне, говорилось, что с усовершенствованием механических приспособлений человеку не нужны будут члены его тела, а с успехами химии упразднится пищеварительный процесс, что такие органы, как зубы, волосы, наружная часть носа, уши и подбородок, переставшие быть существенно важными для организма, будут неизменно уменьшаться и, с течением времени, постепенно атрофируются действием естественного подбора. Останется один только мозг. Кроме мозга, еще одна часть тела будет иметь право на существование, — это

рука, «учитель и агент мозга». По мере атрофирования тела руки будут развиваться.

В этих словах, сказанных в шутку, было много правды, и на марсианах мы видели бесспорный пример уничтожения животных функций организма преобладающим развитием мозга. Я считаю вполне вероятным, что прародители марсиан сильно приближались к человеку и что путем постепенного развития, за счет остального тела, мозга и рук (переродившихся, наконец, в расположенные двумя пучками тонкие щупальцы), они превратились в те существа, какими мы их видели. При полном отсутствии тела мозг, следовательно, сделался бы более самодовлеющим интеллектом, без всякой эмоциональной подкладки, свойственной человеческому существу.

Третье различие марсиан от нас заключается в следующем: микроорганизмы, порождающие на Земле такую массу болезней и страданий, или никогда не существовали на Марсе, или санитарная наука марсиан сумела уничтожить их целые века тому назад. Все те бесчисленные инфекционные болезни: тиф, чахотка, злокачественные опухоли и т. д., отравляющие земное существование, не нарушают правильного течения жизни марсиан.

Говоря о различиях жизни на Марсе и на Зем-

ле, я должен упомянуть об одном любопытном явлении, о «красной траве».

Преобладающим цветом растительного царства на Марсе является, повидимому, не зеленый, как у нас, а кроваво-красный цвет. Во всяком случае, семена, которые марсиане, намеренно или случайно, занесли с собою на Землю, давали все, без исключения, красные ростки. Но из всех этих растений только одно, получившее название «красной травы», привилось на Земле.

Другое красное растение, ползучее, продержалось у нас очень недолго, и лишь немногие видели его. Некоторое время оно разрослось с поразительной пышностью и силой, покрыло всю внутренность ямы на третий или четвертый день нашего заточения, и ее сочные кактусообразные побеги обрамляли каймой наше треугольное окошечко в стене. Позднее оно разрослось по всей окружающей местности и в особенности там, где была проточная вода.

У марсиан имелось то, что можно было бы назвать слуховым органом, в виде одной круглой барабанной перепонки, находящейся на задней стороне их туловища — головы. Глаза их имели то же строение, что наши, с той только разницей, по утверждению Филипса, что синий и фиолетовый

цвета им казались черными.

Высказывалось предположение, что марсиане сообщались друг с другом посредством определенных звуков и движениями щупальцев. Это говорилось между прочим в одной талантливо, но несколько поверхностно составленной статье, на которую я уже ссылался и которая до сих пор была главным источником сведений о марсианах. Автор ее, несомненно, не видел марсиан. Из всех, оставшихся в живых, никто не видел их так близко и не наблюдал их так подолгу, как я. Я отнюдь не ставлю себе в заслугу того, что было лишь счастливой случайностью, а просто констатирую факт.

Я имел возможность наблюдать их целыми часами, видел, как они вчетвером, впятером, а раз даже вшестером исполняли самые сложные, самые трудные работы, не обменявшись ни единым звуком, ни единым жестом. Их своеобразное завывание всегда предшествовало процессу питания. В нем не было никаких модуляций, и оно не имело значения сигнала. Это было просто выдыхание воздуха, так сказать — подготовительная операция, облегчающая всасывание крови в приемный канал. Я имею некоторые притязания на хотя бы элементарные познания

о психологии и я твердо убежден, как только можно быть убежденным в чем-нибудь, что марсиане обменивались друг с другом мыслями без помощи каких-либо звуков и жестов. Я убедился в этом, несмотря на мои предвзятые идеи, так как до нашествия марсиан, — как это, может быть, припомнят читатели, которым случалось просматривать мои статьи, — я писал, и даже очень горячо, против телепатической теории.

Марсиане не носили одежды. Их понятия об украшениях и приличии естественно расходились с нашими. И не только они были менее чувствительны к переменам температуры, но даже изменение атмосферного давления не отражалось сколько-нибудь серьезно на состоянии их здоровья. Но хотя марсиане и не носили одежды, зато во всем другом, где можно было искусственно пополнить свои физические ресурсы, они далеко превзошли людей. Мы, с нашими велосипедами, коньками, с нашими лилиенталевскими летательными аппаратами, пушками, ружьями и так далее, только начинаем ту эволюцию, которую марсиане уже проделали. Они представляли собою один сплошной мозг, облеченный в различные тела, соответствующие их потребностям, совершенно так, как человек надевает платье,

садится на велосипед, когда он спешит, или берет зонтик, когда идет дождь.

Во всех механических приспособлениях марсиан поражала одна интересная особенность. В них совершенно отсутствовало то, что составляет главную часть почти всех механизмов, изобретенных людьми, — отсутствовало колесо. В вещах, занесенных ими на землю, не было даже намека на применение принципа колеса. А ведь, казалось, оно должно было бы применяться, хотя бы для целей передвижения!

По этому поводу любопытно отметить тот факт, что и на Земле мы нигде не встречаем в природе идеи колеса. Природа предпочитает достигать движения другими способами. Быть может, принцип колеса был неизвестен марсианам, что, впрочем, мало вероятно, но, во всяком случае, что они воздерживались от его применения. Их механические аппараты поражают почти полным отсутствием даже неподвижных или относительно неподвижных осей, ограничивающих круговое движение одною плоскостью. Почти все соединения в их машинах представляли сложную систему скользящих частей, двигающихся по маленьким, великолепно отполированных подшипникам. Перечисляя все эти подробности,

я хочу упомянуть еще об одной: длинные рычаги их машин в большинстве случаев приводились в движение системой металлических дисков в эластичном футляре, представляющей остроумное подражание системе живых мышц. Когда чрез эти диски пропускался электрический ток, они поляризировались и взаимно притягивались со значительной силой. Этим способом и достигалось то сходство с движениями живого существа, которое так поражало и пугало всех, видевших марсиан в действии.

Особенным обилием искусственных мышц отличалась та крабообразная машина, которая работала по разгрузке цилиндра, как раз в тот момент, когда я в первый раз заглянул в трещину в стене. Эта машина несравненно больше походила на живое существо, чем сами марсиане, которые, лежа в лучах заходящего солнца, задыхались, еле шевеля своими ослабевшими щупальцами, после своего долгого путешествия в мировом пространстве.

В то время как я наблюдал в трещину их вялые движения, отмечая каждую интересную для меня подробность, викарий напомнил мне о своем присутствии, дернув меня за руку. Я оглянулся и увидел его сердитое лицо и красноречиво сжатые

губы. Ему тоже хотелось посмотреть, а так как щель была маленькая, то смотреть в нее можно было только одному. Я уступил ему свое место. Свои наблюдения мне пришлось отложить на некоторое время и ждать, пока он воспользуется своим правом.

Когда я снова занял место у трещины, «рабочий-машина» уже сложил отдельные части, вынутые из цилиндра, в аппарат, представлявший несомненное подобие его самого. А немного ниже, левее, я увидел небольшую машину для копания земли. Она выбрасывала кверху столбы зеленого пара и, быстро двигаясь вокруг ямы, методично и планомерно расширяла ее, складывая вырытую землю по ее краям. Эта-то машина и производила тот непрерывный грохот вперемежку с ритмическими ударами, от которых сотрясалось наше убежище. Во время работы машина непрерывно гудела и свистела. Насколько я мог заметить, в ней не было марсианина, и машина работала самостоятельно.

III
Дни плена

Появление второй боевой машины заставило нас бросить наш наблюдательный пост и спрятаться в умывальную комнату, так как мы боялись, что марсианин со своего возвышения увидит нас в нашей засаде. Однако спустя некоторое время наш страх прошел, и мы сообразили, что в ослепительном блеске солнца наше окошко должно было казаться снаружи темным пятном. Но вначале нам достаточно было увидеть машину марсиан, как мы с бьющимся сердцем бросались назад в умывальную комнату.

Все же, несмотря на все опасности, угрожавшие нам, мы не могли противиться искушению посмотреть в трещину. И теперь, вспоминая те дни, я удивляюсь, как могли мы, несмотря на весь ужас нашего положения, — смерти от голода, с одной стороны, и мучительной смерти — с другой, ради печальной привилегии смотреть, наперегонки бежать через кухню, толкаясь кулаками в то время, когда нам грозила опасность быть открытым.

К сожалению, мы были людьми разного склада,

разного образа мыслей и действия; заключение и опасность резче выявили это различие. Еще только в Галлифорде я возненавидел священника за его нытье и тупое упрямство. Его бесконечные невнятные монологи мешали мне сосредоточиться и доводили меня, и без того крайне возбужденного пленом, почти до сумасшествия. Он был неспособен принудить себя к чему-нибудь. Он мог плакать часами, и мне кажется, что этот баловень судьбы серьезно воображал, что его жалкие слезы могли чем-нибудь помочь.

Я же, сидя впотьмах, прилагал все усилия, чтобы забыть о его присутствии, и не мог, так как он назойливо напоминал о себе. Он ел гораздо больше меня, и было безнадежно доказывать ему, что единственный наш шанс на спасение, — это оставаться в доме и ждать, пока марсиане покончат со своими работами в яме, и что в этот — очень возможно, долгий — промежуток ожиданья, может наступить время, когда нам нечего будет есть. Он ел и пил, когда ему хотелось, не стесняя себя нисколько. Спал он мало.

Время шло, а с ним росла его беспечность и нежелание считаться с обстоятельствами. В конце концов это грозило большой опасностью, и мне пришлось, как бы мне ни было тяжело, при-

бегнуть к угрозам, и, наконец, даже — к побоям. На какое-то время это образумило его. Но он был одной из тех натур, полных лицемерия, которые обманывали Бога, людей и сами себя. Дряблая, трусливая, себялюбивая душонка! Мне неприятно вспоминать, и тем более, писать об этих вещах, но обязан быть последовательным в своем рассказе. Те, кто не сталкивался с темными и с страшными сторонами жизни, легко осудят меня за мою жестокость, мою вспышку гнева, которым закончилась наша трагедия. Конечно, эти люди умеют отличать добро от зла, но они не знают, на что способен человек, доведенный до отчаяния. Однако тот, кто спускался на дно жизни, до самых ее пределов, поймут и пожалеют меня.

И вот, сидя в темноте, в стенах дома, споря другом, пререкаясь громким шопотом, вырывая друг у друга еду и питье, мы обменивались ударами, снаружи в яме, при беспощадном солнечном свете тех июньских дней, протекала непонятная для нас жизнь марсиан.

Я расскажу о том, что было моим новым впечатлением. После долгого перерыва я снова подошел к трещине в стене и увидел, что марсиане получили подкрепление в количестве трех боевых машин. Они принесли с собой какие-то новые ап-

параты, которые были расставлены в известном порядке вокруг цилиндра. Вторая «рабочий-машина» была уже готова и обслуживала теперь один из новых аппаратов, доставленных боевыми машинами. Новый аппарат в общих чертах напоминал своей формой жбан для молока, и над ним был укреплен качающийся приемник грушевидной формы, из которого непрерывно сыпался какой-то белый порошок в подставленный для этого круглый чан.

Качающееся движение приемника производилось одной из рук «рабочего-машины». Двумя другими лопатообразными руками она копала глину и бросала ее большими комками в грушевидный приемник, в то время как другой рукой она открывала, через определенные промежутки, дверцу, вделанную в корпусе машины, и выбрасывала оттуда почерневший, перегоревший кирпич. Своей пятой стальной рукой она прогоняла белый порошок из чана по зубчатому каналу в третий приемник, которого мне не было видно из-за облака синеватой пыли. Из этого невидимого приемника тянулась кверху в тихом воздухе тонкая струйка зеленого дыма.

Пока я смотрел, «рабочий-машина» выдернула из себя с тихим музыкальным звоном, — наподо-

бие того, как выдвигается подзорная труба, — еще одну руку, которая казалась мне перед тем простою выпуклостью на ее теле. Рука вытянулась и скрылась за кучей глины. Через секунду она поднялась, держа длинную полосу блестящего алюминия, и осторожно приставила ее к куче таких же полос, лежавших около ямы. От заката до появления первых звезд на небе эта необыкновенная машина сделала, должно быть, около ста таких полос из глины, а облако синеватой пыли все росло, пока не сравнялось с краем ямы.

Контраст между сложной, быстрой и отчетливой работой этих машин и мучительной затрудненностью движений их хозяев был так велик, что мне долго пришлось внушать себе, что в действительности они, а не машины, есть живые существа.

Когда к яме притащили первых людей, у трещины находился викарий. Я сидел, скорчившись на полу, и напряженно прислушивался. Вдруг он испуганно откинулся назад, а я весь задрожал от страха, думая, что мы открыты. Он скатился с кучи мусора и спрятался возле меня в темноте. Он не мог говорить и жестами показывал мне, что не хочет больше смотреть.

Любопытство придало мне храбрости, я поднял-

ся, перешагнул через викария и, вскарабкавшись на кучу мусора, припал к щели. Сначала я не мог понять, что его так испугало. На дворе уже стемнело, сверху слабо светили редкие звезды, но яма была ярко освещена вспышками зеленого огня, так как пережигание глины для выделки алюминия все еще продолжалось. Мерцающее пламя то ярко разгоралось, то снова гасло, и тогда набегали скользящие черные тени. Над ямой носились летучие мыши. Вся эта картина производила мрачное, зловещее впечатление. Марсиан не было видно, так как куча зеленовато-синей глины, еще больше выросшая в вышину, скрывала их от моих глаз. По другую сторону ямы стояла боевая машина со втянутыми, укороченными ногами. На один миг мне показалось, что среди грохота машин раздались звуки человеческого голоса, но я отогнал от себя эту мысль.

Я перегнулся вперед, чтобы рассмотреть поподробнее боевую машину, и убедился в первый раз, что на машине под колпаком действительно сидел марсианин. При вспышке зеленого огня я увидел его лоснящуюся, маслянистую кожу и блестевшие глаза. Вдруг из-под колпака высунулось длинное щупальце, перегнулось назад через плечо машины и потянулось к маленькой

клетке, торчавшей у нее за спиной. Раздался пронзительный крик, и что-то темное, отчаянно барахтающееся, промелькнуло живой загадкой высоко в воздухе на фоне потемневшего неба. Когда этот таинственный предмет снова опустился, то при мерцающем зеленоватом свете я увидел, что это был человек. Одну секунду я видел его совершенно ясно, это был плотный, цветущий, хорошо одетый человек средних лет. Три дня тому назад он еще гулял по свету, занимая в нем, быть может, почетное положение. Я видел его неподвижные глаза и игру света на его запонках и часовой цепочке. Он скрылся за высокой кучей, и с минуту все было тихо. Потом поднялись раздирающие крики и протяжное, довольное завывание марсиан.

Я соскользнул вниз, с усилием поднялся на ноги и, зажав уши обеими руками, бросился, как безумный, в умывальную комнату. Викарий, который сидел на полу, скорчившись и обхватив голову руками, взглянул на меня и, завопив не своим голосом, увидя, что я бросаю его, устремился за мной.

В эту ночь, пока мы сидели скорчившись в умывальной комнате, колеблясь между страхом и притягательной силой трещины, в которую

можно было видеть марсиан, во мне созрело страстное желание действовать. Но, как я ни старался, я не мог придумать никакого плана бегства. На другой день я немного успокоился и был в состоянии обсудить наше положение.

Викарий, в чем я теперь окончательно убедился, был совершенно неспособен рассуждать. Пережитые ужасы сказались на нем, лишив его рассудка. Он потерял всякую способность мыслить и соображать и жил одними импульсами. Он фактически уже опустился до уровня животного. Но я, как говорится, держал себя в руках: заставив себя взглянуть в лицо фактам, я понял, что, как ни ужасно наше положение, но для полного отчаяния еще нет никакого основания.

Наша ближайшая надежда на избавление основывалась на предположении, что эта яма служила марсианам лишь временным местопребыванием. А в случае, если бы они и остались тут, то возможно, что они не стали бы ее охранять постоянно, и тогда у нас тоже могла бы явиться возможность бежать. Я серьезно обдумывал широкий план бегства через подземный ход, но при выходе из него мы рисковали наткнуться на боевую машину марсиан, и эта мысль, конечно, очень пугала меня. Кроме того, мне пришлось

бы рыть одному, так как на викария, конечно, нельзя было рассчитывать.

Если мне не изменяет память, то это было на третий день после того, как на моих глазах убили человека. То был единственный раз, что я видел, как питаются марсиане. После этого я почти перестал подходить к трещине. Вооружившись топором, я пробрался в умывальную комнату, запер дверь в кухню и принялся рыть. Я вырыл яму в два фута глубиной, как вдруг земля с шумом обвалилась, и я уже не решался продолжать работу. Я потерял всякую энергию и долгое время пролежал на полу умывальной комнаты, не имея сил двинуться. С этого момента я оставил всякую мысль о бегстве через подземный ход.

Чтобы дать понятие о том, какое впечатление произвели на меня марсиане, достаточно сказать, что мне и в голову не приходило видеть наше спасение в том, что наши враги могут быть побеждены человеческими силами. Поэтому я был очень удивлен, когда раз ночью, на четвертый или на пятый день я услышал вдруг звуки далеких выстрелов.

Было уже поздно, и луна ярко светила. Марсиане убрали свою землекопательную машину и, если бы не боевая машина, стоявшая у дальнего

края ямы, и не «рабочий-машина», работавшая в углу под нашей щелью, так что ее не было видно, можно было подумать, что яма покинута ими.

В яме было совершенно темно, и только иногда появлялся перебегающий слабый свет от машины, да кое-где белели полосы и пятна от лунного света. Кругом стояла тишина. Была чудная, ясная ночь. Звезд не было видно: они все растаяли в ярком лунном сиянии, и луна одна царила на небе. Издали доносился лай собак. Эти знакомые звуки заставили меня встряхнуться, и я стал прислушиваться. И вдруг я услышал совершенно отчетливо глухие раскаты, как бы от залпов из тяжелых орудий. Я насчитал шесть выстрелов и после долгого промежутка еще шесть. И это было все!

IV
Смерть викария

Это было на шестой день нашего заточения. Заглянув в последний раз в трещину, я обернулся, чтобы уступить место викарию, но заметил, что я один. Вместо того чтобы стоять за мной и стараться оттолкнуть меня от трещины, как он обыкновенно это делал, он ушел в умывальную комнату. У меня мелькнуло подозрение. Я тотчас же тихонько пробрался в умывальную комнату и услышал в темноте, что викарий пьет. Протянув наудачу руку, я схватил бутылку с бургундским вином.

Началась борьба, которая продолжалась несколько минут. Бутылка упала на пол и разбилась. Я выпустил его. Мы стояли, тяжело дыша, угрожая друг другу. В конце концов я встал между ним и нашими запасами и объявил ему, что с этого дня я намерен завести строгий порядок. Я разделил всю провизию на порции с таким расчетом, чтобы ее хватило на десять дней.

В этот день я ему не позволил больше есть. Перед вечером он, однако, сделал слабую попыт-

ку добраться до еды. Я дремал в ту минуту, но моментально проснулся. Весь день и всю ночь просидели мы друг против друга: я — чуть не падая от усталости, но с твердым решением не уступать, Он плача, как ребенок, и жалуясь на голод. Я знаю, что это была всего одна ночь и один день, но мне казалось, — и кажется еще и сегодня! — что это было бесконечно долгое время.

Таким образом, несходство наших склонностей и взглядов перешло в откровенную вражду. Два долгих дня мы бесшумно дрались и шопотом ругали друг друга. Бывали дни, когда я начинал неистово бить его руками и ногами, и другие, когда я льстил ему и пытался уговаривать его. А однажды я даже пробовал подкупить его бутылкой бургундского, так как мне посчастливилось найти водопроводную трубу, и я был спокоен теперь, что мы не останемся без воды. Но все было бесполезно! Ни ласка, ни сила уже не действовали на него. Он стал совершенно невменяемым человеком. Он не мог заставить себя отказаться от покушений на еду и не мог перестать разговаривать сам с собой. Он не хотел соблюдать даже самых элементарных предосторожностей и делал нестерпимой нашу и без того ужасную жизнь. Понемногу я начал понимать,

что разум окончательно покинул его и что мой единственный товарищ в этой ужасной западне — сумасшедший.

Некоторые смутные воспоминания, сохранившиеся у меня о том времени, заставляют меня предполагать, что и моя голова была минутами не в порядке. Кошмарные сны мучили меня, когда я засыпал. Это, может быть, звучит невероятно, но я склонен думать, что малодушие и ненормальность викария спасли меня от безумия. Они заставили меня взять себя в руки и помогли мне сохранить свой рассудок.

На восьмой день он стал громко разговаривать, и что я ни делал, я не мог заставить его говорить тише.

— Ты справедлив, о боже! — громко кричал он. — Ты справедлив! Пускай твой гнев падет на меня и на мне подобных. Мы согрешили, так как мы слишком легко относились к жизни. Кругом была нищета, страдание, мы топтали бедняков в пыли, и я спокойно смотрел на это. В своих проповедях я потакал людскому безумию, тогда как я должен был поднять свой голос, хотя бы мне пришлось умереть за это, и громко кричать: Покайтесь! покайтесь! Вы угнетали бедняков и несчастных!

Затем совершенно неожиданно мысли его вернулись к еде. Он просил, умолял, плакал и наконец стал угрожать мне. Он начал возвышать голос, я просил его не делать этого. Сообразив, что он может играть на этой струнке, он пригрозил мне, что будет громко кричать и призовет марсиан. Я уступил, но скоро сообразил, что всякое послабление с моей стороны может уменьшить шансы на наше избавление. Я сказал ему, что не боюсь его угрозы, хотя в глубине души не был уверен, что он не исполнит ее. Как бы то ни было, в тот день он этого не сделал. В течение всего восьмого и девятого дня он говорил повышенным голосом, но не слишком громко. Угрозы и просьбы чередовались целым потоком нелепых, покаянных речей. Потом он заснул, но не надолго, и, проснувшись, с удвоенной силой принялся опять за свое. На этот раз он говорил так громко, что мне пришлось удерживать его.

— Тише! — умолял я.

Мне было слышно, как он стал на колени.

— Я слишком долго молчал, — сказал он так громко, что его должны были услышать в яме. — Теперь же я должен каяться. Горе этому неверному городу. Горе! Горе всем сынам земли!

— Молчите! — сказал я, вскакивая в ужасе, что

марсиане услышат его.

— Нет! — закричал викарий так громко, как только мог, вставая и простирая руки. — Я хочу говорить! Господь глаголет моими устами!..

В три шага он был у двери в кухню.

— Я должен покаяться. Я иду. Я слишком долго молчал.

Я протянул руку и нащупал топор, который висел на стене. Как стрела, бросился я за викарием, Я совсем обезумел от страха. Прежде, чем он дошел до середины кухни, я был возле него и, повернув лезвие топора, ударил его обухом. Он свалился, как сноп, и вытянулся во всю длину. Я споткнулся о него и остановился, еле переводя дух. Он не шевелился.

Затем я услышал шум снаружи. Со стены посыпалась штукатурка, и что-то темное заслонило треугольную трещину в стене. Я поднял голову и увидел нижнюю часть «рабочего-машины», медленно продвигавшуюся мимо трещины. Одна из ее цепких рук извивалась между обломками. Потом показалась другая и стала нащупывать себе ход над провалившейся балкой. Я прирос к месту. И вдруг я увидел сквозь прозрачную стеклянную пластинку, вставленную в конце машины, лицо, если можно это так назвать, и большие темные

глаза марсианина. Тем временем длинная металлическая рука машины, извиваясь, точно змея, стала потихоньку пробираться в трещину.

Я с трудом повернулся, перешагнул через тело викария и остановился у двери в умывальную комнату. Рука теперь уже ярда на два просунулась в комнату и быстрыми, извивающимися движениями ощупала стены и пол. Долго стоял я, точно околдованный, и наблюдал, как она постепенно подбиралась ко мне. Заставив себя стряхнуть оцепенение, я с слабым, хриплым криком бросился в умывальную комнату.

Я весь дрожал и едва стоял на ногах. Приподняв дверцу угольного погреба, я стоял в темноте и не сводил глаз со слабо освещенной кухонной двери и слушал… Видел ли меня марсианин? Что он теперь будет делать?

Что-то двигалось там тихо, тихо. Стучало об стену и при каждой перемене движения звенело слабым, металлическим звоном. Потом послышался звук, как будто по полу волокли какое-то тяжелое тело, я слишком хорошо знал — какое! Повинуясь непреодолимой силе, я подполз к двери и заглянул в кухню. В ярко освещенном солнцем треугольнике трещины я увидел марсианина в его крабообразной машине, который,

притянув к себе тело викария, внимательно осматривал голову. Я ни минуты не сомневался, что по ране от моего удара он догадается о присутствия в доме другого человека.

Я спустился в погреб, захлопнул за собою дверцу, и в темноте, стараясь не шуметь, насколько это было возможно, спрятался под уголь и дрова. Каждую минуту я прислушивался, не просунулась ли опять в щель рука «рабочего-машины».

И снова возобновился слабый металлический звон. По этому звуку я мог проследить, как рука, нащупывая, пробиралась по кухне. Вот она совсем близко, в умывальной комнате, как мне показалось. Я надеялся, что ее длина недостаточна, чтобы добраться до меня. Но вот рука, слегка царапая, скользнула по дверце погреба, и затем наступило бесконечное, нестерпимо томительное ожидание. Я слышал, как она нащупывала ручку двери. Марсианин понимал, что такое дверь!

С минуту она провозилась со щеколдой, и наконец дверца открылась.

Из темноты я мог рассмотреть этот странный предмет, больше всего похожий на хобот слона. Он искал меня, ощупывая стены, дрова, уголь и потолок, словно большой черный червяк, воро-

чающий во все стороны своей слепой головой.

Один раз он коснулся подошвы моего сапога. Я укусил себя за руку, чтобы не закричать. Некоторое время все было тихо, и я обрадовался, думая, что он удалился. Но вдруг с громким стуком он схватил что-то, — я уже думал, что меня, и как будто убрался из погреба. Но я все еще не был уверен в этом. Должно быть, марсианин взял кусок угля для исследования.

Я воспользовался случаем, чтобы переменить положение, так как у меня сделались судороги в руках и ногах. Затем я снова прислушался.

И вот опять медленно и осторожно он пополз ко мне, ощупывая стены.

Я уже не надеялся на спасение, когда дверца погреба вдруг захлопнулась с резким стуком. Я слышал, как он шарил в кладовой, как гремели жестянки из-под галет и как зазвенела бутылка, упавшая на пол. Затем опять тяжелый удар в дверь погреба — и после этого тишина, казавшаяся мне бесконечной в моей мучительной неизвестности.

Ушел ли он?..

Но наконец я убедился в этом.

Он больше не возвращался, но весь десятый день я пролежал в погребе, в полном мраке, за-

рывшись в уголь и не решаясь выползти даже за водой, хотя меня томила жажда. Только на одиннадцатый день я решился наконец выйти из своего убежища.

V
Тишина

Прежде чем наведаться в кладовую, я запер на задвижку дверь между кухней и умывальной комнатой. Но кладовая была пуста: там не осталось ни крошки съестного. Должно быть, марсианин все забрал накануне. При этом открытии мною в первый раз овладело отчаяние. Не только на одиннадцатый, но и на двенадцатый день я ничего не ел и не пил.

Губы и горло у меня совершенно пересохли, и силы мои заметно убывали. Я беспомощно сидел в темноте умывальной комнаты, в состоянии полнейшей апатии. Все мои мысли вертелись около еды. Я думал, что я оглох, так как грохот машин за стеной, который я привык слышать за последнее время, теперь совершенно прекратился. Я не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бесшумно подползти к трещине, иначе, конечно, я бы это сделал.

На двенадцатый день у меня так разболелось горло, что я не взирая на опасность привлечь внимание марсиан, дотащился кое-как до насоса для

дождевой воды и накачал себе два стакана грязной дождевой воды, которые тотчас же выпил. Это немного освежило меня, а то обстоятельство, что скрип насоса не вызвал появления страшных щупальцев, придало мне бодрости.

В эти дни я много думал о викарии и об его смерти, но все мои мысли были какие-то неясные, отрывочные и не имели никакой связи между собою.

На тринадцатый день я опять пил воду, мечтал об еде и придумывал всевозможные планы бегства. Каждый раз, как я засыпал, меня мучили страшные призраки. Я видел во сне смерть викария или роскошные обильные яства. Но и во сне и наяву меня мучила сильная боль, заставлявшая меня пить без конца. Свет, проникавший в умывальную комнату, был уже не серый, а красный, и моему расстроенному воображению он казался кровавым.

На четырнадцатый день я вышел на кухню и, к моему удивлению, заметил, что трещина в стене заросла красной травой, благодаря чему полусвет, царивший в кухне, превратился из серого в красный.

Рано утром на пятнадцатый день я услыхал очень меня удивившие знакомые звуки. При-

слушавшись, я разобрал, что где-то возится и что-то обнюхивает собака. Я вошел в кухню и увидел, что в трещину между красными листьями просунулась собачья морда. Меня это страшно поразило. Почуяв меня, собака тявкнула.

Если бы я мог приманить ее тихонько в кухню, то я был бы в состоянии убить ее и съесть. Во всяком случае ее следовало убить, так как она могла привлечь на меня внимание марсиан.

Я стал осторожно подходить к ней и ласково позвал ее: «Собачка, собачка!» — но она вдруг убрала свою морду и скрылась.

Я прислушался. Я знал теперь, что я не глухой, но не могло быть никакого сомнения, в яме было тихо. До меня донеслись какие-то звуки, как будто хлопанье крыльев и хриплое каркание, но и только.

Долгое время лежал я у щели, не решаясь раздвинуть листья, которые закрывали ее. Раз или два слышал я легкие шаги собаки, бегавшей по песку, где-то подо мной, затем шелест крыльев и больше ничего. Наконец, ободренный этой тишиной, я выглянул наружу.

Кроме стаи ворон, которые дрались в углу над трупами людей, убитых марсианами, в яме не было ни одной живой души.

Я оглянулся кругом, не доверяя своим глазам. Все машины исчезли. Не считая огромной кучи серовато-синего порошка в одном углу, нескольких полос алюминия — в другом, стаи черных птиц и скелеты убитых, — передо мною была самая обыкновенная пустая, круглая, песочная яма. Раздвинув красную траву, я стал медленно пролезать в трещину и стоял теперь на куче щебня. Кроме севера, который был за мной, я мог видеть по всем направлениям. И в ширь и в даль не было видно ни одного марсианина и даже никаких признаков их. Прямо под ногами у меня была яма, но, пройдя немного дальше, я взобрался на кучи гальки и, таким образом, благополучно выбрался из развалин. Путь к бегству был свободен.

Несколько минут я колебался, но потом с храбростью отчаяния и с сильно бьющимся сердцем взобрался на верхушку насыпи, под которой я был так долго погребен.

Снова посмотрел я вокруг себя, но и на севере не было видно марсиан.

Когда я в последний раз, при ярком свете дня, видел эту часть Шина, передо мной была улица, с рассеянными по ней белыми и красными домиками, со множеством тенистых деревьев. Теперь я стоял на куче щебня, глины и обломков кирпича,

сплошь заросших красными кактусообразными растениями. Они доходили до колен и вытеснили все другие земные растения. Ближайшие ко мне деревья стояли мертвые с почерневшими стволами, но немного дальше сеть красных побегов обвивала еще живые стволы.

Все соседние дома обвалились, но ни один из них не был сожжен. В некоторых домах уцелели стены до второго этажа, но все окна были разбиты и ворота разрушены. В комнатах без крыш пышно разрослась красная трава. Подо мной была глубокая яма, и в ней дрались вороны из-за падали. Множество других птиц порхало среди развалин. Дальше я увидел тощую, как скелет, кошку, осторожно пробиравшуюся вдоль стены, но людей нигде не было видно.

После моей тюрьмы день показался мне ослепительно светлым, а небо безмятежно голубым. Легкий ветерок нежно качал стебли красной травы, заполнившей каждый вершок свободной земли. Я дышал полной грудью. Какое наслажденье было вдыхать в себя свежий, чистый воздух!..

VI
Результаты двухнедельного пребывания марсиан

Долгое время простоял я так на насыпи, качаясь на своих ослабевших ногах и совершенно позабыв, что мне надо было подумать о собственной безопасности. Когда я лежал в отвратительной норе, из которой я только что вышел, я напрягал все силы ума, чтобы придумать средства к спасению. Я не представлял себе, какие перемены могли произойти на земле за это время, и не ожидал увидеть такое необычайно поразительное зрелище. Я предполагал, что Шин разрушен марсианами, но то, что я увидел теперь, было мрачным, наводящим ужас, пейзажем другой планеты.

В тот момент я испытал чувство, которое человек обычно не испытывает, но которое хорошо знакомо животным, подчиненным человеку. Я чувствовал то же, что должен был бы чувствовать кролик, если бы, возвращаясь в свою нору, он неожиданно наткнулся на землекопов, роющих яму для фундамента дома. Но это были только

первые проблески того чувства, которое стало потом определенным, сознательным ощущением и угнетало меня в течение многих дней. Мы уже не были царями природы, мы были развенчаны, низведены на уровень животного и должны были влачить свое существование под пятою марсиан. Так же, как и кролик, мы должны были подстерегать, бегать и скрываться, так как власть человека, а вместе с тем и его способность внушать страх, были отняты у него.

Но все эти странные настроения рассеялись так же быстро, как и возникли, перед мучительным ощущением голода после долгого поста. В стороне от ямы, за стеной, обвитой листьями красных растений, я заметил уцелевший клочок сада. В густой чаще этих растений я мог спрятаться в случае опасности, а в саду я мог поискать что-нибудь для утоления своего голода. Я направился туда, уходя по пояс, а иногда по шею, в красную траву. Стена была около шести футов вышины, и мне нечего было и думать взобраться на нее. Тогда я пошел вдоль стены и, дойдя до угла, увидал большой камень; я стал на него, перелез через стену и спрыгнул в сад. Там я нашел немного луку, земляной груши и много зеленой моркови. Забрав все это с собой, я перелез через другую по-

луобвалившуюся стену и направился по дороге, окаймленной кроваво-красными деревьями, в сторону Кью. У меня были только два желания: добыть как можно больше еды и как можно скорее, насколько мне это позволяли мои слабые силы, выбраться из этой проклятой местности.

В стороне от дороги, на полянке, я нашел грибы и съел их все до одного. Но эта скудная пища только обострила мой голод. Немного дальше все пространство, на котором раньше цвели луга, было покрыто коричневой водой. Меня поразило это обилие воды в такое сухое, жаркое лето, но потом я узнал, что это объяснялось тропически пышным ростом красной травы. Повсюду, где это удивительно плодовитое растение встречало воду, оно разрасталось до гигантских размеров. Его семена, брошенные в воды Уэя и Темзы, пустили ростки, и растущие с необыкновенной быстротой ветки вытеснили реки из берегов.

В Путнэе, как я увидел это потом, мост был совершенно скрыт в чаще красных листьев, а в Ричмонде воды Темзы вышли из берегов и разлились широким мелким потоком по лугам Гэмптона и Твикэнгэма. Вместе с разлитием воды распространялись и эти растения, и одно время разрушенные дачи на берегу Темзы совершенно

исчезли под их красной листвой.

В конце концов эта красная трава погибла почти так же быстро, как разрослась. На нее напала болезнь, возбудителями которой, как полагают, были какие-то бактерии, и уничтожила их. В силу естественного подбора, все земные растения приобрели способность сопротивляться бактериальной заразе, и если они погибали от нее, то только после упорной борьбы. Но красная трава гибла моментально. Листья бледнели, сморщивались, делались хрупкими. Они ломались при малейшем прикосновении, и вода, которая вначале способствовала распространению красной травы, уносила последние ее остатки в море.

Когда я наконец добрался до воды, то первым моим побуждением было утолить жажду. Напившись досыта, я, повинуясь другому внезапному побуждению, раскусил несколько веток красной травы. Но они были водянистые и имели противный металлический вкус. Вода в этом месте была такая мелкая, что я попробовал отправиться вброд, хотя ноги мои и путались в красной траве. Но ближе к реке становилось глубже, и я должен был повернуть назад к Мортлэку. По развалинам дач, остаткам изгородей и уцелевшим кое-где фонарям я узнавал дорогу. Таким образом я вско-

ре выбрался из этого болота и, следуя дальше по дороге, вышел к Рогэмптону, а оттуда к Путнэйскому полю.

Здесь картина совершенно изменилась! Ничего чуждого, странного, только разгром привычного, знакомого! Местами это было полное опустошение, как будто здесь пронесся циклон, а в каких-нибудь ста шагах дальше виднелись совершенно нетронутые участки земли. Хорошенькие дома с опущенными шторами и закрытыми дверями, как будто их обитатели только временно покинули их или покоились еще сладким сном. Красной травы здесь было значительно меньше, и ее побеги не успели обвить стволы высоких деревьев, стоящих на лужайках.

Я обошел несколько садов в надежде найти что-нибудь съестное, обшарил также два покинутых дома, но напрасно! Очевидно, все, что было, обобрали еще до меня, так как замки на дверях оказались сломанными. Остаток дня я пролежал в кустах, так как мои ослабевшие силы не позволяли мне итти дальше.

За все это время я не встретил ни одного человека и не видел никаких признаков марсиан. Один раз мне попались по дороге две голодные собаки, но при виде меня они испуганно шарах-

нулись в сторону и убежали. Под Рогэмптоном я наткнулся на два человеческих скелета, — не трупа, а скелета, без всяких признаков мяса, — а немного дальше в лесу я увидел много сломанных разбросанных костей кошек и кроликов и череп овцы. Я их поднял, думая поглодать их, но там уже нечем было поживиться.

После заката солнца я побрел дальше, по дороге в Путнэй, где по всем признакам свирепствовал тепловой луч. В одном саду, за Рогэмптоном, я нашел много незрелого картофеля и заглушил им немного мой голод. Из этого сада открывался вид на реку и на Путнэй. В быстро надвигающихся сумерках местность эта имела безнадежно унылый вид. Черные, обгоревшие деревья, такие же черные и обгоревшие развалины стен, а по ту сторону холма — разлившаяся вода, вся красная от травы марсиан. И над всем этим — мертвая тишина. Невыразимое отчаяние овладело мною, когда я подумал, как быстро совершилась эта перемена!

Я был уверен, что все человечество уничтожено и что уцелел лишь я один… Около Путнэйского холма я опять увидел скелет, руки которого были оторваны и брошены в нескольких ярдах от тела.

По мере того как я шел дальше, я все больше убеждался в том, что истребление человечества, за исключением нескольких, случайно уцелевших, вроде меня, есть уже свершившийся факт, по крайней мере в Англии. Я предполагал, что, опустошив страну, марсиане ушли искать себе пропитания дальше. Может быть, они готовились сейчас разгромить Берлин или Париж или повернули на север?..

VII
Человек с Путнэйского холма

Эту ночь я провел в гостинице, на Путнэйском холме. Со дня моего бегства из Лизсерхеда я первый раз спал на постланной постели. Я не буду задерживаться описанием того, какого труда мне стоило попасть в этот дом, совершенно напрасного, как потом оказалось, так как наружная дверь была не на замке. Не буду описывать ни того, как я шарил по всем комнатам, отыскивая что-нибудь съестное, пока, наконец, уже отчаявшись в успехе, не нашел в одной комнате, повидимому, людской, обглоданной крысами корки хлеба и двух банок с ананасными консервами. Очевидно, этот дом был уже обыскан до меня, и все было взято. Позднее я нашел в буфете несколько сухарей и бутербродов. Бутерброды были уже несъедобны, но сухарей я не только поел всласть, но наполнил ими также мои карманы.

Я не зажигал огня, боясь привлечь внимание марсиан в том случае, если бы им вздумалось направиться в эту часть Лондона в поисках за пищей. Спать мне тоже не хотелось, и я все пе-

реходил от одного окна к другому, высматривая марсиан. Когда же я лег в постель, то вдруг почувствовал, что мысли мои начинают принимать последовательное течение, чего со мной не было со дня моей последней ссоры с викарием. Во все это промежуточное время мое душевное состояние было лишь быстрой сменой неясных ощущений, и все впечатления воспринимались мною бессознательно. Но этой ночью мой мозг, подкрепленный пищей, прояснился, и я снова приобрел способность мыслить логически.

Три главных пункта занимали теперь мои мысли. Убийство викария, местопребывание и деятельность марсиан и судьба моей жены. Первое не вызывало во мне ни чувства ужаса ни угрызений совести. Я принимал это как совершившийся факт, который навсегда оставил по себе тяжелое воспоминание — и только. Я считал себя тогда, как считаю и теперь, жертвой независящих от меня обстоятельств, которые постепенно привели меня к той развязке, к которой я неизбежно должен был прийти. Я не был достоин осуждения, и все же это воспоминание преследовало меня постоянно, неотступно…

В безмолвии ночи я призывал себя к допросу и сам себя судил за ту минуту ярости и страха.

Я припоминал каждое слово нашего разговора с того момента, как я увидел его сидящим возле меня на лугу и указывающим мне на столб дыма и пламени, поднимавшихся из развалин Уэйбриджа, в ответ на мои мольбы дать мне попить. К совместной работе мы были неспособны, и злой случай подшутил на нами, соединив нас вместе. Если бы я мог заглянуть в будущее, я бы оставил его тогда в Галлифорде. Но я не мог предвидеть того, что произошло. Преступен же тот, кто заранее обдумывает преступление. Я рассказал об этом событии, как вообще обо всем, что я видел и что пережил. У меня не было свидетелей, и я мог бы не говорить о нем. Но я все же рассказал, и пускай читатель сам делает свои заключения.

Когда я, сделав над собой усилие, отогнал от себя воспоминания о распростертом теле викария, передо мной встали вопросы о марсианах и об участи моги жены. Для решения их у меня не было никаких данных, и я мог делать тысячу различных предположений. И вдруг совершенно неожиданно на меня напал непобедимый ужас. Я сел на постели и широко раскрытыми главами смотрел в темноту. Одно только страстное желание было во мне, чтобы мою жену, внезапно и безболезненно, поразил тепловой луч. Стран-

ная ночь! Но страннее всего было то, что, когда наступило утро, я, человек, существо высшее, одаренное разумом и волей, выполз из дома, как крыса из норы, как низшее существо, которое могло быть поймано и убито по первой прихоти своего властелина. Как много нужно было пережить, чтобы понять это! Да, несомненно, если эта война не научила нас ничему другому, то она, во всяком случае, научила нас чувству сострадания к тем неразумным тварям, которым так тяжело живется под игом человека.

Утро было прекрасное. На востоке небо уже розовело, и все было усеяно маленькими, золотистыми облачками. По всей дороге, от вершины Путнэйского холма до Уимбльдона, я видел многочисленные следы той паники, которая разыгралась в ночь с воскресенья на понедельник и погнала к Лондону поток беглецов. Я видел маленькую двуколку со сломанным колесом, с надписью «Томасс Лебб, зеленщик из Нью-Малдэна» и с брошенным на ней жестяным сундуком. Дальше валялась затоптанная в грязь, теперь уже затвердевшая соломенная шляпа, а на вершине западного холма лежала опрокинутая бадья и куча битого стекла, забрызганного кровью.

Я шел медленно дальше, и в голове моей носи-

лись неясные планы. Я хотел итти в Лизсерхед, хотя там менее всего я мог рассчитывать найти свою жену. Если только смерть не настигла их внезапно, то она и мои кузены, конечно, бежали оттуда. Но я убеждал себя, что там, по крайней мере, я могу увидеть или как-нибудь узнать, куда бежало население из Суррея. Я чувствовал только, что мне надо было найти мою жену, что душа моя болезненно тосковала по ней и по людям, но у меня не было ни малейшего представления о том, что нужно было сделать, чтобы найти их. Свое безутешное одиночество я сознавал теперь слишком хорошо. Под прикрытием деревьев и кустов я дошел до конца улицы Уимбльдонского поля.

Все темное пространство поля только местами оживлялось кустами дрока и вереска. Красной травы нигде не было видно. Когда я пробирался краем поля, взошло солнце, и все кругом наполнилось светом и жизнью. В одном углублении под деревом, куда стекала вода, суетился целый выводок лягушек. Я остановился, чтобы посмотреть на них. У них следовало бы поучиться твердой решимости жить во что бы то ни стало. Вдруг я почувствовал, что за мной наблюдают; я обернулся и увидел в кустах что-то черное. Я стоял,

присматриваясь, потом шагнул в ту сторону. Таинственное существо поднялось и превратилось в человека с саблей у пояса. Я стал медленно подходить к нему, но он стоял, не шевелясь, и все смотрел на меня.

Подойдя ближе, я увидел, что его платье было так же покрыто грязью и пылью, как мое. У него был такой вид, как будто он выкупался в водосточной канаве. Вся его одежда была покрыта зелеными пятнами от тины, а местами замазана углем. Его черные волосы падали ему на глаза, смуглое лицо осунулось и было грязно, а через весь подбородок шел ярко-красный шрам.

— Стойте! — закричал он мне, когда я приблизился к нему на десять ярдов.

Я остановился.

— Откуда вы идете? — спросил он меня хриплым голосом. Я обдумывал свой ответ, наблюдая за ним.

— Я иду из Мортлэка, — сказал я. — Я лежал под развалинами дома, около ямы, куда упал цилиндр марсиан. Теперь я освободился оттуда и убежал.

— Здесь кругом вы не найдете пищи, — возразил он. Все это — моя земля, начиная от холма до реки, в эту сторону до Клэпгэма, и в ту — до конца

поля. Только один человек может прокормиться тут. Куда вы направляетесь?

— Я сам еще не знаю, — отвечал я нерешительно, — Я пролежал под развалинами дома тринадцать или четырнадцать дней и не знаю, что произошло за это время.

Он посмотрел на меня, как бы сомневаясь в чем-то, и потом внезапно в лице его произошла какая-то странная перемена.

— Я не намерен оставаться здесь, — продолжал я. — Скорее всего я пойду на Лизсерхед, чтобы искать там мою жену.

Он быстро шагнул ко мне, указывая на меня пальцем.

— Так это вы? — вскрикнул он. — Человек из Уокинга? И вас не убили в Уэйбридже?

В тот же момент я узнал его.

— А вы тот артиллерист, который забрался тогда ко мне в сад?

— Это я называю счастьем! — радостно обратился он ко мне. — Мы с вами счастливчики. Ну кто бы мог подумать, что это вы?

И он протянул мне руку, которую я пожал.

— Я спрятался тогда в дренажной канаве, — продолжал он. — Но они не всех убили. Когда они ушли, я вылез и направился прямо через поля к

Уольтону. Однако не прошло еще и шестнадцати дней с тех пор, а ваши волосы стали совсем седые.

Он оглянулся вдруг через плечо.

— Это только грач, — сказал он. — В такие времена, как теперь, узнаешь, что и у птиц есть тень. Но здесь слишком открытое место. Пойдемте туда, в кусты, и расскажем друг другу наши переживания.

— Видели вы марсиан? — спросил я. — С тех пор как я вылез из…

— Они ушли за Лондон, — перебил он меня. — Мне думается, что они разбили там свой главный лагерь. По вечерам, в той стороне у Гэмпстэда, все небо горит от их огней, словно большой город, и в отблесках света можно ясно видеть, как двигаются их тени. Но днем ничего не видно. Вблизи я их вообще не видел…

Он стал считать по пальцам.

— Пять дней тому назад я, впрочем, видел двух марсиан на Гаммерсмитской дороге, которые тащили что-то тяжелое. А третьего дня ночью, — он замолчал и продолжал затем многозначительно, — я видел, правда, только свет, но в воздухе. Я думаю, они построили летательный аппарат и учатся теперь летать.

Я остановился на четвереньках, так как мы подползли к кустам в эту минуту.

— Летать?

— Да, — повторил он, — летать!

Я дополз до раскидистого куста и сел.

— В таком случае все человечество погибнет, — сказал я. — Если они научатся этому, они облетят весь мир!

Он кивнул головой:

— Конечно, но за это время мы здесь отдохнем немного. — Он посмотрел на меня. — Разве вас огорчает уничтожение человечества? Меня, по крайней мере, нисколько. Ведь все равно мы побеждены, мы раздавлены!

Я молчал. Как это ни странно, но сам я еще не пришел к такому выводу, ставшему для меня теперь совершенно очевидным, как только он его высказал. До сих пор у меня была еще слабая надежда, вернее сказать — привычка всей жизни думать так.

— Мы раздавлены! — снова повторил он, и в его словах звучала непоколебимая уверенность.

— Все кончено, — говорил он. — Они потеряли одного, только одного! Твердой ногой стали они здесь и сломили величайшую силу на земле. Они прошли по нашим трупам. Смерть одного из них

под Уэйбриджем была случайностью. И ведь это только пионеры. Беспрерывно следуют они один за другим. А эти зеленые звезды! Пять или шесть дней я не видел ни одной, но я не сомневаюсь, что каждую ночь они падают где-нибудь. Тут ничего не поделаешь. Мы под их властью. Мы раздавлены…

Я не отвечал ему. Я сидел и тупо глядел перед собой, тщетно стараясь придумать возражение.

— Ведь это даже не война! — продолжал артиллерист. — Никогда это не было войной, как не может ее быть между людьми и муравьями.

Я вспомнил вдруг ночь в обсерватории.

— После десятого выстрела они больше не стреляли, крайней мере до того дня, как упал первый цилиндр.

— Откуда вы это знаете? — спросил артиллерист.

Я объяснил ему. Он задумался.

— Возможно, что пушка была не совсем в порядке, — сказал он. — Но, если это даже и так, они уже давно исправили это. А если они отложили, то разве это может изменить конец? Ведь это люди и муравьи! Муравьи суетятся, строят города, живут своею маленькою жизнью, ведут войны между собою, делают революции, пока

человеку не понадобится убрать их с дороги, и они убираются. То же будет и с нами. Мы тоже — муравьи, только…

— Ну? — спросил я.

— Мы — муравьи съедобные.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

— Что же они будут делать с нами? — спросил я.

— Об этом я все время думал и думаю, — ответил он. — Из Уэйбриджа я отправился на юг и по дороге все думал. Я видел, что происходит. Все вокруг меня волновались, кричали. Но я не люблю крика. Я не один раз смотрел смерти в глаза. Я — настоящий солдат и знаю, что смерть есть смерть. Только тот может спастись, кто рассуждает спокойно. Я видел, что все бросились бежать к северу, и сказал себе: «Там на всех не хватит пропитания» и повернул назад. Я следовал за марсианами, как воробей за человеком. А там, — и он показал рукой на горизонт, — умирают от голода, вырывают пищу друг у друга и давят друг друга…

Он увидел выражение моего лица и смущенно замолчал.

— Без сомнения, много людей, у которых были деньги, уехали во Францию, — сказал он. Казалось, он колебался, говорить ли ему дальше, но,

встретившись с моим взглядом, продолжал: — Здесь кругом достаточно пищи. В лавках остались консервы, вино, водка и минеральные воды, но водопроводы и трубы пусты. Итак, я вам сказал теперь, о чем я все время думал…

— Мы имеем дело с разумными существами, — продолжал он, — и, как кажется, они употребляют нас в пищу. Сначала они уничтожат наши корабли, машины, орудия, города и весь наш государственный строй. Все это исчезнет. Мы могли бы спастись, если бы мы были величиною с муравьев. Но мы слишком велики и наши сооружения слишком громоздки. — Это первое, в чем я уверен. Не так ли?

Я молча согласился.

— Это так. Я все это хорошо обдумал. Что же будет дальше? Нас будут хватать по мере надобности. Марсианину достаточно пройти несколько миль, чтобы встретить толпу беглецов. Я видел одного в Вендэрвэрте, как он разрушал дома и шарил в развалинах. Но на этом они не остановятся. Когда они уничтожат наши пушки, корабли, железные дороги и вообще все наши сооружения, тогда они примутся за нас. Они будут систематически вылавливать нас, отбирать лучшие экземпляры и сажать в клетки. Будьте

уверены, они скоро займутся нами! Ведь они еще не начинали этого. Разве вы не видите это?

— Еще не начинали? — вырвалось у меня.

— Еще не начинали, — сказал он. — Все, что было до сих пор, случилось только потому, что у нас не хватило смекалки сидеть смирно и не сердить их пушками и прочими глупостями. Мы потеряли голову и бежали туда, где мы вовсе не находились в большей безопасности, чем в другом месте. Им сейчас не до нас. Они заняты пока своими делами, приводят в порядок машины и заготовляют всякий материал, который они не могли привезти с собою и, одним словом, подготовляют все для переселения своего народа на землю. Легко возможно, что цилиндры потому больше не падают на землю, что они боятся попасть в своих. Вместо того, чтобы бежать, очертя голову, и заготовлять динамит, чтобы взорвать их на воздух, нам лучше было бы постараться приспособиться к новому порядку вещей. Я так смотрю на это. Конечно, это не то положение, о котором может мечтать человек, но это факт, с которым приходится считаться. И я намерен действовать на основании этого. Города, нации, цивилизации, прогресс канули в вечность. Игра сыграна. Мы раздавлены…

— Но если это так, для чего же жить?

Артиллерист с минуту молча смотрел на меня:

— Для чего жить? Конечно, в течение миллиона лет или около этого не будет ни концертов, ни выставок, ни уютных веселых ужинов в ресторанах. Если вы думаете об удовольствиях, то в этом смысле игра проиграна. Если у вас хорошие манеры и вас шокирует, если кто-нибудь ест грушу ножом или говорит грамматически неправильно, то вам не для чего жить. Такие вещи теперь ни к чему.

— Вы думаете?

— Я думаю, что такие люди, как я, должны жить для продолжения рода. Я говорю вам, что я твердо решил жить. И если я не ошибаюсь, то и вам скоро придется показать, чего вы стоите. Мы не позволим истреблять себя! Я не допущу, чтобы меня поймали, приручали и откармливали как жирного быка на убой. Фу! Вспомните только этих коричневых пресмыкающихся!

— Не хотите же вы сказать…

— Вот именно это-то я и хочу сказать. Я хочу жить, жить даже под их властью. Я уже составил себе план и все обдумал. Люди побеждены, потому что они слишком мало знают. Нам еще много нужно учиться, прежде чем придет наш черед.

И мы должны жить и быть независимыми, пока мы учимся. Понимаете? Все это должно быть сделано.

Я глядел на него, пораженный и глубоко взволнованный решимостью этого человека.

— Вы — настоящий мужчина! — вырвалось у меня, и я сжал ему руку.

— А что? — проговорил он с блестящими глазами. — Ведь я это хорошо придумал?

— Продолжайте! — сказал я.

— Так вот: кто не хочет быть пойманным, должен приготовиться. И я готовлюсь. Не все из нас способны жить жизнью диких зверей — и в этом весь секрет. У меня были сомнения, когда я смотрел на вас. Вы так стройны и тонки. Ведь я не узнал вас и не знал также, что вы долго были погребены под развалинами. А все те люди, та порода людей, которая жила в этих домах, и все те маленькие, ничтожные клерки, которые жили по склону холма, те никуда не годятся. В них нет мощного духа, нет гордых мечтаний, нет сильных желаний. А человек, в котором нет ни того ни другого, на что же он годится? Они ни на что другое неспособны, как только спешить на свою службу. Я наблюдал их сотнями, как они из страха опоздать ни службу и быть уволенными

бежали на поезд с маленьким завтраком в руке. На службе они работают как машины, не давая себе труда вникнуть в свою работу. А по окончании службы они спешат домой, боясь опоздать к обеду, и после обеда сидят себе спокойно дома, из страха перед темными улицами. Затем они ложатся спать со своими женами, на которых они женились не по любви, а потому, что те принесли им в приданое деньги, которыми они, до некоторой степени, обеспечили свое жалкое существование. А по воскресеньям — опять страх перед будущей жизнью! Как будто ад создан для кроликов! Вот для таких людей марсиане — сущий клад! Просторные, чистые клетки, сытный корм, хороший уход — и никаких забот. После того как они недельку — другую побегают по полям и лугам с пустым желудком, они придут сами и с удовольствием дадут себя поймать. Пройдет время — и они будут совершенно довольны своей судьбой. Они будут даже с удивлением спрашивать себя: как это люди жили раньше, когда не было марсиан? А эти ресторанные завсегдатаи, праздношатающиеся и певцы, их я себе очень хорошо представляю, — проговорил он с каким-то мрачным наслаждением. — Вот когда у них будет много досуга на всякие сенти-

менты и ханжество! Да, много вещей я видел в своей жизни и только теперь, за последние дни, я начал понимать их настоящий смысл. Много будет таких, которые примут как должное новый порядок вещей, опять-таки много таких, которых будет мучить сознание, что не все происходит как следует и что нужно что-то сделать. Ну, а известно, когда люди начинают чувствовать, что им что-то нужно сделать, то более слабые из них, чтобы оправдать себя, буду придумывать религию праздности, очень строгую, очень высокую и оправдывающую всякое насилие. Вы сами могли убедиться в этом. Это есть энергия трусости и малодушия, которая выступит тогда. Клетки будут наполнены пением гимнов и псалмов. Ну, а люди более сложного темперамента займутся развлечениями другого характера — как бы это сказать? — эротического…

Он помолчал несколько минут и затем продолжал дальше.

— Весьма возможно, что у марсиан будут среди них свои любимцы, которых они посвятят в свои хитрости — кто знает? — может быть, они расчувствуются и им жалко будет убивать мальчика, выросшего в их клетке. А некоторых даже они, может быть, будут приучать охотиться за нами…

— Нет! — воскликнул я, — это невозможно! — Ни одно человеческое существо…

— Какой смысл обманывать себя? — перебил меня артиллерист. — Есть люди, которые с удовольствием пойдут на это. Это нелепость утверждать, что таких людей нет!

И я должен был согласиться с его доводами.

— Но пускай только они попробуют подойти ко мне близко. Пускай только попробуют! — проговорил он и замолчал, мрачно насупившись.

Я сидел, раздумывая над всем тем, что он наговорил мне. Но сколько я ни думал, я не находил возражений, которые могли бы поколебать теории этого человека. До нашествия марсиан никто бы не усомнился в моем умственном превосходстве над ним. Я — опытный, известный писатель-философ, а он — простой солдат, и все же он уже сумел формулировать наше положение, в то время как я только начинал понемногу разбираться в нем!

— Что же вы намерены делать? — спросил я через некоторое время. — Какие у вас планы?

Он как будто колебался.

— Ну, я представляю себе это так, — сказал он наконец. — Прежде всего, что мы должны сделать? Мы должны придумать такой род жизни,

чтобы люди могли жить, плодиться и быть в достаточной безопасности, чтобы выращивать своих детей. Подождите, я вам сейчас покажу яснее, как, по моему мнению, это должно быть. Те, которые станут ручными, будут благоденствовать, как все ручные животные. Через несколько поколений они станут толстыми, полнокровными, красивыми и глупыми, одним словом — хлам! Для нас же, оставшихся на свободе, существует одна опасность: мы можем одичать с течением времени и выродиться в больших, диких крыс… Вы уж понимаете, какой род жизни мы должны будем вести? Подземный! При этом я подумал о сточных трубах. На первый взгляд это может показаться ужасным: но под Лондоном они тянутся на протяжении сотен и тысяч миль. А так как Лондон теперь опустел, то стоит пройти хорошему дождю, — и они станут чистыми и приятными. Главные трубы — большие, и воздуху хватит на всех. Затем у нас имеются еще погреба, склепы, из которых в случае нужды можно будет провести ходы в трубы. А, кроме того, остаются еще подземные дороги и туннели. Что? Вы начинаете соображать теперь? Мы образуем союз мужчин, сильных телом и чистых духом. Дряни нам не нужно, а слабых мы будем изгонять.

— Так же, как вы хотели поступить со мной?

— Но ведь я с вами начал переговоры? Или нет?

— Ну, мы не будем спорить об этом. Говорите дальше, пожалуйста.

— Те, которые останутся с нами, должны будут слепо повиноваться нам. Женщины здоровые телом и чистые духом, нам тоже нужны как матери и наставницы. Но сентиментальных кукол, ничтожных кокеток, слабых и глупых, мы к себе не пустим. Жизнь станет серьезной, и все бесполезное, мешающее и вредное, должно умереть. Они сами должны будут понять, что единственным исходом для них останется смерть. Было бы своего рода изменой продолжать жить в таком случае и портить расу. И все равно они не могли бы быть счастливы, если бы остались жить. А, кроме того, смерть вовсе не так страшна, и только страх делает ее ужасной. Во всех этих местах мы будем собираться. Центром же наших собраний будет Лондон. И, может быть, мы будем в состоянии, расставив часовых, выходить на воздух и гулять там, когда марсиан не будет поблизости. Может быть, мы даже будем играть в крикет. Таким образом, мы сохраним расу. Но это не самое главное. Ведь сохранять расу это значит, как

я говорю, разводить крыс! Самое важное — это сохранить наши знания и постараться приумножить их. Вот тут-то и понадобятся такие люди, как вы. У нас есть книги, есть модели. Нам нужно будет соорудить большие, хорошо защищенные пространства и собрать туда столько книг, сколько можно. Но романы, не рифмованный вздор, а научные книги. Тогда должны будут выступить на сцену такие люди, как вы. Мы должны будем пойти в британский музей и изучить все книги, которые там находятся. В особенности же мы должны постараться удержать наши знания на высоте и продолжать учиться дальше. За марсианами мы должны будем все время наблюдать. Некоторым из нас придется сделаться шпионами. Может быть, я займусь этим, когда все устроится, то есть дам себя поймать. А главное, мы не должны мешать марсианам. Мы не должны ничего похищать у них, и если они попадутся нам навстречу, то мы должны уходить с их дороги. Мы должны будем показать, что мы не хотим вредить им. Ведь марсиане — существа разумные, и они не будут преследовать нас и убивать, если у них будет все, что им нужно, и если они убедятся, что мы — совершенно безобидные насекомые.

Артиллерист замолчал и положил мне на плечо

свою загорелую руку.

— В конце концов нам, может быть, не так много нужно будет учиться. Представьте себе четыре или пять боевых машин марсиан, пускающих направо и налево тепловой луч, и ими управляет не марсианин, а человек! Может быть, я еще доживу до этого времени. Подумайте только — иметь в своем распоряжении одну из их боевых машин и тепловой луч! Что значит после такого достижения быть истертым в порошок? Воображаю, как раскроют свои прекрасные глаза марсиане! Какой они подымут вой и суету и схватятся за свои другие механические приспособления! Но здесь им придет конец, и как раз тогда, когда они начнут стрелять, их поразит тепловой луч, и человек снова воцарится на земле…

Смелость и сила фантазии этого солдата, а также его убежденный тон и дерзость его планов совершенно покорили меня. Я безусловно верил в исполнимость его удивительных планов, а также в то, что он предсказывал о будущности человека. И читатель, который, может быть, сочтет меня легковерным и простаком, должен иметь в виду разницу между моим и своим положением. Ведь он читает в спокойном состоянии, имеет время основательно обдумать все прочитанное, тогда

как я слушал это, сидя, скорчившись, в кустах, пугаясь каждого звука, доходившего до нас…

Таким образом мы проговорили почти все утро, а затем выползли из кустов и, озираясь по сторонам, не видать ли где марсиан, бросились бежать к дому на Путнэйском холме, где он устроил себе свою берлогу. То был подвал для угля. Когда я увидел его работу, на которую он потратил целую неделю: подземный ход около десяти ярдов длины, которым он думал соединиться с главной сточной трубой Путнэйского холма, то я впервые понял, какая пропасть отделяет его мечты от действительности. Такую дыру я бы вырыл в один день. Но моя вера в него была еще настолько сильна, что я решил помочь ему в его работе.

У нас была тачка, на которую мы наложили вырытую землю, и свалили ее около кухонной стены. Между работой мы подкрепились консервами супа из телячьей головы и вином, которое мы взяли из близлежащей кладовой. В этой тяжелой работе я находил облегчение от моих мучительных переживаний. Я непрерывно думал о планах артиллериста, и мало-по-малу во мне стали подыматься сомнения, но я не переставал работать, так как был рад, что у меня теперь была цель.

Проработав еще час, я стал прикидывать в уме то расстояние, которое еще предстояло рыть, чтобы подойти к трубе, а также о весьма вероятной возможности не достигнуть цели этой работы. Вообще я не понимал, зачем было рыть такой длинный ход, когда через боковые трубы можно было попасть непосредственно в главную трубу и оттуда уже прокладывать дорогу обратно к дому. Выбор дома мне тоже казался неудачным, так как он находился слишком далеко от трубы. Как раз, когда я стал взвешивать все эти обстоятельства, я увидел, что артиллерист перестал копать и взглянул на меня.

— Мы хорошо поработали, — сказал он и отложил в сторону заступ. — Сделаем небольшой перерыв и посмотрим с крыши дома, что делается вокруг.

Я был за продолжение работы, и, после некоторого колебания, он схватился за свой заступ. Но вдруг у меня промелькнула одна мысль. Я остановился, и он тотчас же последовал моему примеру.

— Зачем, собственно говоря, вы находились в поле, а не здесь? — спросил я.

— Я ходил подышать свежим воздухом, — сказал он: — и как раз собирался уже возвращаться,

когда встретил вас. Ночью, в сущности, это безопаснее…

— А как же работа?

— Нельзя же вечно работать, — отвечал он.

Тут, словно под влиянием внезапного откровения, я понял, что это был за человек. Он стоял в нерешительности с заступом в руках.

— Нам непременно нужно сделать рекогносцировку, — сказал он. — Марсиане могут быть где-нибудь поблизости и напасть на нас врасплох, если услышат звон наших лопат.

У меня больше не было желания противоречить ему. Мы взобрались на чердак и стали смотреть через слуховые окна. Марсиан не было видно. Мы взобрались на крышу и спустились под прикрытием парапета вниз.

Часть Путнэя была скрыта за кустарником, но зато внизу было видно реку, всю заросшую красной травой. Нижняя часть Ламбета была тоже кроваво-красного цвета и вся залита водой. Другое ползучее красное растение обвило все деревья вокруг старого дворца, и между его густыми побегами уныло торчали их мертвые, покрытые сморщенными листьями, сучья. Поразительно, до чего распространение этих растений было связано с близостью проточной воды. Около нашего

дома не было этих растений, и поэтому альпийский ракитник, боярышник, калина и дерево жизни, подымаясь среди лавров и гортензий, ярко блестели на солнце свежей зеленью своих листьев. За Кессингтоном подымалось густое облако дыма, а вдали стлался синий туман, за которым исчезали холмы, тянувшиеся на север.

Артиллерист принялся рассказывать про людей, оставшихся в Лондоне.

— На прошлой неделе кучка дураков вздумала осветить электричеством весь Реджент-Стрит и цирк, в котором собрались пьяные оборванцы и раскрашенные женщины. Всю ночь они там танцевали и пели песни. Один человек, который был там, рассказывал мне это. А когда рассвело, они увидели на Лангэмской площади боевую машину марсиан. Никто не знал, с каких пор она там стояла. Марсианин, сидевший в ней, направил ее по улице прямо на толпу, оставив на месте сотню людей. Они были так пьяны и напуганы, что не могли убежать от него.

Прекрасный пример для иллюстрации переживаемого времени, которого ни одна история не сможет вполне описать!

Отвечая на мои вопросы, артиллерист снова вернулся к своим грандиозным планам. Он го-

ворил с энтузиазмом и стал так красноречиво убеждать меня в возможности завладеть боевой машиной, что я опять наполовину поверил ему. Но так как я уже начал немного понимать истинную сущность этого человека, то я догадался также, почему он также напирал на то, чтобы действовать не спеша. Кроме того, я заметил, что теперь уже не было речи о том, что он сам захватит боевую машину.

Спустя некоторое время мы опять спустились в погреб. Никому из нас не было охоты продолжать работу. И, когда он предложил поесть, то я не возражал. Он сделался вдруг необыкновенно щедрым и, выйдя после еды куда-то, вернулся с превосходными сигарами. Ми закурили, и тут снова вспыхнуло его оптимистическое настроение. На свою встречу со мною он был склонен смотреть, как на предлог для грандиозного празднества.

— В погребе есть шампанское, — вдруг заявил он.

— Мне кажется, будет лучше, если мы останемся при нашем бургундском и будем продолжать работу, — возразил я.

— Нет, — сказал он, — сегодня я хозяин. Мы будем пить шампанское! Работа, предстоящая

нам, достаточно тяжела. Отдохнем и соберемся с силами, пока есть время. Посмотрите на мои мозолистые руки.

И так как он упорствовал в своем желании устроить праздник, то после еды он принес карты. Он научил меня американскому висту, и, поделив между собою Лондон — я взял северную, а он южную часть, — мы сыграли также на городские приходы. Как ни смешно и глупо это может показаться всякому трезвому читателю, но я тогда искренно увлекался этой игрой и другими такими же играми.

Как странно устроен человек! В то время когда человеческому роду угрожало истребление или, во всяком случае, ужасающее вырождение, — а для нас самих не было другой перспективы, кроме мучительной смерти, — мы могли спокойно сидеть и с интересом следить, в каких комбинациях ложатся на стол кусочки раскрашенного картона. Потом артиллерист показал мне игру в покер, а после того мы принялись за шахматы, и я обыграл его три раза подряд. Мы так увлеклись, что, когда стемнело, решились даже зажечь лампу, не взирая на опасность быть открытыми!

После бесконечного ряда всевозможных игр мы поужинали, и артиллерист заключил ужин

шампанским. Мы продолжали курить сигары. Но он уже не был тем энергичным реформатором, каким я его встретил утром. Он все еще был оптимистом, но это был уже не активный, а осторожный оптимизм. Я вспоминаю, как он в конце концов чокнулся со мной и, после весьма бессвязной речи с многочисленными перерывами, выпил за мое здоровье. Я взял сигару и поднялся наверх, чтобы посмотреть на зеленоватый свет над Гайгетскими холмами, о которых он мне говорил.

Сначала я совершенно машинально смотрел вдаль, поверх Лондонской долины. Северные холмы были окутаны тьмой, огни около Кессингтона светились красным светом, кое-где вспыхивали красно-желтые языки пламени и снова пропадали в глубокой синеве ночи. Вся остальная часть Лондона была погружена в мрак. Ближе к дому я вдруг заметил какой-то странный, переливающийся пурпурно-фиолетовый свет, который дрожал от ночного ветерка. Долго я не мог понять, что это такое, пока, наконец, не догадался, что этот бледный, фосфорический свет исходил от красной травы. Это снова вернуло меня к действительности, к моему удивлению перед свершившимся и к пониманию истинного

соотношению вещей. Я посмотрел на Марс, который блестел далеко на западе красным светом, потом долго и пытливо всматривался в темноту, в сторону Гэмстэда и Гайгета.

Я очень долго пробыл на крыше, удивляясь странным превращениям этого дня. Час за часом припомнил я все мои переживания вплоть до глупой карточной игры. Все мои чувства возмутились, и я с отвращением отбросил сигару как символ расточительности. Моя глупость предстала предо мной в преувеличенно ужасном виде. Я казался себе предателем моей жены и моих ближних. Угрызения совести мучили меня, и я решил предоставить этого странного, разнузданного мечтателя его бутылке и обжорству, а самому продолжать путь в Лондон. Там, — казалось мне, — у меня будет больше возможностей узнать, что делают марсиане и мои собратья — люди! Я находился еще на крыше, когда на небе поднялся поздний месяц…

VIII
Мертвый Лондон

Простившись с артиллеристом, я спустился с холма и направился через Гай-Стрит и мост к Ламбету. Красная трава особенно разрослась в этом месте и почти преграждала дорогу к мосту, но ее листья уже побледнели от быстро развивающейся болезни, которая вскоре должна была совсем уничтожить ее.

На углу дороги, которая вела к станции, я наткнулся на лежащего человека. Черная пыль придавала ему вид трубочиста. Он был жив, но пьян до бесчувствия. Я ничего не мог добиться от него, кроме проклятий и яростных попыток ударить меня. Может быть, я бы остался с ним, если бы меня не отпугнуло зверское выражение его лица.

Черная пыль устилала толстым слоем всю дорогу от моста, а в Фульгэме ее было еще больше. На улицах было страшно тихо. В одной булочной я нашел булку, очень твердую, кислую и заплесневелую, но вполне съедобную. Немного дальше к Вальгэм-Грину улицы были свободны от черной

пыли. Я прошел мимо целого ряда ярко горящих домов, и шум пожара, нарушавший эту жуткую тишину, был для меня облегчением. Ближе к Брэмптону опять стало тихо.

Здесь все снова было покрыто черной пылью и лежали человеческие трупы. Я насчитал их до дюжины на всем протяжении Фульгэм-Род. Повидимому, смерть настигла их несколько дней тому назад, так что, проходя мимо них, я ускорил шаги. Черная пыль, покрывавшая их, несколько смягчала их черты. Два или три были обезображены собаками.

Там, где не было черной пыли, улицы напоминали своим видом обыкновенный воскресный день в Сити. Те же закрытые лавки, крепко запертые дома, опущенные шторы, безлюдье и тишина. Во многих домах, повидимому, уже поработали мародеры в поисках за съестными припасами. В одном доме я увидел разгромленный магазин ювелира, но вору, очевидно, помешали, так как большое количество золотых цепочек и часов валялось разбросанным на улице. Немного дальше на пороге дома сидела, скорчившись, женщина; одна ее рука с зияющей раной свесилась через колено, и из нее капала кровь прямо на платье. Возле нее валялась разбитая бутылка шампанско-

го. Женщина казалась спящей, но была мертва.

Чем дальше я проникал в центр Лондона, тем ощутительнее становилась тишина. Но это была не тишина смерти, а скорее тишина томительного ожидания. Каждую минуту мог разразиться разрушительный вихрь, уже превративший в развалины северо-западные окраины города и уничтоживший Илинг и Кильбурн. Это был обреченный, покинутый город!

В южном Кессингтоне не было ни черной пыли ни трупов. Как раз здесь в первый раз я услышал вой марсиан. Звуки, довольно слабые, как-то незаметно проникли в мое сознание. То был какой-то всхлипывающий звук двух чередующихся нот: «Улла! Улла! Улла! Улла!»

Пока я шел улицами, ведущими к северу, вой все разрастался, но, когда я свернул в сторону, дома и другие здания заглушили его. Он снова усилился, когда я вышел на Экзибишен-Род. Я остановился в удивлении и стал смотреть в сторону Кессингтонского парка, недоумевая, что означает этот далекий, жалобный вой. И мне казалось, как будто эта громада опустевших домов нашла в этом вое выражение своего страха и своего одиночества.

«Улла, улла, улла, улла!..» — неслось какими-то

сверхчеловеческими, рыдающими звуками и разливалось широкой волной между высокими зданиями по залитой солнцем дороге. Совершенно озадаченный, я повернул на север, к железным воротам Гайд-Парка. Я уже раздумывал, не пробраться ли мне в естественно-исторический музей и подняться на одну из его башен, откуда можно было видеть весь парк, но потом решил, что безопаснее было оставаться внизу, где легче было спрятаться, и пошел дальше по Экзибишен-Род.

Огромные дворцы по обеим сторонам улицы были пусты, и шум моих шагов, отражаясь от стен, гулко отдавался в мертвой тишине. В конце улицы, у входа в парк, я увидел опрокинутый омнибус и дочиста обглоданный скелет лошади. Я остановился в недоумении перед этой картиной, а потом свернул к мосту. Вой становился все громче и громче, но за крышами домов, находящихся на северной стороне парка, и не видно было ничего, кроме облаков дыма, поднимавшихся где-то вдали на северо-западе.

«Улла, улла, улла, улла!» — ревел таинственный голос, который, как мне казалось, выходил откуда-то по соседству с Реджент-Парком. Этот безнадежный крик ложился камнем мне на ду-

шу, и я чувствовал, как постепенно падало мое бодрое настроение, которое до сих пор поддерживало меня. Я вдруг почувствовал себя ужасно несчастным, голодным и усталым.

Было уже далеко за полдень. Почему я бродил один в этом городе мертвых? Почему я один остался жив, когда весь Лондон, покрытый черным саваном, лежал на смертном одре? Мое одиночество становилось невыносимым. Я вспомнил старых друзей, о которых я не думал много лет. Мне припомнились хранящиеся в аптеках яды и спиртные напитки, спрятанные в винных погребах. Я вспомнил также тех двух несчастных созданий, спившихся до потери сознания, которые, насколько мне было известно, делили со мной владение городом.

Через мраморную арку Гайд-Парка я вышел на Оксфорд-Стрит. Здесь опять была черная пыль и трупы. Из подвальных этажей некоторых домов несся подозрительный отвратительный запах. Я чувствовал сильную жажду после продолжительных странствований по жаре. С большим трудом, взломав дверь в одном трактире, я добыл себе немного еды и питья и решил заночевать здесь. Подкрепившись едой, я увидел в комнате за буфетом волосяной диван, на который улегся

и заснул.

Я проснулся под тот же удручающий вой: «Улла, улла. улла, улла!..» Уже смеркалось. Захватив с собой сухари и кусочек сыру, — мяса я не взял, так как оно все кишело червями, — я снова отправился бродить. Пройдя безмолвными аристократическими скверами, из которых я знаю название только одного — Портмэн-Сквера, я вышел на Бэкер-Стрит, и, таким образом, добрался, наконец, до Реджент-Парка. В тот момент, когда я дошел до конца Бэкер-Стрит, я увидел вдали над деревьями, в лучах заходящего солнца, блестящий колпак гигантской боевой машины, от которой и шел этот вой. Я не испугался и пошел прямо на великана, как будто это была самая естественная вещь. Некоторое время я наблюдал за ним, но он не двигался. Он стоял и выл, но почему он выл, я не мог понять.

Я пытался составить какой-нибудь план действий, но этот несмолкающий вой «улла, улла, улла, улла» путал мои мысли. Может быть, я был слишком утомлен, чтобы чувствовать страх. Во всяком случае, желание узнать причину этого монотонного воя было во мне сильнее страха. Я повернул на Парк-Род и, обогнув парк под прикрытием домов, вышел к Сен-Джонскому лесу,

где воющий марсианин оказался прямо передо мной.

Ярдах в двухстах от Бэкер-Стрит я услышал яростный лай многих собак. Прямо на меня бежал огромный дог с куском гнилого, красного мяса в зубах, а за ним гналась целая стая голодных дворняг. При виде меня дог описал широкий круг, как будто боясь встретить во мне конкурента, и исчез в конце улицы, а за ним и другие собаки. Как только замер лай собак, вдали, на безлюдной дороге, в воздухе с удвоенной силой пронесся все тот же жалобный вой: «Улла, улла, улла, улла!..»

На полдороге к станции Сен-Джонского леса я наткнулся на сломанную «рабочий-машину». Сначала я думал, что дом обрушился на улицу, и, только вскарабкавшись на развалины, я с изумлением увидел, что это был механический гигант. Беспомощно подогнув свои поломанные железные руки, он лежал среди разрушения, которое сам же произвел. Передняя часть машины была совершенно разбита. Должно быть, она со всей силы наскочила на дом и была смята его падением. Само собою разумеется, что это могло случиться только в том случае, если машина, будучи пущена в ход, вдруг очутилась без руководителя. Я стал исследовать обломки и, так как

еще не совсем стемнело, то заметил следы крови на сиденьи и обглоданные хрящи марсианина, брошенные собаками.

Совершенно пораженный всем виденным мною, я свернул к Примрозскому холму. Вдали, сквозь просвет между деревьями, я увидал второго марсианина, который стоял так же неподвижно, как и первый. Вблизи развалин, окружавших разбитую машину, я снова увидел красную траву, которая росла здесь повсюду, и канал Реджент-Стрит представлял собой сплошную, губчатую массу темно-красной растительности.

Вдруг, в ту минуту, когда я переходил мост, таинственный вой «улла, улла!» прекратился. Звуки оборвались сразу, и тишина наступила с внезапностью громового удара.

Высокие громады домов обступили меня неясными, серыми тенями, сливавшимися с темнотой. Впереди чернели деревья парка. Кругом со всех сторон ко мне ползла красная трава, словно она хотела опутать меня своими цепкими ветвями. Ночь — мать страха и тайн — надвигалась на меня. Пока еще звучал тот жалобный голос, одиночество и безлюдье были терпимы. Этот, хотя и нечеловеческий вой, придавал Лондону жизнь, и сознание этой жизни поддерживало

меня. И вдруг — молчание; прекращение чего-то, чего я сам не знал, и тишина, которую можно было осязать! Зловещая, гробовая тишина!..

Лондон представлялся мне призраком. Окна его белых домов зияли как пустые глаза черепа. Воображение рисовало мне на каждом шагу тысячи невидимых врагов, бесшумно подбирающихся ко мне. Отчаяние овладело мною, ужас — перед моей дерзостью. Я заметил, что дорога впереди меня была совершенно черная, точно ее полили дегтем, и поперек ее лежала какая-то скорченная фигура. Я не мог заставить себя итти дальше.

Повернув назад к Сен-Джонскому лесу, я бросился бежать назад, как сумасшедший, от этой невыносимой тишины, к Кильбурну. Было уже далеко за полночь, когда я спрятался, наконец, от этой ночи и тишины на каком-то извозчичьем дворе, на Гарроу-Род. Но мало-по-малу я снова пришел в себя, и на небе еще светили звезды, когда я отправился к Реджент-Парку. Я заблудился в лабиринте улиц и, выйдя из какой-то длинный проспект, неожиданно увидел в конце его при свете занимавшейся зари очертания Примрозского холма. На его вершине, подымаясь головой к меркнущим звездам, стоял третий марсианин, прямой и неподвижный, как и другие.

Безумное желание овладело мною: сразу покончить все! И не нужно было трудиться убивать себя самому. Совершенно равнодушно я стал подходить к великану все ближе и ближе. Но вот при свете разгоравшейся зари я увидел вдруг, что над его колпаком кружится какая-то стая черных птиц. При виде этого сердце почти остановилось у меня в груди, и я пустился бежать по улице…

Я пробрался сквозь заросли красной травы, опутывавшей всю Сен-Эдмундскую терасу, для чего мне пришлось пройти по грудь в воде через поток, бежавший от фонтанов к Альберт-Род, и солнце еще не всходило, когда я выбрался на сухое место и подошел к холму. У вершины его на большое пространство тянулись высокие насыпи, образуя что-то вроде огромного укрепления. Это был последний и самый большой лагерь марсиан. Из-за этих насыпей подымалась к небу тонкая струйка дыма. Вдали промелькнул силуэт бегущей собаки и скрылся.

Блеснувшая в моем уме догадка получила реальную основу, становилась правдоподобной. Я не испытывал страха, у меня только захватило дух от дикой, ликующей радости, когда я вбежал на гору к чудовищу, неподвижно стоящему там. Из-под его колпака висели тонкие коричневые

клочья, и голодные птицы рвали и клевали их…

В следующую минуту я стоял уже на гребне холма, и вся внутренность укрепления была передо мной. Она занимала огромную площадь, на которой стояли гигантские боевые машины и кучи заготовленного материала. И тут же, повсюду, на опрокинутых боевых машинах, на стоящих теперь в бездействии «рабочих-машинах» а многие просто сбившись в кучу, неподвижные и молчаливые, лежали марсиане, — мертвые, убитые болезнью, к борьбе с которой не был подготовлен их организм! Убитые ничтожнейшими из земных творений после того, как все ухищрения человеческого ума оказались недействительными.

Итак, пришло то, что, в сущности, я и другие могли предвидеть, если бы ужас и бедствия не ослепили наш разум. Эти зародыши болезни брали с человечества дань уже с начала веков, брали дань с наших дочеловеческих предков еще с начала жизни на Земле. Но, благодаря естественному подбору, в нашем организме развилась сила сопротивления их влиянию. Никаким из этих бактерий мы не поддавались без борьбы, а многие, как, например, те, которые вызывают гниение в мертвых телах, совершенно не действуют на живой организм. Но на Марсе

нет бактерий, и с той минуты, когда на Землю явились пришельцы с Марса, когда они стали пить и есть на Земле, наши микроскопические союзники принялись за дело и победили их. Уже тогда, когда я наблюдал за марсианами из-под развалин дома, они были бесповоротно обречены и погибали уже, когда еще передвигались. Это было неизбежно. Ценою многих миллионов жизней человек купил себе право первородства на Земле, и она принадлежит ему, хотя бы марсиане были в десять раз сильнее, и это потому, что человек не живет и не умирает напрасно…

Рассеянные повсюду, лежали пятьдесят марсиан в ими же самими вырытой глубокой яме, застигнутые смертью, казавшейся им, вероятно, непостижимой, как должна, впрочем, казаться всякая смерть. И мне в то время эта смерть казалась непостижимой. Все, что я понимал тогда, что эти существа, бывшие таким ужасом для людей, лежали теперь мертвые!

Я стоял и смотрел в яму, и мое сердце ликовало, а восходящее солнце оживляло все вокруг меня своими лучами. В яме было еще темно. Гигантские машины, такие огромные и поразительные по своей силе и совершенству и столь чуждые земле по своим странным, изогнутым очертани-

ям, туманными призраками подымались из тьмы к свету. Ко мне доносилось снизу рычание собак, которые грызлись над трупами марсиан.

На дальнем краю ямы лежала огромная и странная летательная машина, с которой марсиане производили опыты в нашей более сгущенной атмосфере, пока болезнь и смерть не прекратили их работ. Смерть пришла как раз вовремя. Я услышал карканье над моей головой и, взглянув вверх, увидел грозную боевую машину, которой уже не суждено была больше действовать, и красные клочья растерзанного мяса, с которых капала кровь на вершину холма…

Я обернулся назад и посмотрел в ту сторону, где, окруженные стаей черных птиц, стояли два других марсианина, которых я видел накануне ночью, как раз в тот момент, когда их настигла смерть. Один из них умер, призывая на помощь своих товарищей. Быть может, он умер последним, и голос его непрерывно взывал, пока не иссякла в нем сила жизни. Теперь эти безвредные, трехногие башни мирно сверкали в лучах восходящего солнца.

А кругом ямы расстилалась, чудом спасшаяся от вечного разрушения, — матерь городов! Тот, кто видел Лондон только окутанным траурной

пеленой дыма, не может представить себе всей красоты и ясности безмолвного лабиринта его домов…

К востоку над почерневшими развалинами Терасы Альберта и над расколовшейся церковной колокольней солнце ослепительно сверкало на безоблачном небе. А местами, где лучи его попадали на ребро белого карниза какой-нибудь крыши, они казались еще ярче, еще ослепительнее. Солнце играло даже на круглом здании винного склада у станции Чок-Фарм и на железнодорожных дворах, изрезанных длинным рядом рельс, еще недавно черных, а теперь, после двухнедельного бездействия, блестевших каким-то таинственным красноватым светом.

К северу тянулись Кильбурн и Гэмпстэд, а к западу — великий город исчезал за завесой тумана. Но к югу, за марсианами, колыхался зелеными волнами Реджент-Парк, отчетливо выступали на солнце, уменьшенные расстоянием, Лангэм, купол Альборта-Голла, императорский институт и величественные дворцы Бромптон-Рода, а за ними, в туманных очертаниях, вздымались к небу зубчатые развалины Вестминстера. Вдали синели Суррейские холмы, и сверкали серебром башни Хрустального дворца. Купол св. Павла

вырисовывался темной массой на солнце, и на нем зияла огромная трещина, которую я видел теперь в первый раз.

И, когда я окинул взглядом эту безмолвную, покинутую громаду домов, церквей и фабрик и вспомнил о тех надеждах, несчетных усилиях и миллионах жизней, которые ушли на сооружение этих грандиозных зданий, и о мгновенном, беспощадном разрушении, висевшем под ними, — тогда только сознал я, наконец, что этот темный призрак ушел и больше не вернется, что в этих улицах опять будут жить люди, и что этот, дорогой моему сердцу, город оживет, могучий, как и прежде! Душу мою наполнило глубокое умиление, и я готов был заплакать…

Кончились страдания. С сегодняшнего дня должно было начаться исцеление. Рассеянные по всей стране, оставшиеся в живых, те, которые бродили без руководителей, без защиты, без пищи, и те тысячи, которые уехали за море, — все должны были вернуться теперь. Пульс жизни, все усиливаясь, должен был опять забиться на опустелых улицах. Как ни велико было разрушение, но смерть остановила руку разрушителя. Эта рука была мертва. Скоро в этих жалких развалинах, этих почерневших скелетах домов, зловеще

выступающих фоне зеленых холмов, застучат молотки и зазвенят топоры и лопаты новых строителей. При этой мысли я протянул руки к городу. Еще год, думал я, один только год!..

И тут, с подавляющей силой, ко мне вернулись мысли себе, о своей жене и о прежней жизни, полной надежд и нежной заботливости, о жизни, которая кончилась навсегда…

IX
На обломках

Но вот наступает самый странный момент в моем рассказе. Я помню ясно и отчетливо все, что я делал вплоть до той минуты, когда я стоял на вершине Примрозского холма.

О последующих трех днях я не помню ничего. Потом я узнал, что я не был первым, открывшим гибель марсиан, а что несколько таких же, как и я, блуждающих скитальцев, сделали это открытие предыдущей ночью. Один из них тотчас же отправился в Сен-Мартин-ле-Гран и, в то самое время, когда я сидел на извозчичьем дворе, каким-то образом ухитрился протелеграфировать в Париж. Радостная весть облетела весь мир. Тысячи городов, скованные ужасом перед грозящей бедой, дали волю своему ликованию. И в то время когда я, все еще сомневаясь, стоял на краю ямы, об этом радостном событии знали уже в Дублине, Эдинбурге, Манчестере и Бирмингеме. Люди спешно снаряжались, плача от радости и прерывая работу, чтобы пожать друг другу руки и готовили поезда для отправки в столицу.

Церковные колокола, молчавшие четырнадцать дней, вдруг заговорили, разнося великую весть по всей Англии.

Люди, с исхудалыми, ввалившимися лицами, в изорванных одеждах летели на велосипедах по всем дорогам и проселкам, крича всем встречным о неожиданном избавлении и пробуждая своим ликующим криком надежду в сердцах обезумевших от страха, полупомешанных людей. Через канал, через Ирландское море, через Атлантический океан везли нам зерно, хлеб и мясо. Кажется, что в те дни флотилии всего мира неслись к Лондону! Но об этом я ничего не знал тогда. Меня покинул разум, и я не помню, как я провел эти три дня. Очнулся я в доме добрых людей, подобравших меня, когда я, плача и безумствуя, носился по улицам, вблизи Сен-Джонского леса. Они мне рассказывали потом, что я все время пел какую-то бессмысленную песнь, из которой можно было разобрать только: «Последний человек на земле — ура! Последний человек на земле!» Несмотря на угнетавшие их лично тяжелые заботы, эти люди, имени которых я не могу здесь назвать, хотя мне и было бы приятно выразить им свою благодарность, — приняли во мне участие, приютили меня в своем доме и спасли меня от самого

себя. Повидимому, во время моего безумия они узнали кое-что о моих переживаниях.

Когда я пришел в себя, они сообщили мне со всевозможной осторожностью все, что им удалось узнать о судьбе Лизсерхеда. Спустя два дня после того, как я попал в западню в Шине, Лизсерхед был уничтожен марсианином со всеми, жившими в нем. Он сравнял его с землей без всякого основания, как казалось, а просто из прихоти, как делает это мальчик, разрушая муравейник.

Я был теперь одиноким человеком, и эти люди были очень добры ко мне. Несмотря на то, что я был убит горем и им было тяжело со мной, они все же терпели меня. После моего выздоровления я оставался у них еще четыре дня. В течение всего этого времени меня томило страстное, все возраставшее желание взглянуть еще раз, последний раз на то немногое, что осталось от моей скромной, личной жизни, которая была такой счастливой и светлой! Это было болезненным, безнадежным желанием еще раз упиться моим горем. Мои хозяева отговаривали меня. Они делали все, что могли, чтобы отвлечь меня от этой нездоровой мысли. Но я не мог больше бороться с собою. Дав обещание вернуться к ним и со слезами простившись с этими людьми, которые в

четыре дня сумели стать моими друзьями, я снова зашагал по улицам, которые еще так недавно были такими странными, мрачными и пустыми.

Теперь они были полны возвращавшимися людьми. Местами даже попадались открытые лавки, и в фонтанах уже била вода.

Я припоминаю, какой прекрасный был день, когда я пустился в свое печальное странствие к маленькому домику в Уокинге, какое движение было на улицах и какая светлая жизнь кипела вокруг! Повсюду на улицах, толпилось столько народу, что факт гибели такого большого количества людей казался невероятным! Но, когда я всмотрелся в их лица, то я заметил, как желта была их кожа, в каком беспорядке были их волосы и как лихорадочно блестели их глаза! На многих из них, вместо одежды, висели какие-то грязные лохмотья. На всех лицах было выражение ненормального возбуждения или угрюмой решимости. Если бы не такое выражение лиц, можно было принять Лондон за город бродяг. В приходах раздавали хлеб, присланный французским правительством. У немногих лошадей, попадавшихся на улице, ребра торчали как у скелетов. На каждом углу улицы стояли констэбли с белыми значками, худые и бледные. На улицах,

по которым я проходил, почти не оставалось следов пребывания марсиан, и, только дойдя до Веллингтон-Стрит, я снова увидел красную траву, густо обвившую быки Ватерлооского моста.

У моста, на углу, мне бросился в глаза укрепленный на палке, над чащей красной травы, плакат. Это было объявление о первой газете «Daily-Mail», возобновившейся печатанием. За потемневший шиллинг, оказавшийся у меня в кармане, я купил себе один номер этой газеты. Большая часть газеты была пуста, но единственный автор, который составил этот номер, доставил себе маленькое развлечение, поместив шуточную схему объявлений на последней странице. Содержание газеты исчерпывалось выражениями личных чувств автора. Отдел известий еще не был организован. Я не узнал ничего нового, кроме того, что изучение машин марсиан дало уже за одну неделю изумительные результаты. Между прочим, в газете категорически утверждалось, хотя я тогда этому не поверил, что секрет воздушных полетов марсиан открыт.

На Ватерлооском вокзале стояли уже готовые поезда, развозившие бесплатно публику по домам. Первый наплыв уже прошел. В поезде было мало пассажиров, а я не был расположен к

разговорам. Заняв отдельное купе, я сел к окну, скрестил руки и мрачно смотрел на мелькавшие передо мной, ярко освещенные солнцем, картины опустошения. За вокзалом поезд запрыгал по временным рельсам, и по обеим сторонам пути потянулись почерневшие развалины домов. До узловой станции Клепгэм Лондон был еще совсем черным от осадка дыма, несмотря на два дня проливных дождей. За Клепгэмом путь опять был разрушен. Я видел, как сотни безработных клерков и приказчиков бок о бок с простыми рабочими трудились над восстановлением его поврежденных мест. Таким образом, мы шли довольно долгое время по наспех проложенному временному пути.

На всем протяжении железной дороги местность имела безотрадный вид. Особенно пострадал Уимбльдон. Благодаря своим уцелевшим сосновым лесам, Уолтон казался наиболее сохранившимся из всех местечек, лежавших у полотна железной дороги. Речки Уэндл, Мол, каждый маленький ручеек совершенно заросли красной травой. Суррейские сосновые леса оказались, должно быть, слишком сухими для красной травы, так как они были свободны от нее. За Уимбльдоном, среди сада, лежали высокие кучи

земли, взрытые падением шестого цилиндра. Вокруг ямы толпился народ и работали саперы. Над ямой весело развевался по ветру английский флаг. А кругом в садах пышно разрослась красная трава, представляя широкую площадь всех оттенков красного цвета, резавшего глаза своею яркостью. С бесконечным облегчением я перенес свой взгляд от кроваво-красной, а местами серой обожженной земли к мягкому, сине-зеленому цвету видневшихся на востоке дальних холмов.

Так как железнодорожная линия от Лондона до станции Уокинг была восстановлена только местами, мне пришлось сойти в Байфлите, и я отправился пешком в Мейбург. Я прошел мимо того места, где мы с артиллеристом встретили гусар, и дальше, где я в грозу увидел в первый раз марсианина. Движимый любопытством, я свернул в сторону и увидел в зарослях красных растений сломанный шарабан и белые обглоданные лошадиные кости, разбросанные кругом. Я простоял довольно долго, глядя на эти останки…

Потом я повернул назад и пошел сосновым лесом, пробираясь сквозь заросли красной травы, которая местами была мне по шею. Хозяин «Пятнистой собаки» был похоронен. Пройдя мимо колледжа, я очутился около своего дома. Какой-то

человек стоял в дверях своего дома, поздоровался со мною, когда я проходил мимо, назвав меня по имени.

Я взглянул на свой дом со слабой искоркой надежды, сейчас же погасшей. Замок у ворот был взломан, и одна половинка дверей только прислонена. Когда я подошел ближе, она тихонько открылась, словно мне навстречу.

Ворота снова захлопнулись. В открытом окне моего кабинета, того самого, у которого мы с артиллеристом ждали тогда наступления дня, колыхались занавески от ветра. Смятые кусты были в том же виде, как я их оставил четыре недели тому назад. Я споткнулся в передней; пустота дома удручала меня. Ковер на лестнице был сдвинут и полинял в том месте, где я сидел, промокший насквозь, спасаясь от грозы в ту страшную ночь. Я видел грязные следы моих ног по всей лестнице. Они шли до самого кабинета. В кабинете, на письменном столе, на прежнем месте под селенитовым пресс-папье, лежала моя работа, как я оставил ее в тот день, когда открылся первый цилиндр.

Я долго стоял над своей работой, пробегая последнюю страницу. Это была статья о вероятном развитии моральных идей в связи с развитием

цивилизации. Последняя фраза начиналась пророчеством: «Через двести лет, — писал я, — мы можем ожидать»… — на этом статья обрывалась. В то утро я не мог сосредоточиться на своей работе, и я помню, как я бросил писать и побежал купить «Daily Chronicle». Подойдя к калитке сада, я встретил газетчика и помню, как я слушал его странный рассказ о «людях с Марса»…

Я снова спустился вниз и пошел в столовую. На столе лежали хлеб и баранина, уже совершенно сгнившая, и опрокинутая бутылка из-под пива, все в том же виде, как мы это оставили с артиллеристом. Мой дом опустел. Теперь я только понял все безумие надежды, которую я так долго лелеял!..

Но вдруг случилось невероятное…

— Это бесполезно, — сказал чей-то голос. — Дом оставлен. Последние десять дней здесь никого не было, оставаться дольше значило бы только понапрасну мучить себя. Никто не спасся, кроме нас.

Я остановился, пораженный. Неужели я вслух высказал свои мысли? Я обернулся и увидел, что стеклянная дверь была открыта. Я сделал шаг и выглянул за дверь.

И там стояли удивленные и испуганные, не меньше меня, мой кузен и моя жена. Моя жена

бледная, с сухим, остановившимся взглядом… Она слабо вскрикнула.

— Я пришла! — сказала она. — Я знала это, знала… — Она схватилась рукой за горло и зашаталась. Я подбежал к ней и подхватил ее в свои объятия…

Эпилог

Заканчивая свой рассказ, я могу только пожалеть, что я не в состоянии способствовать разрешению многих спорных вопросов, так и оставшихся невыясненными. В одном отношении моя книга, без сомнения, вызовет возражения. Моя специальность — спекулятивная философия. Мои познания в сравнительной физиологии ограничиваются несколькими книгами. Но я полагаю, что предположения Карвера относительно причин внезапной смерти марсиан так правдоподобны, что их можно считать почти доказанными. Я уже говорил о них в своем рассказе.

Достоверно по крайней мере то, что ни в одном из всех трупов марсиан, исследованных после войны, не найдено было никаких других бактерий, кроме тех, земное происхождение которых несомненно. Тот факт, что марсиане не хоронили своих мертвецов, и те массовые избиения, которые они производили, указывают также, что процесс гниения был им совершенно неизвестен. Но как ни близки к истине эти предположения, доказанными фактами их все же считать нельзя.

Также мало известен нам состав черного дыма, которым пользовались марсиане с таким убийственным эффектом, и такой же загадкой остается для нас генератор теплового луча. После целого ряда ужасных катастроф, в лабораториях Илинга и Южного Кессингтона, химики потеряли охоту продолжать исследования над тепловым лучом. Спектральный анализ черного порошка безошибочно указал на присутствие в нем какого-то нового, неизвестного нам элемента, со светящейся группой трех линий в зеленой части спектра, и весьма возможно, что в соединении с аргоном этот элемент образует состав, действующий смертоносно на какую-нибудь из составных частей крови. Но все эти недоказанные предположения будут вряд ли интересны для большего числа читателей, для которых написана эта книга.

О результатах анатомического исследования марсиан я уже говорил. Все, конечно, знакомы с великолепным, почти неиспорченным экземпляром марсианина в спирту, хранящемся в Естественно-историческим музее, и с бесчисленными рисунками, сделанными с этого экземпляра. Что же касается строения тела марсиан и физических отправлений их организма, то они представляют лишь чисто научный интерес.

Гораздо важнее вопрос, представляющий более общий интерес, — о возможности вторичного нашествия марсиан. Я нахожу, что этой стороне вопроса уделяют слишком мало внимания. С каждым возвратом планеты Марс в положение противостояния можно ожидать со стороны марсиан, — таково, по крайней мере, мое личное убеждение, — возобновления их попытки. Во всяком случае к этому нужно было бы приготовиться. Мне кажется легко возможным определить положение орудия, из которого они стреляют на Землю, и, установив постоянное наблюдение за этой частью планеты, встретить уже вооруженными следующую атаку марсиан.

В таком случае цилиндр может быть уничтожен динамитом или артиллерией, прежде чем он успеет настолько остыть, чтобы марсиане могли выйти из него. Или же их можно перестрелять всех из пушек, как только откроется цилиндр.

Лессинг привел несколько основательных доводов в пользу предположения, что марсианам действительно удалось основаться на планете Венера. Семь месяцев тому назад и Марс и Венера были на одной линии с Солнцем, другими словами, для наблюдающего с Венеры Марс находился в положении противостояния к ней. Вскоре после

этого на неосвещенной стороне средней планеты появился странный светящийся волнообразный след, и почти одновременно получился слабый, темный, такой же волнообразный отпечаток на фотографическом снимке с диска Марса. Достаточно взглянуть на снимки того и другого, чтобы убедиться в их замечательном сходстве.

Во всяком случае, грозит ли нам новое нашествие с Марса или нет, наши взгляды на будущее человечества, после недавних событий, должны были измениться. Теперь мы знаем, что мы не можем считать нашу планету вполне безопасным и хорошо защищенным местом жительства для человечества, а также, что мы никогда не можем предвидеть, какие блага или бедствия могут свалиться на нас из мирового пространства.

Возможно, что с широкой, мировой точки зрения, нашествие с Марса принесло в конечном итоге пользу человечеству. Оно уничтожило в нас безмятежную уверенность в прочности нашего будущего, что всегда служит верным источником упадка. Оно обогатило человеческие знания и значительно подвинуло человечество в понимании общего блага. Возможно также, что марсиане, наблюдая сквозь неизмеримо широкое пространство судьбу своих пионеров, приняли

к сведению полученный ими урок и избрали планету Венеру как более безопасное место для своей эмиграции. Но как бы то ни было, несомненно только одно, что еще много, много лет диск Марса будет для нас предметом неослабного наблюдения, а падающие звезды — эти огненные выстрелы с неба — будут служить всем жителям Земли серьезным предостережением.

Нельзя вполне оценить, насколько расширился умственный кругозор человека после нашествия марсиан. До падения их цилиндров держалось общераспространенное мнение, что во всем громадном мировом пространстве жизнь существует только на поверхности нашей крошечной планеты. Но теперь мы смотрим шире. Если марсиане могли перелететь на Венеру, то нет оснований думать, что это невозможно для людей, и, когда, вследствие постепенного охлаждения Солнца, Земля станет необитаемой, — что неизбежно случится когда-нибудь, тогда возможно, что нить жизни, взявшая свое начало на Земле, растянется и обовьет своею сетью родственные нам планеты. Будет ли за нами победа?

Туманно и поразительно видение, родившееся в моем мозгу, как жизнь постепенно, из маленького рассадника солнечной системы,

распространится по всему безжизненному, необъятному звездному пространству. Но это только отдаленная мечта! И, кто знает, может быть, уничтожение марсиан — лишь только временная отсрочка нашей окончательной гибели? Может быть, им, а не нам, принадлежит будущее?

Я должен сознаться, что волнения и ужасы того времени оставили в моей душе чувства сомнения в прочности существующего. Я сижу в моем кабинете и пишу при свете лампы. И вдруг мне кажется, что в снова ожившей долине появляются огненные языки пламени, что мой дом пустеет и что я снова одинок. Я выбегаю на Байфлитскую улицу и вижу, как едут повозки, экипажи, полные людей, рабочий на велосипеде, дети, идущие в школу, и вдруг все это становится туманным, нереальным, и я снова брожу с артиллеристом по горячей, пыльной дороге, среди гнетущей тишины.

А ночью я вижу безмолвные улицы, покрытые черным порошком, и растерзанные трупы, лежащие в пыли… Они встают передо мною, изувеченные и обглоданные собаками. Они бормочут что-то и угрожают мне, потом становятся все бледнее, все безобразнее и превращаются,

наконец, в какие-то сверхъестественные искажения человеческого образа… И я просыпаюсь в темноте, обливаясь холодным потом…

Я еду в Лондон, смотрю на озабоченно суетящуюся толпу по Флит-Стрит и Странду, и опять мне кажется, что все это только видения прошлого, которые бродят по улицам, бывшим еще так недавно такими тихими и пустынными! Что эти призраки в искусственно оживленном теле, носящиеся по мертвому городу, только насмешка над жизнью! И мне странно опять стоять на вершине Примрозского холма, куда я ходил только вчера, и смотреть на огромную панораму домов, подернутую синей пеленой тумана и дыма, постепенно исчезающей в дали. Странно видеть всех этих людей, гуляющих между цветочными клумбами, которые пришли посмотреть на боевую машину марсиан, все еще стоящую на прежнем месте! Странно слышать веселый крик играющих детей и вспоминать то время, когда я видел этот город и равнину такими зловещими и безмолвными при свете занимающейся зари того последнего, великого дня!..

Но страннее и удивительнее всего этого было держать в своей руке руку жены и думать, что я считал ее, как и она меня, между мертвыми.

1898
Перевод Э. К. Пименовой (1927)